

карпаторусский
КАЛЕНДАР
Лемко-Союза на
1942

Составил
Ваньо Тунянка

У КАЖДОГО
ЛЕМКА-КАРПАТОРОССА
ПОВИННА БЫТИ

Мапа Лемковины

ТОЧНА МАПА ЗАПАДНОЇ ЧАСТИ

КАРПАТСКОЙ РУСИ

ОТ ПОПРАДА ПО УЖ И СЯН

СТІННА МАПА НА ПОЛОТНІ	\$2.00
СТІННА МАПА НА ПАПЕРІ	0.50

УЧТЕСЯ ГРАМОТЫ!
НАУЧТЕСЯ САМИ И СВОИ ДІТИ
ЧИТАТИ ПО-РУССКИ ИЗ

КАРПАТОРУССКОГО БУКВАРЯ

ВАНЯ ГУНЯНКИ

Буквар выпущенный в продажу по:

15ц. ЗА ПРИМІРНИК. —

8 ПРИМІРНИКОВ ЗА \$1.00

ОРДЕРУЙТЕ В РЕДАКЦИИ

“КАРПАТСКОЙ РУСИ”

556 YONKERS AVENUE, YONKERS, N. Y.

КНИЖКИ ИЗДАНИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА,

КОТРЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТИ В РЕДАКЦИИ “КАРПАТСКОЙ РУСИ”

КНИЖКИ ДО ЧИТАНИЯ

1. Мапа Лемковины на полотні	\$2.00
2. Мапа Лемковины на папері	0.50
3. Карпаторусский Букварь — Ваньо Гунянка	0.15
4. Старый Край — Ваньо Гунянка	0.10
5. Борьба за Национальные Права и Борьба за Социальну Справедливость — Др. С. Пыж	0.10
6. Мысли о Кооперации — Родный Лемко	0.10
9. Збійска Полянка — Родный Лемко	0.10
10. Лемковскы Выродкы — Родный Лемко	0.10
11. Правда о России — Ваньо Гунянка	0.10
12. Лемковскы Народны Співанкы — С. Л. ..	0.20
13. Два Фронты — Др. С. Пыж	0.10
14. Возстановление Ада и Обращение к Духовенству — Л. Н. Толстой	0.15
15. Як Гартувалася Сталь — Н. Островский ..	0.50
16. История Сов. Союза и Карпатской Руси ..	0.40
17. Ноты Лемковских Мелодий	0.50

ДРАМАТИЧНА БИБЛИОТЕКА

1. Лемковске Весіля и Співанкы	0.10
2. Спаношене Хлопство	0.10
3. Ицко Сват	0.10
4. Муж Умер — Комедия — П. Ф. Телеп	0.10
5. “Карпатська Украина”	0.10
6. Просвітители Народа и Просперита	0.15
7. Охотники — Н. А. Цисляк	0.10
8. Мачоха и Конскрипция — И. П. Похна	0.10
9. Безработны и “Ситизены”	0.10
10. На Чужом Весілю — Сын Лемка	0.15
11. Молоды Старых Ошукали — Н. А. Цисляк ..	0.10
12. Порозуміла — Ст. Кичура	0.10
13. Братя Коллекторы — И. П. Похна	0.10
14. Американе и Клопоты Пана Превелебного ..	0.10
15. Женаты Женятся — Н. А. Цисляк	0.15
16. На Границі — Н. А. Цисляк	0.15
17. Лемковскы Вечиркы — Я. Кобан и И. Дурняк ..	0.15

ПИШТЕ НА ИМЯ ЛЕМКО-СОЮЗА АБО “КАРПАТСКА РУСЬ”

556 YONKERS AVENUE, YONKERS, N. Y.

КАРПАТОРУССКИЙ КАЛЕНДАР ЛЕМКО-СОЮЗА

на
1942

СОСТАВИЛ
ВАНЬО ГУНЯНКА

Год Издания 17-ый

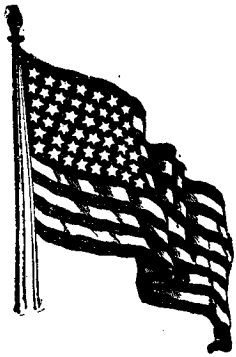
Печатано в типографии Лемко-Союза Йонкерс, Н. Й.

556 Yonkers Avenue,

Yonkers, N. Y.

ЦІНА 50 ЦЕНТОВ

Американскы Легальны Сеята

1) Кажда неділя (воскресенье в году.

2) 1-го января — Новый Год, празднуют во всіх штатах за исключением штатов: Массачусетс, Аркансас, Миссиссиппи и Нью Гемпшир.

3) 12-го февраля, день рождения президента Авраама Линкольна, празднуют: Коннектикут, Нью Джерси, Нью Йорк, Пенсильвания, Делаваре, Каролайна, Вест Вирджиния, Илинойс, Индиана, Кензас, Мичиган, Миннесота, Савт Дакота, Норт Дакота, Монтана, Ютаг, Колорадо, Айова, Орегон, Вашингтон и Вайоминг.

4) 22-го февраля, день рождения первого президента Соединенных Штатов, Юрия Вашингтона — празднуют во всіх штатах, за исключением штата Миссиссиппи.

5) Велика Пятница, празднуют в штатах: Массачусетс, Миссиссиппи, Пеннсильвания, Алабама, Луизиана и Теннесси; в других штатах губернаторы проголошуют той день святочным.

6) 30-го мая — Декорейшин Дей. — Того дня украшают гробы — могилы погибших воинов в часі гражданской войны. Празднуют во всіх штатах, за исключением штатов Аркансас, Флорида, Джорджия, Луизиана, Миссиссиппи, Нью Мексико, Норт Каролайна, С. Каролайна и Тексас.

7) 4-го юлия — Форт өф Джулай — день проголошения независимости Соединенных Штатов. Празднуют во всіх штатах.

8) В первый понедільник сентября — День Труда — Лейбор Дей, — празднуют во всіх штатах.

9) Последній четверг в ноябрі — День Благодарения — Тенксгивинг Дей, празднуют во всіх штатах, за исключением штата Вайоминг.

10) 25-го декабря — Рождество Христово — латинский Кризмас. Празднуют во всіх штатах.

Кромі вышеназванных праздников, гдеякы штаты празднуют: День Колумба — 12-го октября; День штатных и федеральных выборов — Елекшин Дей — обыкновенно в первый вторник в ноябрі. Кромі того, каждый штат має свои отдільны праздники.

АМЕРИКАНСКА ЛІТОПИСЬ

Годы

1492. Христофор Колумб, итальянец, открыл Новый Світ.

1497. Иван Кабот, англичанин, открыл континент Сіверной Америки.

1565. Испанцы поселилися в Ст. Августин, Флорида, настарший тепер город в Соединенных Штатах.

1607. Поселение Вирджинии, перва успішна колония в 13-ти первоначальных штатах начата англичанами.

1609. Генри Гудсон, англичанин, находящийся на службі голландцев, открыл ріку Гудсон.

1620. Англичане начали заселяти Массачусетс.

1647. Массачусетс ухвалил закон о устройстві публичных школ.

1664. Англичане забрали голландцам город Нью Амстердам и назвали го Нью Йорк.

1682. Английскы Квакеры поселилися в Пеннсильвании.

1733. Англичане начали заселяти Джорджию, последну из первоначальных стейтов.

1759. Англичане отнесли окончательну побіду над французами в Квебек.

1775. Началася революційна война против Англии.

1775. Битва у Бункер Гилл между американцами и англичанами.

1776. Декларация Независимости от Англии. проголошена в Филадельфии.

1776. Американцы выиграли битву в Трентон.

1777. Американцы выиграли битву у Саратога.

1789. Американцы при помочы французов. отнесли окончательну побіду над англичанами у Йорктавн.

1789. Согласно Конституции, Джордж Вашингтон стал первым президентом Соединенных Штатов.

1803. Соед. Штаты откупили от французов Луизиану.

1807. Роберт Фултон побудовал первый пароход.

1812 — 1815. Вторая война с Великом Британиом.

1819. Флориду купили Соед. Штаты от Испании.

1819. Первый пароход, Саваннаг, переплыл Атлантический океан.
1823. Объявлено доктрину Монро, чым остережено европейцев перед устройством колоний в Америкі.
1825. Открыто Канал Ири, через што Нью Йорк стал торговым центром Соед. Штатов.
1830. В Соед. Штатах по раз первый употреблено с успіхом первый локомотив.
1845. Анектовано Тексас.
- 1846 — 1848. Война с Мексикою, по котрой Соед. Штаты получили югозападны стейты и территории.
1848. Открыто в Калифорнии золото и там, начали поселятися американцы.
- 1861 — 1865. Гражданска война между южными и северными стейтами.
1863. Президент Линкольн проклямовал свободу для негров.
1863. Северны стейты выиграли битву под Геттисбург.
- 1865 — 1870. Принято 13, 14 и 15 додаток до Конституции, дающий неграм свободу и право голосования.
1869. Окончено будову желізной дороги, соединяющей Нью Йорк с Сан Франциско.
- 1882 — 1902. Запрещено иммиграцию китайских рабочих на 10 літ.
1884. Начато употребляти электрически трамвай (стриткар).
1898. Анектовано Гавайскы острова.
1898. Война Соед. Штатов с Испанием, освобождение Кубы и присоединение Филиппинских островов и Порто Рико.
1902. Братя Райт вынашли летательну машину.
1914. Окончание будовы Панамского Канала.
- 1917 — 1918. Война Соед. Штатов с Германием.
1920. Победа республиканской партии на президентских выборах.
1923. Смерть Президента Гардинга. Вице-президент Кальвин Кулидж вступил на пост Президента Соед. Штатов.
1924. Переизбрание Кальвина Кулиджа на президентских выборах.
1926. Празднование 150-літия Американской Независимости.
1929. Крах на Американской биржі и початок страшной депрессии и безработя.
1932. Провал республиканской партии на выборах, выбор президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.
1933. Президент Рузвельт и його "Нью Дил", НРА.
1935. Найвысший Суд С. Ш. рішыл, што НРА противится Конституции С. Ш.
1936. Выбор Президента. Президент Рузвельт переизбранны рекордным чыслом голосов. Получил 523 елкторальных голосов, його републиканский противник Ландон лем 8 голосов.
1940. Выбор Президента. Президент Рузвельт выбранны на третий термин Президентом США. То случилось первый раз в истории США, абы дакий Президент был выбранны на третий термин.

*

*

TEL. Butterfield 8—0100
8—0177

POUST WINE & LIQUOR CO.

CHOICE WINES & LIQUORS
IMPORTED and DOMESTIC
Special Prices on Case Lots
Prompt Deliveries

Склад наилучших Вин и Ликеров

1375 FIST AVE.

Cor. 74th St.,

NEW YORK, N. Y.

TEL. Butterfield 8—9833

JOSEPH J. STOLBA

LICENCED FUNERAL DIRECTOR

NOTARY PUBLIC

Лайсенсованный Погребник.

Первоклассна услуга!

1369 FIRST AVE.,

NEW YORK, N. Y.

Январ 1942 January

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Новый Год, О. Г. Вас. В.	14	Январь — Феликса
2 Ч	Св. Сильвестра	15	Св. Павла Пуст.
3 П	Преп. Малахия	16	Маркила
4 С	Собор 70 Апостолов	17	Антония
5 Н	Нав. Богояв., Теопемта	18	Н. 2 по 3 Кр. Петра
6 П	Богоявление Госп.	19	Мария и тов.
7 В	Иоанна Крестителя	20	Севастиана
8 С	Георгия Преп.	21	Св. Агнеты
9 Ч	Св. Филиппа	22	Винкента
10 П	Св. Григория	23	Раймунда
11 С	Прп. Теодозия Вел.	24	Тимофея
12 Н	Нед. о Митарі и Фар.	25	Н. 3 по 3 Кр. Павла
13 П	Муч. Ёрмила	26	Поликарпа
14 В	Отцев в Синаі	27	Иоанна Златоуст.
15 С	Собор Иоанна Пред.	28	Св. Леонида
16 Ч	Поклон Вер. Ап. Петра	29	Францишка
17 П	Ннтония Вел.	30	Мартина
18 С	Афанасия и Кирилла	31	Петра из Н.
19 Н	Нед. о Блудном Сыні	1	(Фев.) Н. 3 по 3 Кр.
20 П	† Преп. Ефимия Вел.	2	Марии Гром.
21 В	Максима преп.	3	Власия
22 С	Тимофея апостола	4	Св. Андрея
23 Ч	Преп. Максима Сир.	5	Агаты
24 П	Прп. Ксении	6	Тита еп.
25 С	† Григория Богослова	7	Попел. Ромульда
26 Н	Мясопустна Ксенофонта	8	6 Десяти. Иоанна пр.
27 П	† Пер. М. І. Златоуст.	9	Св. Кирилла
28 В	Ефрема прп.	10	(Попел.) Схолястик.
29 С	Пер. Мощ. Игнатия	11	Об. МБ. Люр.
30 Ч	Трех Святителей	12	Григория
31 П	Кира и Иоанна безср.	13	Валентина

TEL. AMbridge 731

M. C. DROZ

WALL-PAPER—PAINTS—GLASS

House and Sign Painting, Paper-hanging

Picture Framing, Etc.

FOURTH & MERCHANT STS.

AMBRIDGE, PA. 5th ST. & DUSS AVE., AMBRIDGE, PA.

TEL. AMbridge 9646

SAM'S SHOE SERVICE

WINNER of GRAND NATIONAL SILVER CUP

Beaver Valley Most Complete

SHOE SERVICE

NO JOB TOO SMALL — NONE TOO BIG

Первый прайз в Соед. Штатах — получил
за напаву обува.

Февраль 1942 February

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Муч. Трифона	14	Фавстияна и Ювва
2 Н	Сыропустна, Стріт. Гос.	15	5 Десятн. Фавстияна
3 П	Симеона и Анны	16	Юлиянны
4 В	Исидора преп.	17	Фавстина
5 С	Агафий муч.	18	Св. Сим. (Попелец)
6 Ч	Вукола пр.	19	Маркелина
7 П	Парфения и Луки	20	Льва еп.
8 С	Влмч. Теодора Стр.	21	Феликса еп.
9 Н	1 Нед. Поста, Никифора	22	1 Н. Поста, Маргар
10 П	Свмч. Харлампия	23	Петра Дам.
11 В	Власия мч.	24	Матей
12 С	Мелетий и Ал.	25	Мафтей ап.
13 Ч	Мартияна преп.	26	Александра
14 П	Авксентия преп.	27	Нестора
15 С	Ап. Онисима	28	Александра
16 Н	2 Поста, Памфила мч.	1	(Март) 2 Поста
17 П	Теодора влмч.	2	Павла ап.
18 В	Льва Папы рим.	3	Св. Кункунды
19 С	Архипа и Максима	4	Казимира
20 Ч	Льва еп. Кат.	5	Иоанна Від. Хр.
21 П	Тимофея преп.	6	Перпетуи
22 С	Свмч. иже во Евгении	7	Өом. Аквилины
23 Н	3 Поста, Поликарпа свмч	8	3 Н. Поста Йоанна
24 П	† Обр. Гл. Иоанна Кр.	9	Францишка
25 В	Тарасия св.	10	40 Мучеников
26 С	Св. Порфирия	11	Евлөгия
27 Ч	Св. Прокопия Д.	12	Григория
28 П	Василия прп.	13	Катерины

TEL. AMbridge 800

TEL. AMbridge 9657

Compliments
of

VALLEY REALTY COMPANY

K. R. WAGNER — C. ROY KERR

REAL ESTATE & INSURANCE

KRISTUREK'S MARKET

GROCERIES and MEATS

В щторі завсе свіжы мяса и grosерия.

506 MERCHANT ST., AMBRIDGE, PA. 14 AMBRIDGE AVE., FAIR OAKS, PA.

Март 1942 March

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Евдокія прп.	—	14†	Матильды к.
2 Н	4 Поста, Феодота свмч.		15	4 Н. Поста, Климент
3 П	Евпатория и др. мч.		16	Св. Авраама
4 В	Преп. Герас.		17	Св. Патрика
5 С	Конона муч.		18	Кирилла
6 Ч	42 мч. в Амор.		19	Иосифа Обручн.
7 П	Ефрема свмч.		20	Евфимии д.
8 С	Прп. Теофилакта		21	Венедикта
9 Н	5 Поста, Муч. Севаст.		22	Н. Пассийна, Катер.
10 П	Муч. Киприяна		23	Св. Феликса
11 В	Св. Софрония птр.		24	Св. Гавриила
12 С	Теофана Григория прп.		25	Зв. Н. М. П.
13 Ч	Никифора свмч.		26	Людгера
14 П	Венедикта прп.		27	Йоанна
15 С	Агапия мч.		28	Сикста
16 Н	Цвітна, Трофима мч.		29	Н. Пальмы, Кирил.
17 П	Алексия прп.		30	Квирина
18 В	Св. Кирилла Иерус.		31	Св. Бальбины д.
19 С	Хризанта и Дарии мч.		1	(Апр.) Валерияна
20 Ч	Прп. Иоанна и Сергия		2	В. Чет. Францишка
21 П	Вел. Пятница, Якова еп.		3	Б. Пят., Ришарда
22 С	Василия свмч.		4	Изидора
23 Н	Воскресение Христово		5	Воскр. Христово
24 П	Світлый Понедільник		6	Св. Понед., Юлиян.
25 В	Св. Вторник, Благ. П. Б.		7	Св. Сатурна
26 С	Собор Арх. Гавриила		8	Дионосия еп.
27 Ч	Св. Матроны Солун.		9	Марии Егип.
28 П	Прп. Илариона и Стефан.		10	Езекиила
29 С	Прп. Кирила и Марка		11	Льва Папы Рим.
30 Н	Өомина, Иоанна Ліств.		12	Н. Прев., Юлия
31 П	Ипатия свмч.		13	Юстина

ПРИВІТ ВСІМ КРАЯНАМ

—от—

Карпаторусско-Американской Секции

ИРО ч. 3258.

Вступайте до своей организации.

Собрания отбываются в кожду первую неділю
в місяцу на:

РУССКОЙ ГАЛІ

308 MAPLEWOOD AVE., ABRIDGE, PA. 738 N. MAIN ST., WATERBURY, CONN.

W. H. PICKETT DRUG CO.

Где достанете завсе найліпшы медицины.

FRANK GUBA, Reg. Pharm.

PATRICK SWEENEY, Reg. Pharm.

ANTHONY FERELLI, Ass. Pharm.

WILLIAM MELNIK, Ass. Pharm.

Апріль 1942 April

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В Прп. Марии Егп.
2 С Тита и Поликарпа
3 Ч Никиты прп.
4 П Йосифа Прп.
5 С Феодосия

14 Юстина
15 Анастасии мч.
16 Ламберта
17 Аникита
18 Апполония

6 Н Мироносиц, Евтихия св.

19 2 Н. Леона

7 П Георгия еп., Мелит.
8 В Иродиона Ап.
9 С Вадилеа Прп.
10 Ч Терентия мч.
11 П Антипы свмч.
12 С Василия прп. еп.

20 Агнешка
21 Анзольма.
22 Сотера и Кай м.
23 Войтеха
24 Феликса
25 Марка Ап.

13 Н О Рослаблен. Артем свмч

26 3 Н. Клита и Марк.

14 П Мартина папы рим.
15 В Св. Аристарха
16 С Агапии муч.
17 Ч Симеона
18 П Св. Космы и Йоанна
19 С Йоанна и Георгия

27 Петра Кан.
28 Св. Павла
29 Петра из Вер.
30 Катерины
1 (Май) Филиппа
2 Атанасия

20 Н О Самарянині, Анастасия

3 4 Н. Обріт. Ч. Кр.

21 П Януария свмч.
22 В Луки и Клим.
23 С † Георгия вмч.
24 Ч Саввы мч.
25 П Марка евнг.
26 С Василия свмч.

4 Св. Моники
5 Пиуса В.
6 Иоанна еван.
7 Станислава
8 Арх. Михаила
9 Григория

27 Н О Сліпорожд., Симеона

10 5 Н. Св. Антония

28 П Якова ап.
29 В Св. 9 муч. из Кизики
30 С † Якова Заведеева ап.

11 Франтишка
12 Св. Нереша
13 Серватия

КАРПАТО-РУССКА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Где достанете завсе свіжы мяса и гросерию.

Свой до своего!

SAMUEL SYDORICK, Prop.

GROCERIES & DELICATESSEN

348 WALNUT ST.,

YONKERS, N. Y.

KUBICEK

PIANOS and APPLIANCES

КАРПАТОРУССКИ РЕКОРДЫ,

Продаеме и посыламе через почту.

Пиште по каталог.

KUBICEK

20 WARBURTON AVE., YONKERS, N. Y.

Май 1942 May

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1	Ч	Вознесение Господне
2	П	Афанасия вел.
3	С	Преп. Теодосия печ.
4	Н	Св. Отець 1 Никейс Соб.
5	П	Свмчц. Ирины
6	В	Йова многострададь.
7	С	Явление Чест. Креста
8	Ч	† Иоанна Богосл.
9	П	Пер. мощ. св. Николая
10	С	Симеона ап.
11	Н	Сошествие Св. Духа
12	П	Пресв. Тройцы, Германа
13	В	Мчц. Александры
14	С	Издора мч.
15	Ч	Пр. Пахомия
16	П	Прп. Теодора и Ефрема
17	С	Андроника ап.
18	Н	Всїх Святых, Оеодота м.
19	П	Патрикия вчч. (Петровка)
20	В	Алексия
21	С	† Константина и Елены
22	Ч	Свщ. мч. Василиска
23	П	Михаила прп.
24	С	Симеона и Никиты
25	Н	2 по С.С.Д. Обр. Гл. І.П.
26	П	Муч. Аверкия
27	В	Свщ. Терапонта
28	С	Никиты еп.
29	Ч	Оеодосия мч.
30	П	Исаакія прп.
31	С	Ефрема ап., Ермии мч.

14	Возн. Госп., Бониф.
15	Софии
16	Иоанна Непом.
17	6 Н. Пасхалиса
18	Феликса
19	Св. Петра
20	Бернандина
21	Елены
22	Св. Юлии
23	Св. Йоана Р.
24	Сошеств. Св. Духа
25	Григория
26	Св. Филиппа
27	Беды В.
28	Вильгельма
29	Юлия д.
30	Феликса
31	Н Св. Тройцы
1	(Юнь) Никодима
2	Св. Маркеля
3	Клотильды
4	Боже Тїло, Квирина
5	Бонифация
6	Норберта
7	2 Н. Св. Роберта
8	Медарда
9	Св. Феликса
10	Маргареты
11	Варнавы
12	Онуфрия
13	Антония

TEL. YONkers 5—0595

TEL. YONKERS 5—0278

A. POLACK

FINE MEATS & GROCERIES

TEAS, COFFEES and VEGETABLES

Тримат завсе свіжий товар.

263 SAW MILL RIVER ROAD,
YONKERS, N. Y.

GREAT RAPIDS FURNITURE CORP.

QUALITY FURNITURE

C. HAVES, Manager

СКЛАД С МЕБЛЯМИ
ПО ПРИСТУПНЫХ ЦІНАХ

12 MAIN ST., YONKERS, N. Y.

Юнь 1942 June

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н 3. Юстина мч.
2 П Никифора св.
3 В Мч. Лукияна
4 С Митрофана
5 Ч Доротия свмч.
6 П Висариона пр.
7 С Теодора свмч.

8 Н 4. Влмч. Теодора страт.
9 П Св. Кирилла, Александра
10 В Свщ. Тимофтея
11 С † Вартоломея и Варвары
12 Ч Онуфрия, Петра, Арсен.
13 П Акилины мчц.
14 С Елисея пророка

15 Н 5. Амоса пророка
16 П Тихона еп. амаунтск.
17 В Муч. Мануила
18 С Леонтия мч.
19 Ч Ап. Иуды брата Госп.
20 П Мефодия свмч.
21 С Юлиана и Терентия мч.

22 Н 6. Евсения свмч.
23 П Агрипины мчц.
24 В Рожд. Иоанна Крест.
25 С Февронии мчц.
26 Ч Давида прп.
27 П Сампсона прп.
28 С Пер. мощ. Кира и Иоанна

29 Н 7. Св. Апп. Петра и Павла
30 П Собор 12 Апостолов

14 3 Н. Василия В.
15 Вита и Мод.
16 Св. Франца
17 Адольфа
18 Ефрема
19 Юлианны
20 Сильверия папы

21 4 Н. Альойзия
22 Павлина еп.
23 Св. Едильтруды
24 Рожд. Иоанна Кр.
25 Вильгелма
26 Павла и Иоанна
27 Владислава

28 5 Н. Льва Папы Рим
29 Петра и Павла
30 Св. Павла Ап.
1 (Юль) Теобалда
2 Посщ. П.Д.Марии
3 Антолия
4 Феодора

5 6 Н. Филомена
6 Иссаии
7 Кирилла и Методия
8 Елисаветы прп.
9 Вероники
10 7 Братей мч.
11 Пия I.

12 7 Н. Генриха
13 Маргареты

SANITARY BARBER SHOP

ЛЕМКО БАРЕЕР

Стриже и голит чисто, скоро и недорого.

Заходите до своего!

ANDREW SMYJ

FRANK'S TAVERN

FINSET BRANDS OF LIQUORS

and

BEST BRANDS OF BEERS

Там завсе забавитесь весело и по приятельски.

137 RIVERDALE AVE., YONKERS, N. Y. 27 CROTON TERRACE, YONKERS, N. Y.

Юль 1942 July

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В Космы и Дамьяна
2 С † Пол. Риз. Пр. Богород.
3 Ч Якинта мч. и Филипа св.
4 П Андрея археп.
5 С † Кирилла и Мефодия

6 Н 8. Прп. Сисоя

7 П Оомы и Акакия
8 В Вмч: Прокопия
9 С Панкратия и Кирила мч.
10 Ч † Антония печерск.
11 П Блаж. кн. Ольгы
12 С Прокла и Илария мч.

13 Н 9. Соб. Арх. Гавриила

14 П Прп. Онисима
15 В Вел. кн. Владимира
16 С Свмч. Павла, Алевтины
17 Ч Марины вмчц.
18 П Свмч. Емилиана
19 С Макрины прп.

20 Н 10. †Илии пророка

21 П Прп. Симеона и Иоанна
22 В Марии Магдалины Мрн.
23 С Трофима и Теофила мч.
24 Ч Бориса и Гліба мч.
25 П † Успение св. Анны
26 С Прп. Мойсея

27 Н 11. † Пантелеймона вмч.

28 П Прохора ап.
29 В Свмч. Калиника
30 С Силы и св. Йоанна
31 Ч Евдокима и Йосифа

14 Св. Бонавент.
15 Генрика
16 Мат. Б Скап.
17 Алексия
18 Симеона з Л.

19 8 Н. Винкентия

20 Чеслава
21 Св. Праскеды
22 Марии Магдалины
23 Аполинария
24 Кристины
25 Якова

26 9 Н. Св. Анны

27 Наталии
28 Св. Назария
29 Марты д.
30 Авдота, Юлиты.
31 Игнатия
1 (Авг.) Петра

2 10 Н. Пр. Д. М. Анг.

3 Св. Стефана
4 Св. Доминик.
5 МБ Сніжною
6 Преобр. Госп.
7 Каетана
8 Кирияка м.

9 11 Н. Романа

10 Лаврентия
11 Св. Сусаны д.
12 Кляры д.
13 Гипололита

PHONE:

YOnkers

5—0666

ALMO

FURNITURE CORPORATION

COMPLETE HOME FURNISHERS

CASH—CREDIT

В нашом складі выберете собі всяки мебели.

132-134 NEW MAIN ST., YONKERS, N. Y.

TEL. YOnkers 5—3027

MAX ROTH

CHOICE MEATS

НАЙЛІПШИЙ ШТОР С МЯСОМ

Заходте до нас, а переконатесь сами.

MAX ROTH

368 NEPPERHAN AVE., YONKERS, N. Y.

Август 1942 August

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	Проис. Др.Хр. (Н. поста)	14	Евсевия
2 С	Пр. мощ. мч. Стефана	15	Успение Пр. Бог.
3 Н	12. Исаака и Антония пр.	16	12 Н. Иакима и Роха
4 П	7 муч. Ефеск.	17	Яцка В.
5 В	Евстигнея мч.	18	Св. Елены
6 С	Преображение Господне	19	Людвика
7 Ч	Доментия мч.	20	Бернарда
8 П	Емилиана еп. и Григория	21	Иоанны
9 С	† Матфея Ап.	22	Тимотея м.
10 Н	13. Архист. Лаврентия	23	13 Н. Филиппа
11 П	Мч. Евпла, Теодора	24	Вартоломея
12 В	Фотия и Аникиты	25	Св. Людв. к.
13 С	Максима исповід.	26	Зеферина
14 Ч	Преп. Теодосия	27	Йосифа
15 П	Успение Пресв. Богород.	28	Августина
16 С	Пер. Нерукотв. Образа	29	Ус. Гл. І. Кр.
17 Н	14. Мирона мч. и Алипия	30	14 Н. Розалии
18 П	Флора и Лавра	31	Раймунда
19 В	Мч. Андрея стр.	1	(Сент.) Св. Егид.
20 С	Самуила пророка	2	Юста
21 Ч	Өадея ап.	3	Брониславы
22 П	Свмч. Афтанасия	4	Розалии д.
23 С	Лупы мч.	5	Лаврентия
24 Н	15. Св. Петра митрп.	6	15 Н. Онесифора
25 П	Апп. Варфоломея и Тита	7	Регины
26 В	Андрияна и Наталии	8	Рожд. Пр. Д. М.
27 С	Пимона прп.	9	Петра Кл.
28 Ч	Мойсея пророка	10	Николая
29 П	† Усікн. Главы Й. Предт.	11	Прота
30 С	Александра патр.	12	Им. Б. Мар.
31 Н	16. Пол. Пояса Пр.Д.М.	13	16 Н. Поликсены

TEL. YOnkers 3—2244

MICHAEL KOBLOSH

PRIME MEATS

GROCERIES & DELICATESSEN

TEAS, COFFEES, SPICES and FRUITS

В Гросерні и Бучерні Михаила Коблоша, завсе
достанете свіжы мяса и гросерію.

Заходте до свого!

МИХАИЛ КОБЛОШ

348 ASHBURTON AVE., YONKERS, N. Y.

TEL. YOnkers 5—3468

ПЕРВОКЛАСНА
ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕССЕН

АННЫ СМЕРЕК

Завсе свіжий товар має,
И всім чесно наміряє.

Краяне! Свой до свого!

GROCERIES & DELICATESSEN

BOTTLED BEER, CIGARETTES, Etc.

886 NEPPERHAN AVE., YONKERS, N. Y.

Сентябрь 1942 September

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Прп. Симеона Столп.
2 В Муч. Маманта, Иоанна
3 С Антима и Василия мч.
4 Ч Мойсея и Ермонии
5 П Захария и Елисаветы прп
6 С Чудо Арх. Михаила

7 Н 17. Розонта мч. Онисифр.

8 П **Рождество Пр. Богород.**

9 В Иоакима и Анны

10 С Климента апп.

11 Ч Феодоры преп.

12 П Автонома мч.

13 С Обнов. Храма Воскр.

14 Н 18. Возд. Чест. Креста

15 П Прп. Филофея, Никиты

16 В Евфимии и Людмилы

17 С Софии, Віры и Надежды

18 Ч Евмения пр.

19 П Евтафия вмч. Мих. кн.

20 С Трофима, Саввы

21 Н 19. Кондрата, Димитрия

22 П Фокии смчц., Йоны прп.

23 В Зач. Иоанна Предтечи

24 С Текли св. прмчц.

25 Ч Евфросинии

26 П † Св. Иоанна Богослова

27 С Калистрата мч. Марка ап

28 Н 20. † Харитона прп.

29 П Прп. Кирияка отшельн.

30 В Мч. Григория, Михаила

14 Воздвижение Ч. К.

15 Св. Катерины

16 Корнилия

17 Ламберта

18 Иосифа, Фомы.

19 Иануария

20 17 Н. Евстахия

21 Мафтея

22 Св. Фомы из В.

23 Текли д.

24 Герарда

25 Владислава

26 Киприяна

27 18 Н. Космы и Дам.

28 Вячеслава кар.

29 Св. Михаила Арх.

30 Геронима

1 (Окт.) Ремигия

2 Ангел Стор.

3 Тересы

4 19 Н. Франца Ас.

5 Плакида

6 Св. Брунона

7 Н. М. П. Рожан.

8 Бригиды

9 Людовика, Викентия

10 Франциска

11 20 Н. Емилиана

12 Максимилиана

13 Св. Едвар. к.

TEL. RHineland 4—9058

TEL. BU. 8—3667

M. ROONEY

A. ROONEY

ROONEY'S
Wine & Liquor Store

Licence № 624.

Prompt Service

Найліпшы Вина и Ликеры

356 EAST 72nd ST.

Near First Ave.,

NEW YORK, N. Y.

SILVER LAKE DAIRY

Молочны выробы — Найліпший сорт.

1370 FIRST AVENUE

Cor. 73rd Street,

NEW YORK, N. Y.

Октябрь 1942 October

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С † Покров Пр. Богород.
2 Ч Киприяна и Юстины мч.
3 П Дионисия свмч.
4 С Юрофея мч.

5 Н 21. Петра, Алексия, Ионы

6 П Оомы апп.
7 В Сергия и Вакха мч.
8 С Пелагии прп.
9 Ч Апп. Якова
10 П Евлампия мч.
11 С Филиппа ап. Теофана

12 Н 22. Прова, Андронина мч

13 П Карпа, Никиты прп.
14 В Мч. Назария
15 С Параскевы прп.
16 Ч Лонгина Сотн.
17 П Мч. Андрея Крит.
18 С Лукы ап. Юлияна прп.

19 Н 23. Юлия, Иоанна прп.

20 П Артемия вмч.
21 В Илариона В. Прп.
22 С Каз. Ик. Пр. Богород.
23 Ч Якова ап.
24 П Ареты мч., Афанасия св.
25 С Маркиана мч.

26 Н 24. † Димитрия вмч.

27 П Нестора летописца
28 В Параскевы вмч.
29 С Анастасия прп.
30 Ч Зиновия, Зиновии мч.
31 П Стахия апп.

14 Каликста папы
15 Тересы
16 Ядвигы
17 Малгожаты

18 21 Н. Лукы еванг.

19 Петра
20 Св. Иоанн. Кант.
21 Урсулы
22 Кордулы
23 Серванта
24 Рафаила

25 22 Н. Хризанта Кр.

26 Евариста
27 Св. Фльорияна
8 Симеона и Оадея
29 Наркиза
30 Альфонса
31 Квинтина

1 (Нов.) 23 Н. Всіх Св.

2 День Задущный
3 Губерта
4 Кароля Богом.
5 Захарии и Елизав.
6 Леонарда
7 Геркулана

8 24 Н. Годфрида

9 Теодора
10 Св. Андр. из А.
11 Мартина ел.
12 Мартина Папы.
13 Станислава

TEL. Butterfield 8—3170

KRASDALE FOOD STORE

IT REALLY PAYS TO SHOP IN

Krasdales Food Store, where you get such
consistent savings.

У нас завсе свіжий товар, а ціны низькі.

418 WALNUT ST.

YONKERS, N. Y.

CHARLES BELSKY

FUNERAL DIRECTORS

Даємо першокласну услугу.

Полный погреб лем \$150.00.

306 E. 72nd St.,

NEW YORK, N. Y.

Ноябр 1942 November

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Космы и Дамиана Безср.	14	Йосафата
2 Н	25. Прп. Маркияна	15	25 Н. Альберта
3 П	Св. Йосифа, Акенсима пр	16	Гертруды
4 В	Иоаникия В. прп.	17	Св. Григория
5 С	Галактиона и Григория	18	Романа м.
6 Ч	Павла св. и Луки прп.	19	Елисаветы
7 П	Мч. Иерона и 33 муч.	20	Феликса
8 С	Собор Арх. Михаила	21	Введ. в Х. ПБ.
9 Н	26. Онисифора и Порф.	22	26 Н. Сесилии
10 П	Ераста, Родиона ап.	23	Клементя
11 В	Мины, Виктора мч.	24	Св. Иоанна от. кр.
12 С	Иоанна милостивого	25	Екатерины д. и м.
13 Ч	Иоанна златоустого	26	Конрада
14 П	Филиппа ап. (Нач. поста)	27	Валерияна
15 С	Гурия мч.	28	Здиславы
16 Н	27. † Мафея Апостола	29	1 Адв. Сатурнина
17 П	Св. Гргоирия еп. чудтв.	30	Андрея ап.
18 В	Платона и Романа мч.	1	(Дек.) Св. Елигия
19 С	Авдия, Варлаама прп.	2	Бабияны д.
20 Ч	Григория пророка	3	Францишка
21 П	Введ. в Храм Пр. Богор.	4	Варвары
22 С	Филиппа, Михаила св.	5	Саввы еп.
23 Н	28. Александра Невск.	6	2 Адв. Св. Николая
24 П	Екатерины вмч.	7	Амвросия еп.
25 В	Клементя и Петра свмч.	8	Неп. Зач. ПДМ.
26 С	Алипия прп.	9	Леокатии д.
27 Ч	Муч. Якова персиан.	10	БМ Лорет.
28 П	Стефана, Василия мч.	11	Дамасия м.
29 С	Парамона мч. Нектария	12	Александра
30 Н	29. † Андрея ап. первзв.	13	3 Адв. Луции, Отил.

CUSTOM TAILORS

SUITS and COATS MADE TO ORDER
Perfect Fit GUARANTEED

We use all Woolen Materials in all Garments

Шиеме суты на Вашу дяку, гварантовано
по приступных цінах.

Поверх 30 літ в том самом шторі.

JACK BERKOWITZ

1304 THIRD AVE.
Cor. 75th ST.,

NEW YORK, N. Y.

TEL. REgent 4—9674

ВАСИЛИЙ БУНДЗАК

Продаеме и направляме
РАДИЯ

Вся работа гварантувана.

Русскы люде купуйте у своих!

WILLIAM'S RADIO SERVICE

1189 FIRST AVE.

Bet. 64th & 65th Sts., NEW YORK, N. Y.

Декабр 1942 December

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Прп. Наума, Филарета
 2 В Аввакума прор. Иоанна
 3 С Софинии, Саввы прп.
 4 Ч Свщ. мучц. Варвары
 5 П Прп. Саввы освщ.
 6 С **Николая Чудотворца**
 7 Н 30. Амвросия еп. Медиол.
 8 П Попатия прп. Сосфена
 9 В † За.ч Пр. Богородицы
 10 С Мины и Еромогена мч.
 11 Ч Даниила, Луки, прп.
 12 П Спиридона, Александра
 13 С † Евстратия и Авксентия
 14 Н **Св. Праотец, Фирса**
 15 П Павла, Елевферия мч.
 16 В Аггея пророка
 17 С Даниила прор., Анании
 18 Ч Севастияна муч.
 19 П Бонифатия мч. Илии пр.
 20 С Игнатия Богоносца муч.
 21 Н **Св. Отец, Петра мтрпл.**
 22 П Анастасии вмчц.
 23 В 10 мч. в Криті
 24 С Навеч. Рожд., Евгении
 25 Ч **Рождество Христово**
 26 П **Собор Пр. Богородицы**
 27 С **Прмч. Стефана**
 28 Н **По Рожд. Муч. из Никод.**
 29 П 14 тыс. Младенцев Убит.
 30 В Муч. Анисии, Теодоры
 31 С Мелании прп.

14 Спиридиона еп.
 15 Св. Кристины
 16 Альбина, Аделаиды
 17 Лазария еп.
 18 Грацияна
 19 Немесия еп.
 20 **4 Адв. Доминика**
 21 Оомы ап.
 22 Св. Зезона м.
 23 Виктории д.
 24 Адама и Евы
 25 **Рожд. Христово**
 26 **Стефана Првмч.**
 27 **Н. Рожд., Иоанна**
 28 14 тыс. Дітей убит.
 29 Св. Оомы
 30 Савина
 31 Сильвестра
 1 **(Янв.) Н. Год 1943**
 2 Макария
 3 **2 по Р. Геновефы**
 4 Тита, Евгения
 5 Св. Емилия
 6 **Трех Королей**
 7 Лукияна
 8 Северина
 9 Маркияна
 10 **3 по Р. Вильгельма**
 11 Альойсия
 12 Гонораты
 13 Вероники

PAUL BAGO

LADIES & GENTS TAILOR & FURRIER
 French Dry Cleaning, Dyeing, Pressing,
 REPAIRING & ALTERATIONS
 WE CALL & DELIVER

Всі кравецькі роботи робимо старанно
 и по уміркованих цінах.

1341 FIRST AVE.
 Bet. 71st & 72nd Sts., NEW YORK, N. Y.

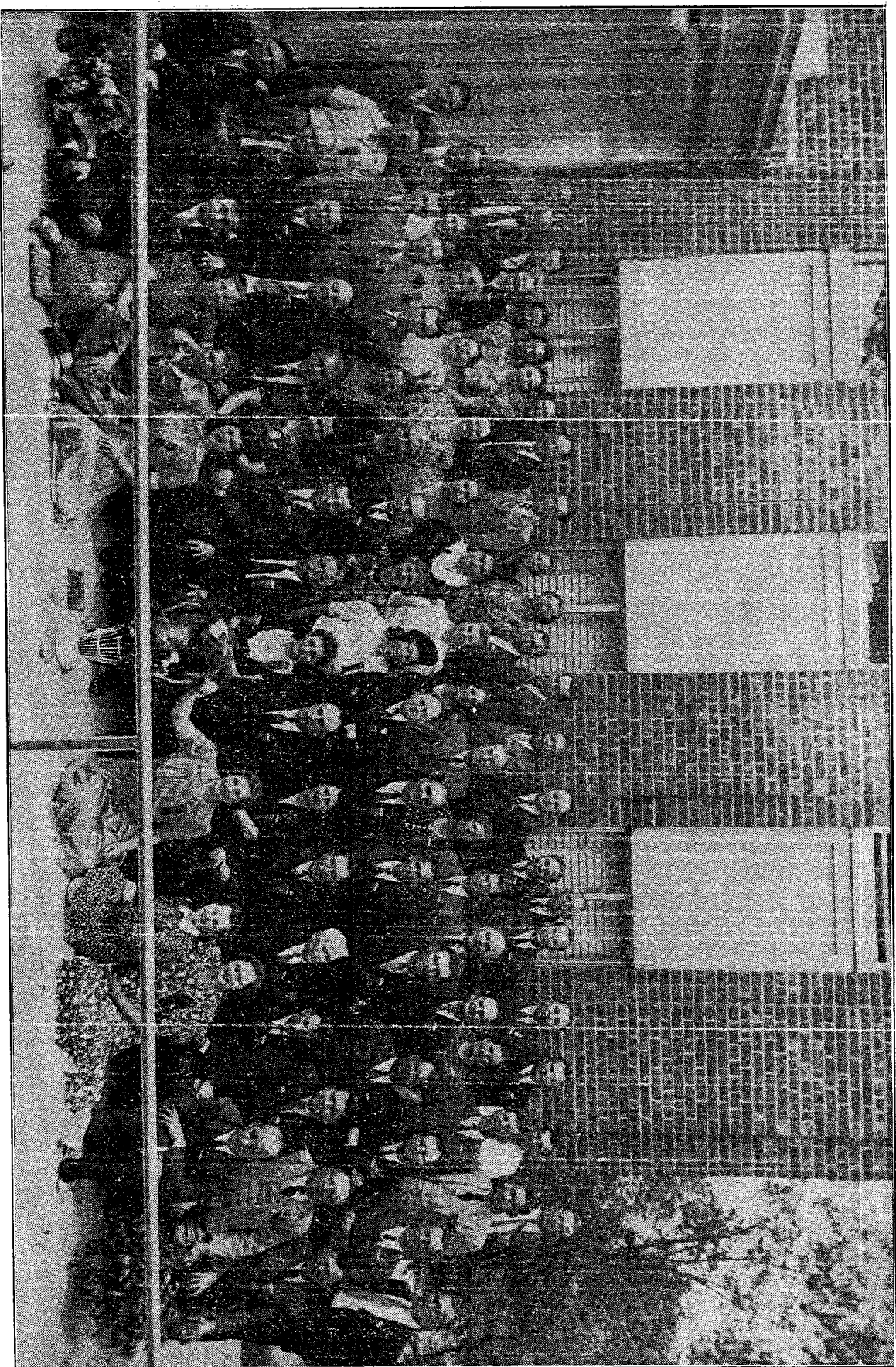
HATS MADE TO ORDER

Theresa's Millinery Shoppe

ДАМСКИ КАПЕЛЮХИ.

Робимо також на ордер.

1350 FIRST AVE.
 Bet. 72nd & 73rd Sts., NEW YORK, N. Y.

ДЕЛЕГАТЫ IX СЪЕЗДА ЛЕМКО-СОЮЗА, 30-го МАЯ, 1941, в ЮНКЕРС. Н. И.

ГИТЛЕРИЗМ ВРАГ ЛЮДТСВА

Гитлер веде войну не против даяких поодинокых держав, поодинокых народов, поодинокых державных порядков, поодинокых партий и классов. Если Гитлер голосит войну против даякой поодинокой державы, народа, партии, державного устройства, класса — то лем брехня, котром он послугуеся, як средством для досягнення головной своей цілі — поневоления всего людства. Он голосит, приміром, што Италия, Румыния, Мадыария, Финляндия, даже Словакия союзники Германии, як ровны з ровными. Розуміеся, што то брехня. Тоты державы нашлись в гитлеровской неволі, а их народы проливают кров за тоту головну гитлеровску ціль — поневоление всего людства разом з итальянским, румынским, мадыарским, финляндским и другими народами.

Гитлер розуміе, што поневоление всего людства лем при помочы самой милитарной машины не возможно, што для того потребны другы средства, головно потребна борь-

ба людей меж собом — борьба других держав меж собом, борьба народов меж собом, борьба национальна, классовая, зрада правительств поодинокых народов, пята колонна, гитлеровскы агенты в каждой державі.

Уж сам кризис капитализма стал помочным гитлеризму найперше для його укріплення, а потом для легкого завоювания и поневоления капиталистичных крайов Европы. Кучка людей в каждой капиталистичной державі дуже взбогатілася, тогды як массы народа страшно обідніли, миллионы голодных безработных блукало улицами великих европейских городов за роботом и куском хліба. Пануючий богатый класс в Гитлері виділ единого спасителя, и Гитлеру было дуже легко найти приятелей и помочников в каждой капиталистичной державі. О здрадников своей державы и народа было дуже легко. Богаты люде не думали о обороні своей державы, а о спасении своих богатств.

О даяком объединении, оборонном союзі

Историчны встрічы: 1. Американский Президент Рузвельт и Бритыйский премьер Черчилль на военном кораблі на Атлантикі. 2. Совітский премьер Сталин и личный представитель през. Рузвельта Гарри Гопкинс в Москві.

против німецького фашизму не могло бути бесіди, бо влада в тих європейських державах була в руках місних фашистів, або їх приятелів, людей, котрі виділи в фашизмі, в так званій "сильній національній вла-

сти", спасение пред своим обідненным народом. А Гитлера они уважали вождем и пророком фашизма. Богаты люди давали му грошы на будову його военной машины против коммунизма, помагали му и Муссолиному в уничтожении испанской демократии, испанского, законного, по демократичной системі избраного народом правительства.

И если Гитлер отважился на таку войну против всего людства, то он рахувал не лем на саму свою военну машину, но и на помоч всіх таких своих приятелів, агентов, пятой колонны, всіх врагов народа. Испанска война доказала му, што он має поддостатком своих приятелів в Англии, во Франции, и всіх других європейских капиталистичных державах, на котрых може рахувати в часі войны против всего людства за панование над цілым світом.

А головню помогло му то, што массы народа не знали чого он хоче, який тот "новый порядок" он хоче завести. Руководители

держав не поучили народ о гитлеризмі, мимо того што сами они розуміли, чого Гитлер хоче. Гитлер и його нацистска партия не скрывали свою "науку" и свою программу. Они писали о том открыто, чого они хотят, якого порядку они хотят. Гитлер написал книжку "Мейн Кампф", в котрой вы- проводил нову "віру" для німецького народа и программу для завоювания и поневоления світа. Но буржуазны писатели, политики и дипломаты говорили нам, што тот гитлеровска "наука" и программа так шалена, што и увагы на ню не треба звертати, што при помочы той дикой науки Гитлер хоче лем объединити німецкий народ для борьбы против коммунизма, а головню против Советского Союза, где находится осередок коммунизма. А коммунизм, твердили они, далеко опаснійший для світа, як фашизм, бо фашизм за "порядок", а коммунизм за "хаос".

И потому они не лем не старались поучить народ о страшной опасности зо стороны гитлеризма, объяснить массам, чого хоче гитлеризм, який тот його "новый порядок", котрый он хоче накинути силом всему світу, но они старанно уникали такого объяснения, штобы не пробудити народны массы для борьбы против гитлеризма. Они боялись пробужденного и освідомленного народа, што он затребуе и от них ліпшой социальной справедливости.

Народ так не розберался в том, што діеся коло него, што несе зо собом Гитлер, што послі розгрома панской Польши наши эмигранты получали радостны писма от своих родных с краю о том, што тепер уж буде добри, бо пришли німцы и они заведут німецкий порядок, "так што тепер у нас открыватся нова Америка". Так розуміли тот гитлеровский порядок много наших родных в краю. Тепер они уж познали тот "новый порядок", коли гинут на невольничьих работах, в тюрьмах, в концентрационных лагерях, померают массово от голоду и эпидемий. Тепер уж они видят, што принюс им німецкий "новый порядок" — што принюс он страшну неволю и смерть так для руснаков як и поляков. Тепер они уж видят, што гитлеризм, то враг не лем євреїв, поляков, руснаков, славян, но враг всіх народов, всего людства. Но они увиділи то аж тогды,

коли отдали німцам оружие, и коли німцы забрали им всю, чым люде жили.

Штобы мы, ище свободны люде, не зробили такой страшной помылки, як зробили нашы братя в Европі, мы мусиме не лем сами знати правду о гитлеризмі, но мы мусиме проповідати тоту правду дальше, най знают всі, што несе зо собом гитлеризм, а коли всі будеме знати, який тот гитлеровский “новый порядок” мае быти, тогды всі объединимся против него и зотреме го з лица земли.

ШТО НЕСЕ ДЛЯ ЛЮДСТВА ГИТЛЕРИЗМ?

Гитлеризм несе зо собом далеко страшнійшу панцизну, як тоту, о якій оповідали нам нашы діды.

При той старой панцизни панцизняный

Таки задавится.

хлоп у пана представлял вартость, яко робоча сила. Тепер, при техніці и машинах робочий чоловік при панцизняном, капиталистичном порядку не представлят ниякой вартости. Робочой людской силы збыват и потому мы переживае страшно безработя. Правительства капиталистичных держав не знают, што робити с тым избытком робочой силы, з миллионами безработных. Трудно вынищувати, убивати людей, яко непотреб-

ных. В дакотрых державах давали тым безработным запомогу, в других правительство старалося затруднити их при всяких выдуманных работах, в третьих, где правительство не дбало о тоту безработну массу, безработны люде и их діти вымерали з вычерпания, з голоду.

Гитлеровскы выродки, назвавшыся німецькими национал-социалистами, нашли с того кризиса капитализма выход в німецькой панцизни над цілым світом. Учат они німецький народ, што німецька раса найвысша на світі, што німцы найкрасшы, наймудрійшы, найспособнійшы, што німцы становят якбы шляхту над всіми иншими народами світа, и потому они должны панувати над цілым світом, над всіми иншими народами, як даколи шляхта панувала в поодинокых державах.

И лем німцы могут быти капиталистами и поміщиками при том “новом порядке” на світі. Фабрики могут лем німцы мати, німецькы капиталисты. Земля може лем німцам належати, нияким другим. Оружие могут лем німцы носити, ниякы другы. Машины могут лем німцы мати, ниякы другы. И таким способом німцы станут пануючом нациом над цілым світом, 80 миллионов німцов над 2,000,000,000 всяких рас и народов. То значит, што около 4 німцы мают панувати над 96 другими людми. Тоты 4 німцы будут вооружены, а тоты 96 будут безборонны, як в панцизняных часах, што шляхта была вооружена, а панцизняны хлопы безборонны.

Но німецькой шляхті и капиталистам не треба столько невольников, рабов, панцизняных хлопов, потому што при техніці, машинах не треба столько людской робочой силы. Ту фашистскы людоды розвязали тот кризис по людодскы. Повідают, што людску надвышку треба попросту вымордувати, выголодити, вынищити, а оставити лем столько, сколько німецькой шляхті и капиталистам буде потребно для черной работы. По людодскому гитлеровскому плану славян из 250 миллионов должно быти вынищено 150 миллионов, німцам старчит 100 миллионов славянских рабов для найтяжшой черной работы. Зато німцы мают множитися як найбільше, штобы до 100 літ они дошли до числа славян — до 250 миллионов.

Штобы люде не бунтувалися против такого порядку, то треба вернути их в темны часы. Всім другим народам, кромі шляхетского німецкого, треба закрыти школы, уничтожити их народну культуру, литературу, спалити всі книжки, уничтожити печатне слово взагалі, позбавити писма. Лем німцы можут учитися, но лем той гитлеровской людоедской науки.

И религию у всіх народов треба уничтожити,

Славный полкач мечов.

потому што коло церквей могла бы сохраниться даяка часть национальной культуры, даяка организация. Потому мае быти введена поганска німецка религия и церков, где будут проповідувати гитлеровскы агенты то-ту німецку религию для поневоленных и затемненных людей. Будут проповідувати, розумієся, што німецкий бог найсильнійший, всемогущий и страшно покаре мечом каждого раба, котрый осмілится збунтуватися против выбраного тым богом німецкого народа. Гитлер стане великим пророком того німецкого бога и спасителем світа пред коммунизмом и демократіом.

Спроситесь, ци люде повірят в такую религию: затемненный чоловік всьому повірит. Каждый знає, што нашы предки в темных часах вірили во всяких большанов, яко своих богов. Затемненный народ повірит и в то, што Гитлеру дал такую силу бог, а раз тот

німецкий бог такой сильный, што потрафил уничтожит христианского Бога, то треба того німецкого почитати.

В што народ може повірити, хоц и школованный, то найліпший примір німецкий народ, котрый повірил в такую сумашедшу науку выродка Гитлера. Сильны, пануючы, правительство може всяко выховати народ, во всякой вірі, доброй або злой. Сам Гитлер повідат, што чым большу неправду повісти народу, то он ліпше тому вірит. И што до німецкого народа, то слова Гитлера сполняются цілковито до сего часу.

То ест в короткости людоедска наука и ціль німецкого фашизма.

Ци то выполниме?

Если бы всі державы были такы, як приміром Франция, переполнены гитлеровскыми агентами, з розбитым, нерозуміючым цілей гитлеризма народом, то Гитлеру легко удалося бы завоювати и опанувати цілый світ. Мы виділи, як му легко пришло поневолити западну Европу. Для опанования світа Гитлеру потребно лем, абы всяди його агенты фашисты захватили власть. В одной при помочи гитлеровской военной машины, в другой при помочи пропаганды и пятой колонны, в третьей при помочи страха пред коммунизмом, в четвертой при помочи народных зрадников. А захвативши контролю, оружие, индустрию в державі — стає паном Гитлер, його німецка фашистска бандитска клика.

ШТОБЫ УДЕРЖАТИ СВОЙ ЛЮДОІДСКИЙ ПОРЯДОК — ГИТЛЕР МУШЕНЬИ ЗАВОЮВАТИ И ПОНЕВОЛИТИ ЦІЛЫЙ СВІТ

Нам, приміром, в Америкі говорят гитлеровскы агенты, што Гитлер против Америки не воює, ани он Америку не в силі завоювати, бо Америку одділяють от европейско-азиатского континента два великы океаны. Притом Америка, особливо США дуже сильна индустриально держава и она в силі оборонити себе против цілого старого світа опанованого Гитлером.

Кто розуміє, чого хоче гитлеризм и я он иде до своей цілі, тот розуміє тоже, што борьба европейских народов против гитлеризма, то ест наша борьба. Бо тот розуміє, што гитлеризм не може удержатися при своем порядке в Европі, в даякой час

ти світа и он мушений стремити до завовання и поневоления цілого світа. Гитлеризм не може дозволити на то, аби в даякой частині світа осталося світло народної свободи, демократії, свободний народ, потому што из той частини світа лучи такого світла пробивалися бы в гитлеровску темноту и поневолены народы не переставали бы боротися за свою свободу. Абы гитлеровский людоедский порядок мог удержатися, гитлеризм мушений знищити всяку народну культуру, школу, книжку, газеты, церков, народны организации, кромі фашистских німецких. Он мусит знищити не лем народны, робочы организации, он мусит знищити и капиталистичны организации, кромі німец-

The Bear Meat Seems to Be Tough

Seibel in Richmond Times-Dispatch

ких — и капиталистов, кромі німецких. И он то зробил уж в поневоленных ним краях, то само он мусит зробити на цілом світі, кинути народы світа в непросвітну темноту, бо лем така темнота прийме німецку панщину. Темному, неграмотному народу мож накинути всяку власть, всяку религию и повернути го так, як хоче вооруженый пануючий и його машина.

Гитлер не потребуе высылати войско для завовання Америки. Коли йому удалося бы

поневолити Европу и Азию, з Америком он справится через своих німецких агентов и зрадников американского народа, они захватят для Гитлера власть в Америкі, и то дуже легко, бо масса народа не розуміе, чого гитлеризм хоче и якими штукамы он обезоружат, опановуе и поневолят народы. Гитлеровскы агенты и зрадники Америки до днес ходят свободно помеж народ и под покрывком американского патриотизма робят гитлеровску роботу и готовят грунт для гитлеризма. И если бы Гитлеру удалося завовати и поневолити Совітский Союз и Англию, то американскы гитлеровцы придут до власти ту без войны, як пришли в дакотрых европейских державах без войны з гитлеровском Германиом — в Румынии, Мадьярии, Финляндии, Болгарии. Гитлеровцы в Америкі черпнут свою силу з гитлеровской Германии. Если гитлеровска Германия побіждат, их сила росне, коли гитлеровска Германия буде упадати, они упадут. Если, приміром, гитлеровска Германия буде розгромлена на русском фронті, то в Америкі мы не будем чути о Линдбергі, Гвилері, Гувері, Кадаги и "Америка фирст комити". Як гитлеризм в Германии и поневольных краях жие своими военными побідами, так живут теми побідами його агенты, гитлеровцы в ище непоневоленных краях. Розгром німецкой гитлеровской военной машины союзниками буде означати конец гитлеризма и фашизма на цілом світі.

Сегодня вся сила гитлеровской военной машины была кинена на восточный фронт, против Совітского Союза. И потому так важна военна помоч Совітскому Союзу, который несе на своих плечах, засланят своими грудьми, несе огромны жертвы за свободу всего людства, и за свободу нашу, ту в Америкі тоже. Совітский Союз, то тотта головна сила против гитлеризма, што если гитлеровской военной машині удалося бы завовати совітскы землі и поневолити совітскы народы, то гитлеризм стал бы паном світа.

Ци може гитлеровска военна машина побідити Совітский Союз и поневолити совітскы народы?

Но, не може. Чом не може, постараемся объяснить дальше,

Война народна против бандитской

22-го юня, 1941 року, в ночи зо субботы на неділю, Гитлер напал на мирный Совітский Союз, совсім несподівано, по-бандитски, ночном годином, без ниякого объявления войны. Напал на тоту державу, с котром подписал 23 августа 1939 року договор о взаимном ненападении и приязни, на десять літ. И сам Гитлер предложил такой договор, сам просил о него, выслал своего министра заграничных діл в Москву за тым договором.

Правительство Совітского Союза подписало такой договор, потому што Совітский Союз держава народна, социалистична и она не хотіла войны, совітский народ хотіл мирно трудитися, розбудовувати дальше свое народне господарство, устроювати богаче свое мирне житя.

Совітскы руководители учили народ, што война, то велике несчастье для народа, и учили ненавидіти войну, но разом с тым учили народ, што оборонна, народна война против империалистичной, бандитской войны, то священне діло. На таку войну каждый совітский гражданин должен быть готовый, каждый должен быть готовый жертвовать всім, и своим житьем за свое народне отечество, за свою свободу. Тогда як Гитлер и його нацистска партия учили німецкий народ о войні захватничой, бандитской, яко священной. Як совітска наука о войні выходила от той головной совітской науки о ровности людей и народов, о мирном труді всіх людей для счастливого устройства и житя для всіх людей и народов — так нацистска наука о войні выходила из той головной гитлеровской науки о завоюванію світа, о ограбленію всіх других народов світа и поневоленію их німецком "высшом расом".

И так, Гитлер напал на Совітский Союз с том бандитском моральом — поневоления и ограбления совітских народов, захвата их земель и запанования над огромным Совітским Союзом и 200 миллионами совітского населения. А Совітский Союз оборонятя з моральом свободы и ровности всіх рас, на-

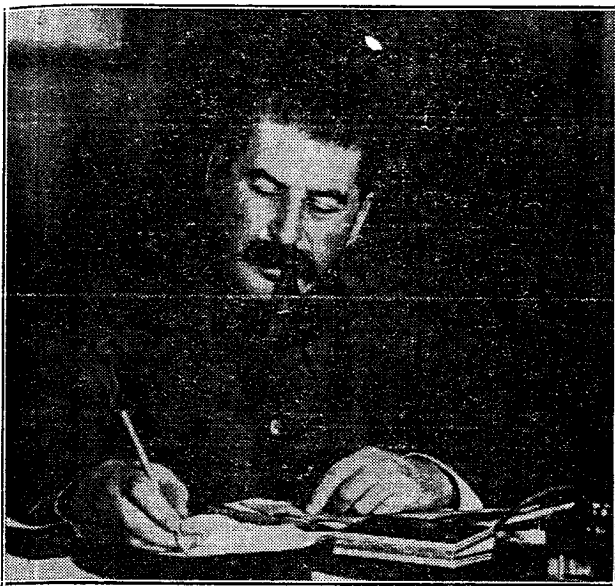
родов, трудящихся людей для мирного, счастливого, братского сожитья на землі.

Як то пришло, што такы два правительства подписали договор о взаимном ненападении? Ци они вірили в свою приязнь, коли подписывали тот договор о взаимной приязни?

Но, они в свою приязнь не вірили, и ниякой приязни меж ними не могло быть. Але Гитлеру потребный был такой договор найбільше для несподіваного нападу на Совітский Союз. А совітскому правительству был потребный такой договор для зыскания часу для ліпшого приготовления обороны. Но обі стороны знали уж в тот час, коли подписывали договор "приязни", што ниякой приязни меж ними не може быть и што война меж ними неуникнена. Совітскы руководители знали людоедску науку и бандитску мораль гитлеризма, и в ниякы договоры з людоедами не вірили. Но они знали тоже, што западны демократии не способны на войну против гитлеризма, потому што они учили свои народы ненавидіти больше Совітский Союз, як гитлеровску Германию, што они продали свою демократію Гитлеру в Мюнху, и ниякой надежды на щирый союз с ними против гитлеризма не было. Совітский Союз много раз предлагал западным демократиям объединение против агрессоров — всьо надармо. Так што он мушений был подготовляти оборону для отпору гитлеровской военной машині своими силами. Для того найбільше потребный был час. Совітско-німецкий договор дал Совітскому Союзу немного дорогого часу.

Заграничну политику Совітского Союза, його договор з Германием, зрадливыи напад Гитлера и початки совітско-німецкой войны, як тоже перспективы той народной войны зо стороны Совітского Союза против бандитской войны зо стороны гитлеровской Германии характеризует нам найліпше исторична бесіда Сталина, Предсідателя Державного Комитета Обороны и Предсідателя Совіта Народных Комиссаров Совітского Союза, выголошена по-радио 3-го юля, 1941 р.

Исторична Бесіда Сталіна

“Товаришы! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

До вас звертаюся я, друзья мои!

Віроломне воєнне нападение гитлеровской Германии на нашу отчизну, начате 22 юня, — продолжатся. Несмотря на героичный опор Красной Армии, несмотря на то, што лучшы дивизии врага и лучшы части його авиации уже розбиты, враг продолжат лізти вперед, кидаючи на фронт новы силы.

Гитлеровским войскам удалось захватити Литву, значну часть Латвии, западну часть Білоруссии, часть Западной Украины. Фашистска авиация росширят район дійствия своих бомберов, бомбардуючи Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь.

Над нашим отчизном нависла серьезна опасность.

Як могло случитися, што наша славна Красна Армия отдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Ци на правду німецкы фашистскы войска являются непобідимыми войсками, як о том трубят неустанно фашистскы хвастливы пропагандисты?

Розумієся, што ніт!

История показує, што непобідимой армии ніт и не бывало. Армию Наполеона считали непобідимом, но она была розбита попеременно русскими, английскими и німецкими войсками. Німецку армию Вильгельма в пе-

риод первой империалистичной войны тоже считали непобідимом армией, но она пару раз терпіла поражения от русских и англо-французских войск, и наконец была розбита англо-французскими войсками.

То само треба сказати о нынішней німецко-фашистской армии Гитлера. Тота армия не встрічала ище серьезного опоры на континенті Европы. Только на нашей территории встрітила она серьезный опор. И если в результате того опоры лучшы дивизии німецко-фашистской армии оказались розгромлены нашим Красном Армией, то то-то значит, што гитлеровска фашистска армия также може быти розбита и буде розбита, як были розбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Што тычится того, што часть нашей территории оказалась все же захваченом німецко-фашистскими войсками, то то объясняется головном тым, што война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для німецких войск и невыгодных для советских войск. Діло в том, што войска Германии як державы, ведущей войну, были уже цілком мобилизованы и 170 дивизий, киненых Германием против СССР и посуненых к границам СССР, находились в полной готовности, ожидаючи лем сигнала для выступления, тогды як советским войскам треба было ище мобилизоватися и посунутися ку границам.

Немале значение мала ту и тотта обстановка, што фашистска Германия несподівано и віроломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 року меж ней и СССР, не считаючись с тым, што она буде призна-на цілым світом державом нападаючом.

Понятно, што наша миролюбива держава, не желаючи брати на себе инициативу нарушения пакта, не могла стати на путь віроломства.

Можут спросити: як могло случитися, што советске правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими віроломными людьми и вырожденками, як Гитлер и Риббентроп? Ци не была ту зроблена зо стороны советского правительства помылка? Розумієся, што ніт! Пакт о ненападении ест пакт о мирі меж двома державами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 року.

Чи могло совітське правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, што ни одна миролюбива держава не може отказать от мирного соглашения с сусідном державом, если на челі той державы стоят даже такы выродки и людюды, як Гитлер и Риббентроп. И то, розумієся, при одном непременном условии — если мирне соглашение не нарушат ни прямо, ни посередно территориальной цілостности, независимости и чести миролюбивой державы. Як відомо, пакт о ненападении меж Германиом и СССР являются именно таким пактом.

Што выиграли мы, заключивши пакт о ненападении з Германиом? Мы обеспечили нашей краині мир на час полтора рока, возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистска Германия рискунула бы напасти на нашу державу мимо пакта. Тот определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Што выиграла и што проиграла фашистска Германия, віроломно розорвавши пакт и учинивши нападение на СССР?

Она добилаcя тым ліпшого положения для своих войск для даякого короткого часу, но она проиграла политично, раскрывши себе в очах цілого світа як кровавого агрессора.

Не може быти сомніния, што тот непродолжительный выигрыш для Германии являются лем эпизодом, а великий политичный выигрыш для СССР являются серьезным фактором долгого часу, на основі котрого должны розвернутися рішительны военные успіхы Красной Армии в войні с фашистском Германиом.

Вот чом вся наша доблестна армия, весь наш доблестный военно-морский флот, всі наши летчики-соколы, всі народы нашей краины, всі лучшы людє Европы, Америки и Азии, наконец, всі лучшы людє Германии — пятнуют віроломны дїйствия германских фашистов и сочувственно относятся к совітскому правительству, одобряют поведение совітского правительства и видят, што наше діло справедливое, што враг буде розбитый, што мы должны побідити.

В силу навязанной нам войны наша краина вступила в смертельную схватку зо своим найгоршым и коварным врагом — германским фашизмом.

Нашы войска героично сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиациом.

Красна Армия и Красный Флот, перемагаючи многочисленны трудности, с самопосятом бьются за каждую пядь совітской землі. В бой вступают головны силы Красной Армии, вооружены тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримірна. Наш отпор врагу кріпне и растет.

Разом с Красном Армиом на защиту отчизны встает весь совітский народ.

Што потребно для того, штобы ликвидувати опасность, нависшу над нашим отчизном, и які міры треба предприняти для того, штобы розгромити врага?

Найперше конче потребно, штобы наши людє, совітскы людє, поняли всю глубину опасности, котра грозит нашей краині и позбылися благодушия, беспечности, и настрояния мирного строительства, вполне понятных в довоенны часы, но погубных в теперішний час, коли война цілковито змінила положение.

Враг безмилосердный и неублаганный. Он ставит за свою ціль захват наших земель, полатых нашим потом, захват нашего хліба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит за свою ціль привернение власти поміщиков (дідичов), привернение царизма, знищение национальной культуры и национальной державности русских, украинцев, білоруссов, литовцев, латышей, естонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Совітского Союза, их онімечувание, превернение в рабов німецких князей и баронов.

Діло иде, таким способом, о жизни и смерти совітской державы, о жизни и смерти народов Совітского Союза, о том — быти народам Совітского Союза свободными або впасти в рабство.

Потребно, штобы совітскы людє поняли то и перестали быти бесстаростливыми, штобы они мобилизували себе и перестроили всю свою роботу на новый военный лад, не знающий пощады врагу. Конче потребно, дальше, штобы в наших рядах не было місца плаксам и боягузам, паникерам и дезертирам, штобы наши людє не знали страха в боротьбі и в самопосвяті шли на нашу отечество.

ственну освободительну войну против фашистских поневолителей.

Великий Ленин, створивший нашу державу, говорил, што основном якоством советских людей должны были храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться разом с народом против врагов нашей отчизны.

Конче потрібно, чтобы тоты прикметы большевика стали достоянием миллионов, миллионов Красной Армии и нашего Красного Флота, и всех народов Советского Союза.

Мы должны дораз перестроить всю нашу работу на военный лад, всю подчинивши интересам фронта и задачам организации розгрома врага.

Народы Советского Союза видят тепер, што германский фашизм неукротимый в своей встеклой злобе и ненависти до нашей отчизны, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благодать.

Народы Советского Союза должны встать на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, биться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ей рядов, обеспечить ей заосмотрение всем потребным, организовать быстрее передвижение транспортов с войсками и военными ладунами, обеспечить широкою помощью раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинивши интересам того дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, вырабатывать больше винтовок, кулеметов, орудий, патронов, гранат, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, поширителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем

том быстрее содействие нашим истребительным батальонам.

Треба знати, што враг коварный, хитрый, практичный в обмане и ширению ложных слухов. Треба розуміти все то и не поддаваться на провокации.

Треба дораз передавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и боягузством перешкаджат делу обороны, без огляду на особы. При вынужденном отходе частей Красной Армии треба угонять весь рухомый железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра масла.

Колхозники должны угонять весь скот, хлеб отдавать под опеку державным органам для вывозки його в тыловые районы. Весь ценный материал, в том числе барвны металлы, хлеб и масло, котре не може быть вывезено, должно быть безусловно уничтожено.

В занятых врагом районах треба творить партизанские отряды, конные и пешие, творить диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для розпалювания партизанской войны всяди, для взрывов мостов, дорог, псутия телефонной и телеграфной связи, подпалювания лесов, складов, обозов.

В захваченных районах творить невыносимые условия для врага и всех його помочников, преследовать и уничтожить их на каждом кроку.

Войну с фашистском Германием немож считать войною обычною. Она является не лем войною меж двома армиями, она является разом с тем великою войною всего советского народа против фашистско-немецких войск.

Целью той всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не лем ликвидация опасности, нависшей над нашим краем, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

В той освободительной войне мы не будем одиночками. В той великой войне мы будем мати верных союзников в особе народов Европы и Америки, в том числе и в особе германского народа, поневоленного гитлеровскими заправилами.

Наша война за свободу нашего отечества

злилися з боротьбом народів Європи і Америки за їх незалежність, за демократичні свободи.

То буде єдиний фронт народів, стоячих за свободу, против поневолення і угрозы поневолення зо сторони фашистських армій Гітлера.

В той зв'язи історичне виступлення прем'єра Великобританії Черчилля і помочі Світському Союзу і декларація правительства США о готовності оказати помоч нашої країні, котры можуть вызвати лем чувство благодарности в сердцах народів Світського Союзу, являються вполні понятными і показательными.

Товаришы! Нашы силы неисчислимы. Зарозумівшийся враг должен буде скоро переконатися в том. Разом с Красном Армиом поднимаются многы тысячи рабочих, колхозников и интеллигенции на войну з напавшим врагом, поднимутся многомиллионны массы нашего народа.

Трудящися Москвы и Ленинграда уж приступили к створению многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городі, котрому угрожат опасность нашествия врага, мы должны створити таке народне ополчение, подняти на борьбу всіх трудящися, чтобы своим грудью защищать свою свободу, свою честь, свою отчизну в нашей отечественной войні з германским фашизмом.

В цілях быстрой мобилизации всіх сил народов Світського Союзу для проведения отпора врагу, віроломно напавшому на нашу отчизну, утвореный Державный Комитет Обороны, в руках котрого тепер сосредоточена вся полнота власти в державі.

Державный Комитет Обороны приступил к своей работі и призывает весь народ сплотиться вколо партии Ленина—Сталина, вколо світского правительства для самопосвятной поддержки Красной Армии, Красного Флота, для розгрома врага, для победы.

Всі нашы силы — на поддержку нашей героичной Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Всі силы народа — на розгром врага!

Вперед за нашу победу!

ЧОМ ГИТЛЕР НЕ МОЖЕ ПОНЕВОЛИТИ И НИКОЛИ НЕ ПОНЕВОЛИТ СОВІТСКИЙ СОЮЗ

Американскы политики, економисты и военны знатоки предсказували быстре завоювание Гитлером Світського Союзу. Тоту роботу Гитлер мал выполнить в шестьох неділях. Военны знатоки предсказували, што гитлеровска военна машина отнесе совершенну победу над Красном Армиом в трьох первых неділях и в трьох первых неділях захватит индустриальны державны центры Світського Союзу — Москву, Ленинград, Донбасс. Киев мал быти захваченый первого тыждня германско-світской войны. И то не были лем предсказания меньше больше нейтральных военных знатоков, то был и план гитлеровского генерального штаба.

На чом тоты предсказания военных знатоков и план гитлеровского генерального штаба были основаны? На страшной, небывалой в истории силі гитлеровской военной машины, котра змела сильными ударами всі другы армии с континента Европы в коротких терминах. Перва Чехословакия зо страху пред том машином поддала свою миллионну армию, вооружену тысячами таких самых машин, друга польска армия была розгромлена едным сильным ударом лем малой части гитлеровской военной машины. Многомиллионна армия западных союзников, оперта на ославлену оборонну Линию Мажино, была розгромлена в штырьох неділях, даже не цілом половином германской военной машины, майже без страт з ей стороны.

Так што против Світського Союзу Гитлер мог кинуть не лем всю свою німецку армию и военну машинерию, но всю военну машинерию и всю военну индустрию всей завоюванной ним Европы. Гитлер подвоил свою индустриальну и военну силу для завоювания Світського Союзу, собрал коло себе для такой войны своих вассалов — фашистску Италию, Румынию, Мадьярию, Финляндию. Для первого удара на Красну Армию Гитлер собрал понад 200 дивизий, то ест понад три миллионы найліпшого войска, з многими тысячами машин. Для віроломного, несподіваного, бандитского удара, што давало ему огромну перевагу. Бо хоч бы вы який мощный были, но если вы будете нападены своим сусідом, присягавшим вам фальшиво

приятель, зо-за угла, несподівано, то ваш фальшивий сусід уж тым самым має велику перевагу над вами в цілої дальшій битці.

Як сказав Сталин, сили Совітского Союза не были мобилизованы для обороны, бо Совітский Союз не стоял в війні, и йому треба было мобилизувати свою армію тогды, коли неприятель віроломно вдерся в країну, розрушал з воздуха аеродроми и дороги.

На нияку другу европейску державу Гитлер не напав так віроломно, несподівано и с цілом своїм силом, не напав так по-бандитски, як на Совітский Союз. При такой выгоді для німецької військової машини нич дивного, што так німецьке командование, як и нейтральны знатоки могли предсказувати быстру перемогу над Красном Армією и завоювание Совітского Союза в шести неділях.

Но раз тотая быстра німецька перемога над Совітским Союзом не пришла, и непобіди́ма до сего часу гитлеровська військова машина застряла на землях Совітского Союза, то то єсть найліпший знак, што она там, в Совітском Союзі буде и знищена, бо из той гитлеровської машини вигоріло то, чым она поби́ждала, т. є. "блиц". Красна Армія позбавила своїм героїзмом німецьку військова машину "блискучости", и змусила гитлеровску Германию до затяжної війни на восточном фронті. А притом задала їй такы страшны страты, што німецька військова машина стратила свою славу непобідимости.

Первы неділі бандитської війни гитлеровської Германиї против Совітского Союза доказали, што совітська держава непобі́дима, если она была в силі знищити тот первий, найстрашнійший удар всей сили гитлеровської військової машини и задати їй такы страшны страты. В війні против Совітского Союза германська військова машина стратила уж коло половини своєю людської сили, той ліпшої, молодшої сили. Німецькы страты два раз большы от совітских страт, тогды, як у Совітского Союза людської сили три раз больше. В пятом місяці війни Гитлер мушений высылати на фронт стариков и инвалидов. Завдякы тым огромным стратам німецькы воякы тратят духа.

В чом сила гитлеровської Германиї, а в чом сила Совітского Союза?

Сила гитлеровської Германиї в військової машині, в заха́ченій индустрии всей запад-

ной Европы и невольничом труді всіх работников западной Европы в той заха́ченій индустрии на гитлеровську військова машину, на невиданий військовий механізм. Фашизм, як мы уж вспоминали, не цінит в війні, ани по-за війну чоловіка, а машину, головно військова машину. Фашисты упланували собі при помочі машини понево́лити чоловіка. И як видиме, при помочі машини они понево́лили всю Европу, всі европейскы народы и заставили их працювати на себе и на их військова машину для завоювання цілого світа и понево́лення всего людства.

На пути стояла им лем нова, народна соціалістична держава — Совітский Союз. Днес каждый зрящий чоловік повіст вам, што если бы Гитлеру удалось завоювати и понево́лити Совітский Союз, он понево́лил бы легко цілий світ. Так в Англії, як в Америці пришли бы до власти фашисты, агенты Гитлера. Гитлер то розумі́л, и потому ударил на Совітский Союз, яко найбільшу кріпость против фашизма.

В чом-же сила Совітского Союза? Найперше в том, што там в той державі найвысше цінят — не капитал, не машину — а чоловіка. У них єсть и капитал, т. є. огромны богатства, и машины, но по их науці, и их программі, так богатства як машины должны служити людям, всім людям, чоловічеству, а не чоловічество капиталу, машинам. Капитал и машина не можуть служити единицам, а державі, всему їй населению для попра́вы його житя, для уса́мствлення людей, а не против них, для их понево́лення.

В той самій науці, в соціалістичном народном господарстві уж велика сила Совітского Союза, бо с того пришло до народного объединення на полю соціальному.

Дальша сила Совітского Союза в національній науці о ровности рас, народов, людей всяких рас и народов, чым устрани́та была національна незгода, расова нетерпимость. Так што сила Совітского Союза

1. в соціалістичном народном господарстві.
2. в объединении совітского народа.
3. в правдиво народної, організованої не для агресії, а для оборони своєю народної держави, Красної Армії.
4. в огромній території Совітского Союза.

5. в народной або партизанской войні против наїздника.

Соціалістичне народне господарство дало возможность Совітскому Союзу збудувати индустрию, без котрой оборона державы сегодня немислима.

Объединение совітского народа не дало можности зрады даякой группы, пятой колонны, а дало огромну народну силу для земледілія, индустрии и всеобщой борьбы против наїздника. Не невольничу силу робочу, як в гитлеровской Германии, а свободну, воодушевлену. При невольничой робочой силі в Германии и поневоленных краях продуктивность робочых падат с каждым днем, тогда коли продуктивность свободных совітских робочых росне с каждым днем.

Красна Армия, то не гитлеровска военна машина, не люде автоматы, а сознательны, зрящы народны бойцы, котры розуміют, за што они бьются. У Красной Армии нїт столько военных машин, што у гитлеровской армии, но красноармейцы не боятся машин, они уміют нищити гитлеровскы машины, их научили нищити. Красна Армия сознае, што она народна армия, што она мае за своими плечами и за плечами дикого наїздника своих друзей, котры помагают ей всіми силами. Красна Армия розуміе, што всьо население великого Совітского Союза, так в своем тылу, як и неприятельском тылу — за то само стоит, и в то само вірит, што и Красна Армия, чого не мож сказати о гитлеровской армии, котру ненавидит население всей Европы, где она мушена ходити.

Дальша сила Совітского Союза в огромной территории. Гитлер хвалится, што он захватил два раз такой обшар совітской территории, як была до войны ціла Германия. Но он тоже признал, што тота территория го дусит, што на той территории он не нашол приятеля, лем “самы бестии”. То слова Гитлера. Што они значат? Што Гитлер не поневолил тых людей, што тоты люде на той захваченой территории нищат фашистов, нищат им их коммуникацию, што их не настрашиш так, як других.

И то именно и сут тоты партизаны, о котрых мы так много читае. Тысячы партизанских отрядов, сотки тысяч вооруже-

ных народных геройов находится в тылу гитлеровской армии и тоты люде ведут завязту борьбу з німцами. Представити собі лем, сколько Гитлеру потребно войска для обсаждения той территории. И чым ей больше, тым больше войска потребно для обсаждения стратегичных пунктов, дорог, міст, а гдеж взяти войска, абы обсадити всі села, поля, лісы? Для того у Гитлера нїт войска, так што цілы околицы зо селами, всі лісы заняты партизанами.

Так, Гитлер рахувал, што он знищит наперше Красну Армию, а потом зробиет порядок с партизанами. Но вышло му так, што за Красном Армиом он загнался в глуб огромной державы — под Ленинград, Москву, над Дон — пятсот и больше миль за границы Совітского Союза, и Красну Армию не лем што не знищил, но знищил свою наполовину, а укріплена Красна Армия переходит в атаку. Тогда, як в тылу німецкого фронта в глубині Совітского Союза опереу совітска народна армия наибольших геройов-партизан. Тогда, як поневолены гитлеровском Германиом народы подносят голову.

Так гитлеровска военна машина буде розгромлена и знищена.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА

То не первый раз напали дикуны на руску землю, пустошили ей, грабили и убивали население — стариков, жен и дітей, як робят тепер фашистскы дикуны. Не первый раз нашолся такий чоловік, котрый задумал опановати цілий світ и поневолити всі народы. Таки зарозумілы, горды люде уж были на світі в стародавны часы пред Христом и в християнскы часы, таки люде появляются и в часі русской истории. И вот што для нас дуже поучающе в сегодняшний час, коли гитлеровскы орды наїхали на руску землю: што то не первый раз з запада и востока напали таки орды, под руководством войовников, котры мали за ціль, подобно Гитлеру, завоювати цілий світ и поневолити всі народы.

И так тым великым завоевателям из Востока, як и тым из Запада стояла на пути до завоювания світа Русска земля со своим великим народом, где тоты великы завоеватели со своими, здавалося непобедимыми ордами, находили свою могилу. Там, на той русской землі кончилися они и их планы завоювания світа. Там, на той великой русской землі приготовлена могила и Гитлеру и його фашистским ордам из запада.

Вот нам пару приміров из русской истории:

1. Монголо-татары

Великий монгольский организатор и войовник Чингис-хан спочатку XIII віка объединил монголо-татарскы племена в велику державу, организувал непобедиму на тоты часы армию, завоювал с том армием майже цілу Азию и еден из його наслідников кинулся на Запад, на Европу. На пути в Европу стояла русска земля. Была она тогды поделена на удільны княжества, розорвана. Русскы князі меж собою сварилися и билися на своих уділах, продавали еден другого и руску землю, свою вспольну отчизну и свой народ чужинцами на Западі и на Востоці. Дакотры продавалися и тым монголо-татарским ханам. Зато нич дивного, што татарским ханам удалося завоювати русску землю. Но не удалося им поневолити русский народ. Русский народ не переставал ни на

хвильку боротися против наїздников на його землю, и потому татары не сміли уж итти дальше на запад и завоювати западну Европу, оставляючи за собою неподдавшийся, непоневоленый русский народ. Они розуміли, што тот народ не даст себе поневолити николи, и потому оставили му його князей, абы русскы князі зберали з народа дань, так штобы не выглядало того монголо-татарске ярмо на чуже ярмо. Но русский народ не дал себе ошукати, а громил монголов, где лем появились, хоц и против волі своих князей, и ослабил их так, што наконец и сами князі пошли з народом против поневолителей. В 1380 року на Куликовом полю над ріком Дон русский народ под руководством князя Дмитрия, прозванного с того часу Донским, розгромил два раз численнійшу татарску армию. Татарска держава ище не розвалилася послі той битвы, ище собрали силу многолы, ище напали на Москву, но уж с того часу занежали мечту не лем о завоювании світа, але и поневолению русского народа. С того часу их держава почала слабнути и раскладатися, аж была знищена совсім русским народом под руководством царя Ивана Грозного.

Сегодня из той грозной для цілого світа татарской державы осталася една невеличка Автономна Татарска советска республика в Советском Союзі. Всі други народы, поневолены даколи татарскими ханами, получили тепер свои державы, союзнны и автономны республики в великом Советском Союзі свободных народов.

Такий был конец татарским ханам на русской землі, котры поставили собі за ціль завоювание цілого світа и поневоление всіх народов.

2. Німецкы псы-рыцари

Гитлер повідат німцам, што он начинат німецку роботу там, где покончили ей великы німецкы завоеватели 600 літ тому назад. Кого он має на мысли? Гитлер має на мысли німецких крестоносцев, католицких монахов-рыцарей, котры вынищували прибалтийских славян и други прибалтийскы народы. Огнем и мечом они завоювали сего-

дняшну Пруссию, вынищили народ Пруссии и насадили там німцов, завоювали Латвию, Естонию, часть тех народов вынищили, а на остальных наложили тяжке німецко ярмо. Сами поробилися князьями и баронами, города заселили німецкими “бюргерами”, а сельский народ змушений был працювати на німцов, як панщизняны хлопы.

Тоты німецкы псы-рыцари выбралися и на русску землю, на русскы свободны города Псков и Новгород. Новгородцы запросили, яко своего военного руководителя, князя Александра Невского. Русский народ под його военным руководством розгромил німецких псов-рыцарей на Чудском озері (Пейпус), на так званом Ледовом побоищу 1242 року. Огромна сила німецких рыцарей, котры тогды считалися непобідимым войском в цілом світі, была знищена русским оружием, храбростью русского воинства. С того часу німецкы псы-рыцари не выбиралися воювати русскы землі и поневолювати русский народ.

Но они ище много десятков літ воювали и пустошили польску и литовску землю, аж спочатком XV віка объединенны славяне — полякы, русскы, чехы — и литовцы розгромили их силу под Грюнвальдом, в Восточной Пруссии. Там была покончена дика робота німецких псов-рыцарей около 600 літ тому назад объединенными силами славянских и прибалтийских народов. О той то дикой роботі думал Гитлер, коли заявил, што його ціль — продолжати тоту дикую роботу — грабежа, убийства, опустошения, вынищувания славянских и других народов восточной Европы. Но конец тым німецким псам фашистам не може быти инший, лем такий, який мали німецкы псы-рыцари на Ледовом побоищу и под Грюнвальдом.

3. Наїзд польской шляхты на Россию под руководством Рима

По смерти Ивана Грозного настало т. з. “смутне время” на Руси. Правда, Иван Грозных оставил по собі двоих сынов, но старший Федор был слабоумный, а младший Дмитрий был убитый, так што покончилась династия Рюриковичей. Власть захватил боярин Борис Годунов. В часі його царствования погоршилося положение селян, почалися народны бунты, в країні три roky еден

за другим был неурожай. Наступил страшный голод.

В тот час в Польщі появился якобы сын Грозного, Димитрий, а може тоты, котры хотіли выкорыстати “смутне время” для завоювания России и поневоления русского народа, сами такого самозванца нашли. К тым людям належал найперше римский папа, котрый хотіл присоединити Россию ку своей великой западно-европейской религиозной католической империи. Польша в тот час была цілковито под влиянием папы, польская шляхта слухала римского папу, потому што папа через своих католических ксьондзов помагал польской шляхті держати панщизняных хлопков в страхе и послушенстві. А тым самым Польша, ей король, ей правительство были на услугах римского папы.

И так, папа благословил выправу польской шляхты на схизматическую Россию коло авантюриста самозванца Димитрия, котрый принял католическую віру.

Напад католической западной Европы на Россию спочатком XVII столітия был подобный до сегодняшнего нападу фашистской западной Европы на социалистический Советский Союз. Коло организованной польской шляхетской армии собралися всякы авантюристы для грабежа и наживы. Ненасытны, пажерны сусіды рвали русскую землю кусками, грабили, пустошили, вынищували население.

В 1610 року польске войско заняло Москву. Тогды аж русский народ забыл на свои домашны незгоды и объединившися под руководством великих патриотов, Кузьмы Минина, торговца мясом из Нижнего Новгорода и князя Пожарского, прогнал шаранцу из Москвы и русской землі в 1612 року.

В тоты часы Польша была дуже сильная и велика держава, одна з найбільших в Европі. Но с того часу, отколи польский король с польскими панами по совету и благословению римского папы порвалися на завоювание России и поневоление русского народа, Польша почала упадати. Вскорі послі польского наїзда на Россию почали восставати украинцы, украинскы козаки против Польши и вовязали Польшу в долголітнюю войну на Востоці, котра ослабила так польску державу в XVII віку, што в XVIII віку она перестала истнувати, яко независимая держава.

А тим часом русска держава вросла в великанску силу, розгромила Швецію, Турцію, найсильнішй в тоты часы державы.

4. Наїзд шведов

В XVII віку Швеція вросла в таку могуту державу, што панувала на цілом Балтийском морі, розпоряжалася в Германиї, Польщі. Но Швеція хотіла розпоряжатися и в Росії, завоювати русску землю и поневолити русский народ.

Великий войовник Карл XII, поровнюючий себе з Александром Македонским, (котрый завоювал около 300 літ пред Христом цілий знаний тогды світ) — задумал завоювати Росію. Шведска армія уходила в тоты часы за непобідиму. Война стала ремеслом шведов. Карл зашол зо своїм непобідимом арміом с Польши на Україну, где украинский гетман Мазепа обіцав му, што он разом с козаками и цілым украинским народом перейде на сторону наїздника. Но ни козаки, ни украинский народ не перешли на сторону шведов, а об'єдинилися всі их бити. Непобідима шведска армія была розгромлена Петром I под Полтавом и цілковито знищена. Шведский король Карл XII, тот ославлений войовник, думающий о завоюванію світа, біжал з Мазепом в Турцію, бо дорога в його Швецію была му отрізана.

Сегодня Швеція мала держава с 6 миллионами населения, а Росія, котру думала Швеція завоювати, выросла за два століття в великий Совітский Союз с 200 миллионами населения.

5. Нашествие Наполеона

Наполеон Бонапарт, французский император, признанный историом яко найбільший военный гений світа. Наполеон завоювал всю западну Европу, кромі Бритийских островов. Но Англію спасло лем море. Але если Наполеону удалося бы отрізати Англію от світа, то она мушена была бы податися. Он заборонил всей поневоленной им Европі торгувати з Англіом. Он требовал того и от Росії, но цар Александр отказал Наполеону.

Наполеон планував тоже завоювати цілий світ. На дорозі стояла му Англія зо своїм флотом, но он розуміл, што если завоює Росію, то Англію не оборонит ей

флот, потому што она жила с торговлі, а раз не буде мати с кым торгувати, то мушена капитулювати, тим больше, што по завоюванію Росії мож буде взяти у Англії найбогатшу ей колонию — Індію.

Наполеон собрал всю завоювану ним западну Европу на войну против Росії, собрал таку численну армію, якої не знала до того часу история и 24 юня 1812 року с том великанском на тоты часы арміом из всіх языков переступил границы Росії.

Наполеон взял и Москву, но был мушенный покидати ей пред гнівом об'єдиненного русского народа и русском природом. Вся його армія была знищена. И разом с тим пачался розвал його імперії и освобождение поневоленных ним народов. Минуло сто літ и Франция, мечтавшая о панованію над цілым світом, розвалилася за штыри неділи под ударами гитлеровской военной машины и была поділена на дві части: на часть оккуповану німцами и часть с немочным петеновским правительством. Управителі той Франції лижут німецкым фашистам руки, просят ласкы у бестий в людском тілі. Так низко упали потомкы Наполеона, котрый планував завоювати цілий світ, но розбился разом зо своїми планами о оборонну силу Рос-

сии и объединенный русский народ против наїздников. На другом місци поміщена история нашествия Наполеона на Россию.

6. Всі против Совітского Союза

Мы пережили тот час, што всі державы світа выробили план розбити Совітску Россию и поневолити освободившийся от власти поміщиков и капиталистов русский народ.

Вспомним Русску революцию, гражданску войну и интервенцию держав побідительниц в минувшой империалистичной войні. Дванаст держав воювало против русско-го и других народов Совітского Союза. У молодой народной державы не было спочатку ни армии, ни ниякой индустрии, на русской землі панувал голод и розруха, а тот народ побідил своих и чужых врагов, очистил от них свою землю и отпразднувал сего року 24-ту годовщину своей народной совітской державы.

7. Така сама судьба встрітит Гитлера и його фашистскы орды

То нам говорит история русского народа. И из той истории мы довідуемся, што наїздки нападали на русску землю все в такой час, коли там была незгода, внутренна борьба. Татары напали в часах княжеских межиусобиц, німецькы псы-рыцари в часах татарского поневоления, польска шляхта в

часах смутного времени, шведы забеспечалися у Мазепы украинским бунтом, Наполеон рахувал на недовольство русского народа и русской армии царем, интервенты на гражданску войну. Но мимо того они всі перерахувалися, потому што они не знали русского народа. Они не знали того, што русский работник и селянин, коли його отчизні грозит опасность поневоления чужым наїзdnиком — объединятся и встае на оборону своей землі.

Сегодняшний фашистский наїзdnик нашол объединенный против себе не лем русский народ, но всі народы великого Совітского Союза, котрых русский народ освободил от царизма и зровнял их зо собом национально и социальнo.

Совітский народ, показалося, объединенный сегодня так против гитлеризма, як ниякий народ в світі.

Так, Гитлер збудувал страшну военну машину не лем на средства самой Германии, но на средства всіх сильных світа, врагов народа. Он захватил всю индустрию, машинерию, вооружение западной Европы. Он кинул всю встеклу механизовану темноту против Совітского Союза. Но мы свято переко-наны, што на совітских землях найде тоту гитлеровску механизовану темноту тота сама судьба, яка нашла других, мнивших себе завоювателями світа.

Высадка матросов в тылу фашистов.

НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ

(ИЗ КНИГИ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА ПРОФ. Е. ТАРЛЕ п. з. "НАПОЛЕОН").

В ночи на 24 юня 1812 року, Наполеон приказал начати переправу через Неман, и триста поляков 13-го полка первы переправилися на другу сторону рікы. В тот сам день и в найблизшы дни вся стара гвардия, потом кавалерия Мюрата, а за ними один маршал за другим зо своими корпусами переходили на восточный берег Немана. Ни одной души на всем необозримом пространстве за Неманом до самого горизонта фран-

цузы не увидили послі того, як скрылися з виду ище 24 юня сторожевы козаки.

"Перед нами лежала пустыня, бура, жолтовата земля с чахлом рослинностью и далекыми лісами на горизонті," вспоминает один из участников похода, и тот образ уж тогда показался "зловіщым". Но то была, видно, лем особиста думка. Мало коли даяка война Наполеона начиналася при такой видимой веселости и оживлению среди ар-

мии. Долгими літними днями, покаль шла переправа и почался рух на Вильно, оба береги Немана оглашались музыком и піснями.

Наполеон, як все в часі війни, был дуже живійший и бодрійший. Окружений маршалами и огромном свитом, оглушаемый привітственными криками переходивших частей великой армии, предшествуемый всьом кавалериом, Наполеон шол простом дорогом на Вильно, нигде не встрічаючи ани признаков опоры.

* * *

Начинаючи даяку из своих непрерывных войн, Наполеон все интересовался наиперше неприятельским полководцем и организацией неприятельского командования взагалі. Ци сильный главнокомандующий? Ци он владеіе полном самостоятельностью в своих дїйствиях? Тоты два вопросы первоурядной важности наиперше интересовали Наполеона.

В данном случае на оба вопросы, здавалося бы, император мог отповісти собі дуже выгодно для себе. У русских лем один правдивый, хороший генерал — Багратион, но он не грае первой ролі. Планыше Багратиона — Беннигсен. “Неспособный”, говорил о нем Наполеон. Беннигсен, разбитый наголову при Фридрихсбурзі, но все-таки чоловік впертый и рішительный, доказавший свою твердость не тым, што свого часу задусил Павла, но тым, як стойко выдержал кровавый день под Ейлау. Но Беннигсен тоже не грае первой ролі. Кутузов? Наполеон, разбивший Кутузова под Аустерлицом, все-таки николи не легковажил Кутузова, почитал го хитрым и осторожным вождем. Но Кутузов не у діл. Главнокомандующего Барклая-де-Толли, военного министра, Наполеон оцінювал невысоко. На другой вопрос отповідь могла быти дана ище больше ободряюща. Ниякого правдивого единоначалия в русской армии не было, организация командования была ниже всякой критики. Та и не могло быти иначе, потому што цар Александр был при армии и вмішувался в распоряжения Барклая. Наполеон то хорошо знал, ище по дорогі в Вильно, и иронично высказал то в Вильні генерал-адъютанту Балашову, котрого Александр послал в первый и последний раз предлагати Наполеону мир: “Што всі они дїлают? В тот

час, як Пфуль предлагае, Армфельд противорічит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на котрого возложено исполнение, не знает, што заключити, и час проходит у них в ничего-недїланию”.

Тото місце в рассказі Балашова заслуге полного довірия, потому што подтверждаются и другими показаниями.

Во всяком случае, войшовши в Вильно на третий день послі перехода через Неман без всякого опоры, встріченный со самым врно-подданским почтением містном польском сметаном и знаючи огромну перевагу своих сил, Наполеон отповіл Балашову полным отказом, и больше як правдоподобно, што тон його отказа был грубым и образливым.

В Вильно Наполеон забавил цілых осемнадцет дней, и потом дакотры историки считали то за велику помылку Наполеона. Но в Вильні Наполеон ждал подхидившы к нему новы и новы части його армии. В загалі, из 680 тысяч войска, котре Наполеон зобрал для войны з Россиом, 235 тысяч он наразі должен был оставить во Франции и в вассальной Германии, а через границу переправил лем 420 тысяч войска. Но и тоты штыриста двадцет тысяч приходили и переправлялися через ріку лем постепенно. В Вильні Наполеону донесли о первой серьезной неприятности: о массовом падежі коней, для котрых не доставало корма. Была и другая неприятность: поляки в Литві и Білоруссии не выставили достаточных военных сил. Уж у Вильні Наполеон почал больше як при переході через границу, розуміти трудности предвзятого діла.

По мірі того як приходили трудности похода, в умі Наполеона тускніло початкове возрїние на тоту войну и выдвигалось другое. Полководец знал, што хотя у него под руком штыриста двадцет тысяч войска, а у русских нїт и двїста двадцет, но што його армия далеко не равноцінна во всіх своих частях. Он знал, што цілковито може опуститися лем на французску часть своей армии. (Всего Велика армия числила триста пїтдесят тысяч французов и триста тысяч других европейских народностей. Та и на французов не всіх, потому што молоды рекруты не могут ровнатися з загартованными воинами, побывавшими в його походах. А што тычится вестфальцев, саксонцев, баварцев, рейнских, ганзейских німцев, итальянцев,

янцев, бельгийцев, голладцев, не вспоминаячи уж о подневольных "союзниках" — австрийцах и пруссаках, котрых он повлюк для невідомых им цілей на смерть в Россию и из котрых многы ненавидят не русских, а його самого, — то ледво ци они будут битися з великим запалом.

Наполеон знал о замішанію в русском штабі и, ище находячись в Вильні, получил відомости о том, што початкова мысль оборонятися на Двині в укріпленном лагері в Дриссі залишена, што русска армия двома колоннами отступат в глуб краю. Колонна Баркляя отступат на Витебск быстрійше, колонна Багратиона на Минск — повольнійше. Наполеон з головными силами двинулся на Баркляя. Но Барклай ускорил темп перехода и приказал начальнику своего арьергарда Остерману-Толстому задержувати, што сил, наступающих французов. То и было исполнено в боях под Островом 25 и 26 юля. Таким способом, вошовши в Витебск, Наполеон уж не застал Баркляя, котрый спішил тепер к Смоленску.

В тоты самы дни маршал Даву двигался из Вильны на Минск, получивши задачу отрізати путь отхода Багратиону и уничтожити його скорше, як йому удастся соединитися з Барклайом. Но, на счастье Багратиона, бездарный в военном отношении молодой брат Наполеона вестфальский король Жером Бонапарт, догонявший Багратиона по дороге Гродно-Минск, не потрафил выполнить ничего с того, што му было приказано, спозднил зо своим корпусом, и коли 23-го юля начался бой к югу от Могилева меж Даву и Багратионом, то Багратион дуже успішно отразил ряд атак и, повернувши на Смоленск, продолжал свое отступление, уже майже без перешкоды зо стороны неприятеля.

Получивши відомости о битві под Могилевом и о переході Багратиона через Дніпр у Нового Быхова, Барклай рішил соединитися з Багратионом у Смоленска и двинулся там через Рудно. Наполеон сділал всі приготовления к великой битві, в котрой он думал знищити Баркляя, и нараз 28 юля, выхавши на позиции, переконался, што русска армия ушла дальше на восток. То было для императора великим розочарованием. Новый Аустерлиц под Витебском мог бы разом, як йому представлялося, покончити

войну и побудути Александра заключити мир. Солдаты были змучены страшном спеком и трудными переходами. Спека была така, што побывавшы в Египті и Сирии стары воякы утішали молодых лем тым, што в Египті бывало ище горячше. Фуражу не ставало. В дакотрых ескадронах от часу выхода из Вильны пропало больше як половина коней. Разом с тым в армии появилися признаки роскладу, ширилося мародерство.

Треба было итти дальше и дальше за Барклайом и Багратионом, котры шли разными путями, направляючись к Смоленску.

У Наполеона для предстоящей у Смоленска битвы войска было о много больше, як у русских. Послі стычки под Красным (14 августа) з дивизиом Неверовского, котра з замічательном стойкостью выдержала натиск превосходных сил Нея и Мюрата, Наполеон подошел к Смоленску. Багратион поручил генералу Раевскому задержати французов, и в тых стычках корпус Раевского бился с таком завязатостью, што маршал Ней о мало не попал в плін. Багратион настоювал на том, што без великой битвы отдавати Смоленск немож. До "великой битвы" діло не дошло. Головны силы русских армий подошли было спочатку к Смоленску, но потом начали отход на восток. Барклай не рішил, однако, отдати город без боя, хотя он и считал го непотребным. О десятой годині рано 17 августа Наполеон приказал начати загальну бомбардовку и штурм Смоленска. Возгорілися завязаты бои, тягнувшыся до шестой години вечера. Французы заняли предмістя Смоленска, но не центр города. Корпус Дохтурова, оборонявший город разом з дивизиом Коновницына и принца Вюртембергского, бился з удивляющим французов храбростью и впертостью. Вечером Наполеон призвал маршала Даву и категорично приказал на другой день, чога бы то не стояло, взяти Смоленск. У него появилась уж предтым, а тепер окріпла надежда, што тот смоленский бой, в котром участвует якобы вся русска армия (он знал о соединении Баркляя з Багратионом), и буде том рішительном битвом, котрой русскы до сего часу уникали, отдаючи йому без бою огромны части своей империи.

Послі кровавого дня наступила ночь. Бомбардовка города по приказу Наполеона про-

должалася. И нараз роздалися среди ночи один за другим страшны выбухы, потрясшы землю; начавшийся пожар росширился на цілый город: Барклай дал приказ отступати. На росвіті французскы розвідчыкы донесли, што город оставленный войсками, и Даву без боя вошел в Смоленск.

Трупы людей и коней валялися по всім улицам. Стоны и крикы тысяч раненых оглашали город: они были кинены на произвол судьбы. Часть города ище палилася. Наполеон помалу проїзжал со свитом по улицам Смоленска, вглядаючись в окружающе, даючи распоряджения о гашению пожара, о зберанию почавших раскладатися трупов и громко стонавших раненых, о обрахунку найденных припасов.

Свідкы передают, што он был захмуреный и не бесідувал со свитом. Вошовши послі той прогулки по улицам Смоленска в дом, где му была наскоро приготовлена квартира, император кинул саблю на стол и рюк: "Кампания 1812 року окончена". Но от мысли остановитися в Смоленскі, твердо устроити тыл в Польші, Литві, Білоруссии, подтянути подкріпления из Европы и возобновити наступление на Москву або на Петербург весном 1813 року, от идеи розділити русску войну на два походы треба было отказатися там, в Смоленскі. Враг знов вылизнуул.

Наполеон не знал о tych трудностях, котры все в большой и большой степени возникали для Барклая при каждом новом приказі о отступлении, не знал о громких обвинениях русского главнокомандующего в зраді, о замішанию и ростерянности русского двора. Он виділ лем едно: генеральной битвы як ніт так ніт, треба ийти дальше на восток, на Москву. А тым часом, чым больше он углублялся на восток, тым труднійше становится закончить тоту борьбу миром, простым дипломатичным соглашением. О полной побіді над Россиом Наполеон в Смоленскі уж не думал. Многие тепер представлялося му в другом світлі, як три місяцы тому, коли он переходил через Неман.

Діло было не лем в том; што його армия наполовину уменьшилася. Он виділ и другие. Русскы солдаты держалися нич не планьше, як под Ейлау. Русскы генералы оказувалися и помимо Багратиона уж не такими без-

дарными, як он думал, коли говорил з Балашовым в Вильні.

Наполеон взагалі дуже вірно оцінювал способности людей, а найліпше военны способности. И он не мог не признати, што, наприклад, Раевский, Дохтуров, Тучков, Ковнищын, Платов вели поручены им отдельные операции так, як не стыдно бы было и його маршалам. Наконец загальный ход, який брала тота война, давно почал бескончити го.

Русска армия, планово отступаючи, опустошала всю місцевость. Ту, в Смоленскі, была зроблена проба спалити уже не лем села, а цілый город — великий торговый и административный центр. То указувало на желание вести непримиримую войну со завоювателем. Наполеон памятал, як в попередных войнах убіжавший з Відня австрийский император приказал городским властям покорно выполнять всі приказания французов, а убіжавший из Берлина прусский король выражал в личном письмі к Наполеону, што його императорскому величеству в Потсдамской палаті жити буде выгодно.

Наполеон в тоты дни, в котры он бавил в Смоленскі, был понуреный в многогодинны молчаливы размышления. Не тыкаючи наразі всей остановившейся в Смоленскі армии, Наполеон послам Мюрата с кавалерийскими корпусами вслід за Барклаем, котрый тепер принял командование над цілом русском арміом (Багратион с момента их соединения стал його подчиненным) и отступал по Московской дороге. Потом в ту сторону рушили Ней и Даву. 18 и 19 августа отбылися бои у Валутиной горы и Лубина. Армия Барклая ушла на восток, понесши страты в шесть тысяч чоловік, но меньше, як французы.

В ночи на 24 августа Наполеон вышел из Смоленска со своим гвардиом и рушил к Дорогобужу. Но Барклай звинул лагерь и пошел дальше на восток. Тепер из Дорогобужа он ушел, не желаючи даже начинати арьергардных стычек по причині дуже невыгодных условий місцевости. Он отступал на Вязьму, Гжатск, Царево-Займище, а Наполеон со всіми своими войсками, выведенными из Смоленска, шол за ним по пятам, по опустошенной русском арміом дороге.

Всякий раз, коли русскы задержалися

дагде хотя немного, Наполеон починал думати о генеральной битві ... Так было в Доргобужі, в Вязьмі, в Гжатскі. "Министр (Барклай) веде гостя прямо в Москву", зо злбом писали из штаба Багратиона в Петербург.

Александр переживал найбільше мучительны дни в своем житю. Придворны были в паникі. Замішание росло. Міщанство и селянство говорили розмаито и о царі и о Наполеоні. З Наполеоном справа уж давно была неясна. В 1807 року — до юня місяца — он был с церковного амвона провозглашенный предтечом антихриста, а в розговорах — самым антихристом и истребителем христианской віры; но от юня місяца того самого 1807 року антихрист стал несподівано, без нияких переходов и объяснений, другом и союзником русского царя; тепер он знов оказался антихристом и пол России завоювал майже без опоры.

Гибель Смоленска навела уныние. "Роздразнил цар и царский брат Константин мужика сердитого", говорили в тоты первы місяцы войны в народі. Но чого хоче "сердитый мужик", было загадком. В дворянстві, (шляхті) страх был о много свідомійший и сильніший, як в "простом" народі. Побіда Наполеона грозила уж не лем продолжением блокады, но и потрясением основ панцизняка права. В селах было дуже неспокойно. Поміщики ясно того отчували. Отдати Москву без бою здавалось царю и дворянству невозможным, та и солдаты не дуже розуміли смысл отступления. Коли русска армия, отступивши от Гжатска, пришла в Царево-Займище (29 августа), у ней уж был новый главнокомандующий. Александр змінил Барклая и назначил **Кутузова**, котрого давно терпіти не мог, но других, ліпших генералов тепер не было. На Багратиона покладалися меньше, та и назвиско у него тоже, як и у Барклая, было не русске.

* * *

Для Наполеона зміна Барклая, ставша йому дораз знаном через розвідчиков, была сигналом, што русскы рішилися наконец на генеральну битву.

Рано 4 сентября он приказал Мюрату и Нею рушити из Гжатска в Гряднево. Русска армия сповольнила отступление — и остановилася. Ей арьергард оперался на пару укріплений. Наибольше высуненым навстрі-

чу наступуючым французам был редут, устроеный русскими у села Шевардино.

Наполеон з гвардиом, прибивши в село Гряднево, сейчас занялся изучением простиравшейся пред ним ровнины, где наконец остановилася русска армия. Йому донесли, што Шевардинский радут (укріпление, тымчасовый форт) занятый многочисленными силами. В подзорну трубу далёко за напы выхненем річком Колочом виднілися расположения русской армии. Было донесено вечером 4 сентября в императорский штаб, што русска армия остановилася и заняла свои позиции уж пред двома днями и што близко села, званого Бородино, также выкопаны укріпления.

БОРОДИНСКИЙ БОИ

Бородинска битва много раз приковувала к собі увагу историков, и военных специалистов, и великих художников слова, и великих маляров. Судьба наполеонской империи переломилася не на Бородинском полю, а в часі всего того русского похода; Бородино было лем едным из актов трагедии, но не всьом трагедиом. Даже и цілый русский поход не был ище концом, а лем початком дуже покаль далекого конца.

Приблизился миг, котрого Наполеон не переставал ожидать и о котром он не переставал думати ище в Дрездені, а потом на Немані, в Вильні, в Витебскі, в Смоленскі, в Вязьмі, в Гжатскі. Подошовши тепер к месту, где суждено было розразитися одному из самых страшных побойш, яки были до того часу в истории людства, Наполеон мал в своем непосредном распорядженіи три и пол разы меньше сил, як в первый момент своего вторжения в Россию.

Трудности похода, болізни, дезертирство и мародерство, потребность подкріпляти далёкы флангы и тылы на рижском и петербургском направлениях, з одной стороны, и на югі против русского войска, идучого из Турции, з другой стороны, потреба все больше и больше серьезно обеспечивати гарнизонами огромну линию коммуникаций от Немана до Шевардина — всьо то страшно уменьшало Велику армию. Наполеон в момент, коли он подошел к Шевардинскому редуту, мал сто тридцет пят тысяч солдат и артиллерию из пятсот осемдесят сім пушок.

У русских было сто три тысячи регулярных войск и шестьсот сорок пушек, с м тысяча козаків и около десяти тысяч ратников ополчения. Русская артиллерия якостно не уступала французской, а численно перевышала ей. Замного пало коней у Наполеона, и далеко не всі пушки он мог подтянуть от Могилева, Витебска и Смоленска ку Московской дороге.

В часі Бородинского боя квартира Наполеона находилась в селі Валуеві.

Наполеон был цілковито певный победы, и початок діла лем укріпил його певность. 5 сентября он приказал атаковать Шевардинский редут. Мюрат откинул часть русской кавалерии, а генерал Компан послі артиллерийской подготовки с пятью пехотными полками пошел штурмом на Шеварино и послі упорного штыкового боя взял редут. Французы с подивом расповідали поздно вечером, што русские канониры не утікали, хотя мали такую возможность, коли атакуючы ворвались на редут, — и были переколоты на місци. На рассвіті Наполеон сіл на коня и майже не зізлал з него цілый день. Он боялся, што русские, стоявши в пару километрах от Шевардина, уйдут послі падения того редута. Но обавы його были даремны: Кутузов стоял на передних позициях.

Послі Смоленска и конечного рішення не затягивати войну на два рока, а кончити ей в едном року, головном, непосредном цілём для Наполеона было войти в Москву и из Москвы предложить царю мириться. Но, як не жаждал Наполеон овладіти Москвом, он ни за што не хотіл получить ей без бою: уничтожение русской армии, то ест генеральная битва под Москвом, — вот чого треба было достигнути за всяку ціну, а не гоняться за Кутузовым, если тот вздумат уйти за Москву, ку Владимиру, або ку Рязани, або ище дальше. Длятого-то Барклай и Кутузов не хотіли битвы, што Наполеон ей дуже хотіл. Но Барклай тепер молчал, обвязанный повинуватися Кутузову, а Кутузов тоже молчал, не маючи сил взяти на себе страшну ответственность и уйти без бою, кинувши Москву на произвол судьбы, хотя и спасаючи тым армию. Наполеон цілый тот день, 6 сентября, послі взятия переднего дня Шевардинского редута, не начинал битвы. Он приказал дати солдатам добры отпочнуть, выдать большы порции, составля-

ючи и разбавляючи планы дійствий на слідующий день, уточнял приказы маршалам и генералам, гурмом товаришившим му в його розьїздах. И он сам, и они, и простые солдаты постоянно поглядывали в сторону виднівшогося русского расположения: чи не ушел Кутузов. Но все было нерухомо: русские войска оставались на місци.

Наполеон был простуженый, но за цілый час того хлопотливого дня не показывал наименьших признаков змучения.

Наступила ночь. Армия улеглася завчасу, бо было знано, што бой начнется світом. Наполеон майже не клался, несмотря на физичне и умственное напряжение за час того дня. Он скрывал свое волнение, но на тот раз йому то не дуже удавалось; он бесідувал з адъютантами, но они виділи, што он не слухат их. Он все выходил из палатки посмотреть, чи горят огні в русском лагери.

Солнце ище не взошло, як Наполеон уж дал приказ двинутися на русских, и вице-король Италии Евгений Богарне со своим корпусом кинулся на село Бородино; на лівом флангі Даву, Ней, Мюрат один за другим устремились со своими корпусами на "Багратионовы флеши", полевые укріпления у села Семеновского в центрі. Роздался такий оглушительный и уж не перестающий грохот артиллерии з обох сторон, якого не слышали даже люди, побывавшы под Ейлау и под Ваграмом.

В часі всего того долгого, ище теплого сентябрьского дня Наполеон, судячи по свідоствам очевидцев, пережил зміну: двоих настроений.

На рассвіті, коли солнце лем што почало всплывать над линиом горизонта, он весело воскликнул: "Вот солнце Аустерлица!" И тот веселость тревала у него ціле рано. Здавалось, русских починают постепенно и неуклонно выбивати из всіх позиций.

Но и в тоты години первого могучого натиска французов на Шевардинский редут откаль император слідил за битвом, почали приходити довольно тревожны відомости, перемішующись с радостными и побідоносными. Императору уже вчасно рано донесли, што один из його ліпших генералов, командир 106-го линейного полка Плосонн, ворвался со своим полком в село Бородино, выбивши оттамаль русских, но, преслідуячи их, натрафил на русских егерей, котры

цілком знищили часть його полка, убили Плозонна и многих його офицеров. Правда, надышла помоч, и французы заняли Бородино. Но обставины гибели Плозонна показували, што русскы бьются в тот день страшно завзято.

Потом прискакал адъютант з відомостью, што наступление маршала Даву розвиватся успішно; но за ним — другий, повідомивший, што найліпша дивизия корпуса Даву, дивизия генерала Компана, попала под страшный огонь, што Компан раненый, його офицеры ранены або перебиты, што сам маршал Даву, поспішивший на помоч, штурмовал русскы батареи, обстрілювавши Компана, взял их и знов русскы канониры (як два дни пред тым в Шевардині) были перебиты на своих пушках, так як стріляли до послідной минуты, и одно из ядер убило коня под маршалом Даву, а сам маршал раненый и упал без памяти на землю.

Не встиг император выслухати и отдати новы приказания, як му донесли, што маршал Ней ворвался с трома дивизиями во флешу, боронены русскими гренадерами, и хотя выдержуе тоты флешу, но русскы не перестают завзято атакувати. Новый адъютант принюс вість, што дивизия Неверовского выбила Нею. За даякий час Ней привернул позицию, но князь Багратион продолжал на том участкі отчаянну борьбу. Одна из важнійших флешей, взята было французами, выставлена на яростну штыкову атаку, в котрой французы были выбиты з огромными стратами.

Наполеону доносили настойчиво и из разных пунктов, што страты русских о много большы французских страт, што русскы не поддаются, а гибнут до послідного в тых контратаках, котрыми они хотят восстано-вити положение. Штобы розвернути дійствия кавалерии, треба было брати зо страшными усилиями невеликы возвышенности и неровности, пересікуючы майже посередині огромное поле битвы.

Корпус Раевского, поносячи огромны страты, причинил Нею и Мюрату такы страты, што оба маршалы подтягивали ту всі свои части, яки лем могли подтягнути. Семеновский поток и місцевость при потоку пару раз переходили з рук в руки. Наконец маршалы выслали адъютантов к Наполеону просити подкріплений, они ручили за вы-

грану, если вчас взяти Семеновский поток и Семеновске.

Наполеон отправил им на помоч одну дивизию, но отказался дати больше. Он виділ по неслыханному ожесточению боя, што Ней и Мюрат мылятся и што русскы корпусы, по их думкі готовы уйти с поля, не уйдут, а французскы резервы будут вычерпаны до наступления рішающего момента. А рішающий момент все не наступал.

О 11-ой годині рано Наполеон приказал повести атаку на Семеновске. Редут был знов взятый французами послі страшного штурма. Наполеон лучше всіх своих маршалов мог взважити и оцінити страшны страты, вісти о котрых приходили непрерывно.

Страшный бой завязался за Семеновскы флешу. В протягу пару годин они переходили з рук в руки. На одном том участкі греміло больше як сімсот орудий; штыриста, высуненых ту по приказу Наполеона, и больше як триста — з русской стороны. И русскы и французы вступали ту нераз в рукопашный бой.

Маршалы, пережившы тот день, з восторгом говорили до конца своей жизни о поведению русских солдат у Семеновских флешей. Французы не уступали им. Именно ту роздался предсмертный крик Багратиона навстрічу французским гренадерам, под градом картечи біжавшим в атаку с штыками наперевіс, не отстрілюючись: "Браво! Браво!" За пару минут сам князь Багратион — по думкі Наполеона, лучший генерал русской армии — упал, смертельно раненый, и, умерая, под градом куль, с трудом был унесеный з Бородинского поля.

Днем дивизия генерала Морана взяла штурмом батарею Раевского, меж селом Бородино и Семеновским, но русскы части штыковым натиском выбили французов и знов заняли батарею. Страты русских были огромны, но батарея была отнята у Морана, а сам Моран пал на полю битвы.

Наполеон получил вість о том, што русскы знов овладіли великом батареей и што ділаются отчаянны усилия вырвати у Нею и Мюрата три флешу, котрыми они овладіли с такими усилиями...

Было полудне. Настроение Наполеона быстро и вконец змінилось. Справа была не в його простуді, на чом так настоювали стары його биографы, а в том, што он,

получивши повторну и настоятельную просьбу Нея и Мюрата прислать им подкрепления, дати наконец гвардию и знаячи, што они мають правду и што Багратион буде отогнанный от Семеновского и битва кончится уничтожением русских, если французская гвардия со свежими силами кинется в бой, видел невозможность послать подкрепление. И не лем потому, як он сказал, што не може рисковать гвардиом в пару тысячах километров от Франции, но и по другой причине: русская кавалерия, и в том числі козаки под начальством Уварова и Платова, напала несподівано на обозы и на одну из французских дивизий. Русская конница была отогнана, но чувство необеспеченности в глубоком расположении французских войск осталось.

День склонялся к вечеру, когда император узнал важную новость: убитый князь Багратион, оба Тучковы убиты, корпус Раевского майже уничтожен, русские, отчаянно обороняючись, отходят наконец от Семеновского.

Гибель Багратиона, котрый так долго и так надаремно жаждал генеральной битвы и наконец ей дождался, зробила великое впечатление на всіх, кто о ней узнал ище в розгар боя. Наполеон приблизился к Семеновскому. В один голос всі, кто к нему подызжал и с ним говорил, передают, што они просто не узнавали императора. Хмурый, молчаливый, глядячи на горы трупов людей и коней, он не отповидал на вопросы, на котры никто, кромі него, не мог отповісти, не отдавал приказов, котры лем он мог дати. Його первый раз виділи якого-си мрачного, безрозлично-го и якбы нерешительного.

Уже совсім стемніло, коли по отступающим помалу и в полном порядке русским войскам почали палити около триста высланных вперед французских канонеров. Но ожидаемого эффекта того не робило: солдаты падали, а бегства не было.

“Они ище хотят, — дайте им ище” — в таких выражениях Наполеон отдавал приказ вечером о усилении огня. Русские отходили, но отстреливались. Так застала ночь обе стороны.

Коли Кутузову представили ночью первые рахунки и коли он увиділ, што половина русской армии уничтожена в тот день 7-го сентября, то он категорично рішил спасти

другую половину и отдать Москву без нового боя.

Но коли Наполеону в ночи послі битвы донесли, што сорок сім його генералов убиты або тяжко ранены, што пару десятков тысяч солдатів його армии лежат мертвы або ранены на полю битвы, коли он лично переконался, што ни одна из данных ним до сего часу великих битв не може равняться по завязности и кровопролитию з Бородиным, то он, одержавший на своем віку столько правдивых, бесспорных побід, не мог, розумієся, не понимать, што для Бородине треба придумати даке инше определение. Он ждал, што Кутузов даст под своими мурами Москвы новую битву; часть русских генералов тоже была за такую битву. Но того разу Кутузов настоял на своем: Наполеон не знал о военной раді в Филях, но по цілому ряду признаков понял через два дни послі Бородине, што Москву рішено отдать без нового боя.

НАПОЛЕОН В МОСКВІ

За отступавшим Кутузовым по пятам шол Мюрат с кавалерией. 9 сентября Наполеон вошел в Можайск; на другой день принц Евгений, вице-король Италии, вошел в Рузу. 13 сентября, в солнечное рано, Наполеон, витанный восторженными криками своей армии, доіхал со свитом до Поклонной горы и не мог здержати своего восхищения: його, як и свиту, поразила красота зрілища. Колоссальный блиставший на солнці город, простеравшийся перед ним, был для него мѣстом, где он даст своей армии отдохнуть и оправитися, и найважнійше, послужит том заруком, котра напевно примусит царя Александра заключити мир. Страшные бородинские образы отразу были заслонены теми видами на близке будущее.

За час 14—16 сентября русская армия проходила через Москву и выходила на Коломенскую (Рязанскую) дорогу. По ей пятам шол король неаполитанский Мюрат с кавалерией. Милорадовичу, командовавшему арьергардом, удалося добитися приречения Мюрата дати русским войскам спокойно пройти через город. Русский арьергард, под командованием Раевского, вечером остановился при селі Вязовкі, в шести верстах от Коломенской заставы. В тот час французская кавале-

рия дошла своими передовыми стражами до села Карачарова.

16 сентября армия Кутузова перешла Москву-ріку по Боровскому мосту и, заночувавши в лагери при селі Кулаковой, незамітно для Наполеона на слідуший день двинулася по правому берегу ріки Пахры и 19-го заняла позицию на лівом ей берегу при селі Красной Пахрі, на старой Колужской дороге. Єдиный путь коммуникации Наполеона — Смоленска дорога — был перехваченый русском конницею.

Уже у Дорогомиловской заставы до Наполеона почали доходити чударны слухы из гвардии: из Москвы ушли майже всі жителі, она пуста, ниякой депутации с ключами от города, котрой ждал император, ніт и не буде. Слухы подтвердились.

16-го сентября Наполеон вѣхал в Кремль. А уже в попередный день, поздно вечером, вспыхнули первы пожары. Но ни розміров, ни значения того, што почалося, ище немож было предгадати.

3 рана 16 сентября пожары усилились. Днѣм они ище не были так замітны. Но в нocy с 16-го на 17-го подул сильный вѣтер, котрый продолжался, не слабѣючи, больше як добу. Море поломени охватило центр близ Кремля, Замоскворіче, Солянку — огонь обѣял майже разом наотдаленнѣйшы от себе місца.

Наполеон, коли йому донесли о первых пожарах, не звертал на то особливой увагы; но коли 17 сентября рано он обышол Кремль и из окон дворца, куды бы не подходил, видѣл бушующий огненный океан, то, по свѣдоцтву очевидцов, император поблѣднѣл и долго молчки смотрѣл на пожар, а потом рюк: “Яке страшне зрѣлище! То они сами подпалюют... Яка рѣшимость! Якы люде! То скифы”. (Скифы жили дико на русских равнинах до Христа). Тымчасом пожар почал не лем грозити самому Кремлю, но часть Кремля (Троицка башня) уже загорѣлася, из дакотрых ворот уж немож было выйти, бо поломень относило вѣтром.

Маршалы настойчиво почали просити императора сейчас переїхати в Петровский дворец. Наполеон не оразу согласился, и то о мало не заплатил своим житѣм. Коли он зо свитом вышел с Кремля, то искры падали уже на него и на свиту, дыхати было трудно. “Мы шли по огненной землі, под

огненным небом, меж стѣнами з огня,” росповідат один из свиты Наполеона.

Страшный пожар бушувал ище 17 и 18 сентября, но ку вечеру почал слабнути. Утих вѣтер, пустился дощ. Пожары продолжались ище и в слѣдующы дни, но тото было уже не то, што великанска огненна катастрофа 15—17 сентября, знищивша значну часть города.

Наполеон, по єдинодушным отзывам, и в Петровском дворці и в Кремлі, куды он вернулся, коли пожары почали стихати, переживал дни найтяжшой тревогы. Он попадал часами в встеклость, и тогды солено доставалося окружающим, часами он долго молчал. Энергия не покидала го. Из Москвы он продолжал управлять своим не-обѣятом имперіем, подписувал декреты, указы, назначения, перемѣщения, награды, увольнения урядников и министров. В Москві, як и все, он старался во всѣо вникнути, занимался и головным, и другостепенным, и третьостепенным.

Но головный, грозный старунок стоял перед императором неотступно: што робити дальше? Пожар Москвы не позбавил го всіх московских запасов, у него ище оставались уцѣлѣвшы склады, уцѣлѣвшы магазины. Но зберание запасов поза городом не удалося; солдаты мародерствовали и пропадали без вѣсти; дисциплина явно росхвѣялася. Оставатися на зиму в Москві было, розумѣеся, возможно, и дакотры из маршалов и генералов так радили, но Наполеон вѣрным инстинктом чуял, што не так то тревала його велика империя и не так надежны його “союзники”, штобы йому надолго оставляти Европу и загребатися в русскы снѣгы. Итти за Кутузовым, котрый зо своим арміем не подавал нияких признаков жизни? Но Кутуов може отступати хоть до Сибири и дальше.

Конѣ падали уж тысячами, мало не десятками тысяч. Колоссальна коммуникаційна линия была обеспечена дуже слабо, хотя Наполеон и мушений был роскидати по пути немало отрядов и тым подорвал силу Великой арміи. А головне, пожар Москвы, завершивший долгу серию пожаров, котрыми встрѣчали завоювателя города и села России от Немана до Смоленска и от Смоленска до Бородины, непонятный, загадочный выїзд мало не всѣого населения старой столицы, образ Бородинского боя, котрый (як

Наполеон признал пред смертью) был самым страшным из всіх битв, данных императором, — всё то явно указувало, што на тот раз його противник рішил продолжати борьбу не на жизнь, а на смерть.

Оставались два выходы. Первый — дати поняти Александру, што Наполеон согласный на самый мягкий мир. Другий выход — издати манифест о освобождении от панщизны селян в занятой французами части России и попробувати тым подняти селянске повстание в тылу кутузовской армии и в тот сам час розложить панщизняну солдатску массу русских войск. Мы знаме, што Наполеон думал (и говорил) о обох выходах. Но пробовал он осуществити лем первый, а не другой. Заключити мир, находячись в Москві, сохраняючи ище позу победителя, выбратися из России з армиом благополучно — вот всё, на што он тепер мог рахувати; он готовый был задоволитися словами и обіцанками Александра, готовый был до уступок. И ниякой бесёды не могло быти о подчинении, о вассальстві Александра. Но як дати знати Александру, с котрым послі образливого отказа в Вильні, переданного Наполеоном царю через генерала Балашова, нияких сношений не было и быти не могло? Наполеон зробил три пробы довести до відомости царя о своих миролюбивых наміреніях.

В Москві проживал генерал-майор Тутолмин, начальник Воспитательного дома. Он просил французске военне начальство о охрانی Дома и вихованков, оставшихся в Москві. Наполеон казал го призвати и много и горячо говорил му о страшном спалении Москвы, о преступном варварстві Ростопчина (начальника Москвы, на котрого приказ Москва мала быти подпалена — прим. ред.), о том, што ниякой обиды Москві и мирному населению он, император, не причинил бы. На просьбу Тутолмина о дозволеніи написати рапорт о Воспитательном домі императриці Марии Наполеон не лем позволил, но нараз, несподівано, додал: “Я прошу вас при том написати императору Александру, котрого я уважаю як и предтым, што я хочу мира.” В тот сам день, 18 сентября, Наполеон приказал пропустити через сторожовы посты урядника Воспитательного дома, с котрым Тутолмин послал свой рапорт.

Наполеон не получил отповіди. Но он даже и не выждал до часу, коли мог бы получить отповідь, и рішил зробити другу пробу. В Москві случайно задержался против своей волі один богатый барин (пан), даякий Яковлев, отец Александра Ивановича Герцена. Он звернулся за зашитом и покровительством к французам; о нем было донесено маршалу Мортье, котрый предтым встрічался з Яковлевым в Парижі, и маршал донюс о нем Наполеону. Император казал представити собі Яковлена. В “Былом и думках” Герцен передае о розговорі императора з його отцом: “... Наполеон розбранил Ростопчина за пожар, говорил, што то вандализм, уврял, як все, о своей непреодолимой любви к миру, толковал, што його война — в Англии, а не в России, хвалился тым, што поставил страж к Воспитательному дому и што желания його незнаны императору Александру.” Послі нескольких фраз Наполеон подумал и нараз звідал: “Возмете вы на себе доставити императору письмо от мене? На том условии я кажу дати вам пропуск зо всіми вашими.” — “Я принял бы предложение вашего величества, но мі трудно ручити.” Наполеон написал письмо Александру с предложением мира и вручил го Яковлеву, давшему честне слово, што зробит всё, штобы доставити письмо Александру. В том письмі, дуже примирительно написаном, ест одна интересна и характерна для него строка: “Я веду войну с вашим величеством без всякого озлобления.” Наполеону, видно, здавалося, што послі всего не он вызыват чувство озлобления, а он сам в праві чувствовати озлобление.

Отповіди и на тото письмо не было. Тогда Наполеон зробил ище одну пробу предложити мир.

4 октября он послал в лагерь Кутузова, в село Тарутино, графа Лористона, бывшего послом в России перед самым войном. “Мі потребный мир; лем бы честь была спасена. Дораз отправляйтеся в русский лагерь”, казал Наполеон.

Цар не отповіл. Оставалось друге средство: начати в России селянску революцию.

Люте беспокойство овладіло верхами послі занятия Москвы Наполеоном, и Александру доносили, што не лем среди селян идут слухы о свободі, што уже и среди солдат

поговорюют, якобы Александр сам тайно просил Наполеона войти в Россию и освободить селян, потому, очевидно, што сам цар боится поміщиков. А в Петербурзі уж поговорювали, што Наполеон — сын Екатерины II и иде отняти у Александра свою законну всероссийску корону, послі чого и освободит селян. Што в 1812 было пару селянских бунтов против поміщиков, и бунтов дуже серьезных, — тото мы знаме документально.

Наполеон даякий час хвілялся. То нараз казал глядати в Московском архиві відомостей о Пугачеві (их не нашли), то окружаючы императора пробували сочиняти манифест к селянству, то звідували о том замешкалых в Москві французов, што они думают о освобождении селян, то совсѣм переставал о том говорити, начинаючи звідувати о татарах и козаках...

Также подумовал он, сидячи в Кремлі, о восстанию на Украині, о возможном руху среди татар. И всі тоты планы также были ним откинены.

В тот октябрьский день, коли в московском Петровском дворці Наполеон хвілялся, ци выпустити декрет о освобождении панщизняных селян, або не выпустити, в нем шла сильна борьба. Для двадцетпятлітнего генерала, только што покорившого контрреволюционный Тулон, для друга Огюстена Робеспьера, для сторонника Максимилиана Робеспьера, даже позднійше, уже для автора Наполеоновского кодекса, — хвіяния в том, ци оставляти селян в руках панов, быти не могло. Што русске кріпостне право (панщизна) о много больше подобне до рабства негров, як на панщизну в даякой другой из розгромленных ним феодально-абсолютных держав Европы, Наполеон дуже добри знал: шпионов в России он содержал цілу тьму и информацию мал дуже добру. Но революционного генерала уж давно не было, а по галям Петровского дворца, украдкой наблюдаемый дежурными адъютантами, ходил в роздумью взад и вперед його величество Наполеон I, божью милостью самодержавный император французов, король Италии, фактичный верховный властелин и хозяин всего Европейского континента, зять императора австрийского, отправивший на гильотину або згноивший в тюрьмах и ссылкѣ многих людей, котры бы-

ли своего часу друзьями Робеспьеров и мали отвагу остатися вірными своим переконаниям.

Декрет о освобождении селян, если бы он был изданный Наполеоном и введеный в дїйствие во всіх губерниях, занятых войсками Наполеона и дошел до русской армии, всецїло из кріпостных селян, держаных под палком, — такой декрет мог бы всколыхнути селянскы миллионы, розложить дисциплину в царских войсках и передовсім подняти восстание, подобне пугачевскому.

Тепер уж точно відомо, як страшно боялося русске дворянство в 1812 року восстания селян. Мы лем што упоминали, якы слухы ходили по селам, якы вспышки уже мали місце там и сям, як беспомочно чувствовали себе власти перед наступаючом внутренном бурьом. Мы знаме, яким гробовым молчанием народной толпы был встріченный блідный, як смерть, Александр, коли он подѣхал к Казанскому собору послі получения в Петербурзі відомостей о бородинских стратах и о вступлении французского императора в Москву.

Што удержало руку Наполеона? Чом он не рішился притягнути на свою сторону многомиллионну кріпостну массу? Гадати много не треба: он сам объяснил то. Он потом заявил, што не хотіл роздувати стихию народного бунта, што не желал створювати положения, при котром не было бы “с кым” заключити мирный договор. Словом, император новой, буржуазной монархии чувствовал себе все-таки о много ближе ку хозяину кріпостной, феодальной романовской державы, як ку стихии селянского восстания.

Откинувши мысль подняти селянский рух, отказавшись одночасно от зимовки в Москві, Наполеон должен был без звлоки рішити, куды направитися из Москвы. Што Александр не иде на ниякы переговоры, то было вполні ясно послі молчания царя на писма Наполеона, посланы спочатку через Тутолмина, потом через Яковлева и, наконец, через Лористона.

Итти на Петербург? У Наполеона тота мысль явилася найперше. В Петербурзі послі отдания Москвы царила паника: там начинали уже складати вещи и уїзжати. Больше всіх спішила и страхалася Мария Федоровна, мати Алексадра, яра ненавистница Наполеона. Она хотїла, абы чымскорше был за-

ключеный мир. Константин, брат царя, хотів того самого. Аракчеев стратил голову и тоже дуже хотів мира. Рух Наполеона на Петербург, розуміється, мог бы усилити тоту панику. Но тот рух оказался невозможным. Люде, правда, немножко отдохнули и подкормилися в Москві, но коней было так мало, што дакотры маршалы радили даже покинуть часть пушок.

В Москві не нашли ни сіна, ни овса, а фуражка в найблизшой спустошенной дотла місцевости ничего дати не могла. Крім того, настроение всей французской армии было не таке, штобы мож было предпринимати новый далекий поход на сівер. Несподіване нападение части кутузовской армии на Мюрата, стоявшего в наблюдательной позиции на ріці Чернишні перед Тарутиным, где находился Кутузов, примусило Наполеона поспішити з рішенням. Правда, то была лем другорядна стычка, но она показала, што Кутузов послі Бородину стал сильніший и што треба ждати дальше його инициативы. А сказати правду, Татуринска битва была дана против желания Кутузова, и генерал Беннигсен был в гніві на главнокомандующего, не пожелавшего дати му потребных сил.

Наполеон принял наконец решение. Оно не было несподіваным, оно здавалося самым натуральным, раз треба было отказатися от похода на Петербург. Император рішил, оставивши в Москві маршала Мортье з десяти тысячным гарнізоном, итти на Кутузова с цілом остальном арміом по старой Калужской дороге. Он знал, што Кутузов пополнял свою армию, но он и сам за тот час получил подкріпления, и у него было больше як сто тысяч чоловік, в том числі двадцет тысяч отборных солдат и офицеров императорской гвардии.

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА ИЗ МОСКВЫ

Наполеон дал приказ, и 19 октября из Москвы рушила по старой Калужской дороге вся французска армия, крім корпуса маршала Мортье.

Бесконечный хвост найрозмаитших возов и повозов с провиантом и з награбленным в Москві маетком слідувал за арміом. Дисциплина настолько ослабла, што даже маршал Даву перестал росстрілювати непослушных, котры под разными предлогами и вся-

кими выкрутами старались подложить в повозки цінны вещи, найдены в городі, хотя коней не доставало даже для артиллерии.

Выходяща армия с тым бесконечным обозом представляла собом колоссально растягнуену линию. Достаточно привести часто цитованы свідоцтва очевидцев: послі цілого дня непрерывных маршов ку вечеру 19 октября армия и обоз, идучы по дуже широкой Калужской дороге, где обок себе свободно шло осем повозов, ише не вышла цілковито из города.

Наполеон своим военным оком отразил всю опасность подобного обоза для армии, всю трудность охранити тоту бесконечну линию от несподіваных налетов неприятельской конницы.

И ту он нараз круто змінил цілый свой план, тот план, с котрым он пару годин тому выйхал з Москвы.

Он рішил не нападати на Кутузова. Нове Бородино, даже если бы и кончилось побідом, уже не могло змінити головного, то ест того, што йому в тот момент здавалося головным: оставления Москвы. Он предвиділ впечатліние, котре учинит в Европі його уход из Москвы, и страшился того впечатліния. Но, раз рішивши уклонитися от боя с Кутузовым, Наполеон дораз начал приводити в исполнение новый план: повернути зо старой Калужской дороги вправо, обійти росположение русской армии, выйти на Боровску дорогу, пройти не доткнеными войном місцевостями по Калужской губернии на юго-запад, двигаючись к Смоленску. От дальшой войны Наполеон ише не отказувався: спокойно дошовши через Малояросливец, Калугу до Смоленска, можно было або зимувати в Вильні, або предприняти ише дашто. Но найперше треба было уже окончательно оставити Москву. Вечером 20 октября Наполеон слал из своей главной квартиры в селі Троицком маршалу Мортье приказ: беззвлично присоединитися зо своим корпусом к армии, а перед выступлением взорвати Кремль.

Приказание о взрыві Кремля было лем частично выполнено. В суматохі несподіваного выступления у Мортье не было часу як слідуе занятися том справом. "Я николи не ділаю бесполезных вещей", сказал яко-си раз Наполеон. Но в данном случаі взрыв Кремля был, бесспорно, совершенно беспо-

лезным ділом. То было як бы отповідьом на молчанье Александра относительно трьох предложений мира.

Итак, армия, исполняючи повеліние Наполеона, нараз повернула зо старой Калужской дороги на нову, и 23 октября больша часть ей прибыла в Боровск. Малоярославец был занятый частями дивизии Дельзона. Розгадавши план Наполеона, Кутузов рішил загородити нову Калужску дорогу. Світом 24 октября генерал Дохтуров и за ним Раевский атаковали Малоярославец, занятый предтым Дельзоном. Генералы Дельзон и Левье были убиты. Шесть раз Малоярославец переходил з рук в руки. Взятый седмый раз французами, он ку вечеру остался за ними, но страты з обох сторон были тяжкы. Лем самыми убитыми французы стратили пять тысяч людей. Город згоріл дотла, загорівшися ище в часі боя, так што много соток русских и французов погигло от огня на улицах, много раненых згоріло живцом.

На другой день рано, Наполеон з невеликом свитом выіхал из села Городни осмотріти русскы позиции, як нараз на тоту группу конников налетіли козаки, с пиками на перев'с. Два маршалы, бывшы з Наполеоном (Мюрат и Бессьер), генерал Рапп и пару офицеров згрудилися вколо Наполеона и почали отбиватися. Польскы шволежеры (легка кавалерия) и подошовшы гвардейскы егеры спасли императора и всю тоту кучку, окружаючу го. Опасность беззвлочной смерти або пліна была так велика, што ледво тот усміх, не сходящий за час того инцидента з уст Наполеона, был искренный. Но його всі виділи, и о нем з восторгом всі говорили в тот день и позднійше; для того то император и усміхался. Вечером он приказал гвардейскому доктору Ювану приготовить и дати му баньочку с сильным ядом — на случай если он попаде в плін.

Осмотрівши позиции, Наполеон открыл в селі Бородині военну раду.

Малоярославец доказал, што если Наполеон не хоче нового Бородина, то русскы його сами глядают, и што без нового Бородина императору в южны губернии не пройти.

Весь военный совіт был того самого мніния, к тому пришол в конці концов и сам Наполеон. Треба отказатися от мысли дати

генеральный бой; так што остаеся итти к Смоленску по Смоленской дотла спустошенной дороге, и итти як можно скорше, покаль русскы не заняли беззащитный Можайск и не загородили отступления. Выслушавши генералов и маршалов, Наполеон заявил было им, што он откладае свое рішение и што йому здаеся ліпше дати Кутузову генеральный бой и прорватися в Калугу. Хвіяния Наполеона окончилися 26 октября, коли он узнал, што русскы откинули конницу Понятовского от Медыни.

Но Кутузов не желал боя и не глядал го.

Послі битвы у Малоярославца Кутузов твердо рішил позволить Наполеону отступати, не оказуючи на него даякого энергичного тиску. Коли иностранцы (німцы и англичане), бывшы по волі Александра в кутузовском штабі яко наглядники за главнокомандующим, начинали докучати старому фельдмаршалу, укоряючи го в недостатку энергии, то он почал показувати им свқи когти и давал поняти, што он отлично розуміе их гру и здае собі справу, чом они так боятся “предвчасного” окончания войны России з Наполеоном.

Император приказал отступати к Смоленску, и 27 октября началось отступление из Боровска на Верею, Можайск, Дорогобуж, Смоленск. Армия шла должезном, ростягнутом линиом, и на тот раз — по приказу Наполеона — палилися всі села, усадьбы, через котры проходили войска. Но починаючи от Можайска и палити не было што так страшно были спустошены тоты місцевости ище в добородинский период войны.

Город Можайск был выпаленом пустком. Коли проходили мимо Бородинского поля, где гнили неспрятаны пятдесят сім тысяч русских и французских трупов, то Наполеон приказал як можно найскорше оставити того місце: страшный видок пригнобляче діяствовал на солдат, особливо тепер, коли они чувствовали, што война програна.

Коли подходили к Гжатску (30 октября), началися первы сильны морозы. То была несподіванка: по информациям, котры были даны Наполеону, морозы в той смугі России в 1811 року началися лем при концу декабря. Зима в 1812 року наступила незвычайно завчасу и оказалась выключно холодном. Кутузов шол слідом за отступающим неприятелем. Козаки дуже тревожили французов

нападами; перед Вязьмом русская регулярная кавалерия напала на французскую армию, но Кутузов явно уникал великой битвы, хотя його зовсім сторони пхали до того. Для Кутузова все дело было в уходе Наполеона из России, а для английского агента Вильсона и для целой массы немцев и французов-эмигрантов уход Наполеона из России был не концом, а лем початком дела; им важно было прозбытися Наполеона, а то возможно было лем при його цілковитой поражке, пліні або смерті. Иначе — так им здавалося — в Европі все останеся як предтым и як предтым Наполеон буде владыком до Немана. Но Кутузов не уступал на тот раз. По мірі усиления морозов, страты обозов, там и сям отбиваемых козаками и русскими партизанами — Фигнером, Сеславиним, Давыдовым, — французская армия катастрофично быстро таяла.

Коли 6 ноября армия прибыла в Дорогобуж, то под оружием годных для бою в ней мож было нарахувати лем около пятидесяти тысяч человек.

Наполеон переносил все трудности похода, как все, старался своим примером подбодрить воинов. Он часами шел по заметам и под падающим снегом, операясь на палку, беседуя с солдатами. Он еще не знал тогда, что будет зимовать и что взагалі долго останеся в Смоленскі. Но, пришовши в Дорогобуж, император получил из Франции ведемости, котры ускорили його постанову покинути Смоленск.

Чударны веісти привіоз му в Дорогобуж курьер из Парижа. Даякий генерал Мале, старый республиканец, давно сидевший в парижской тюрьме, умудрился утечи с тюрьмы, подробил указ сената, явился в одной роте, объявил о якобы последовавшей смерти Наполеона в России, прочитал подробленный указ сената о восстановлению республики и арестовал министра полиции Савари, а военного министра ранил. Переполох тревал всего две години. Мале был познанный, запланный, переданный военному суду и роестрелянный разом з еденастома людьми, котры ни в чем не были повинны, кроме того, што повірили в правдивость указа. Мале все то упланувал сам, сидячи в тюрьме.

На Наполеона тот эпизод зробил сильне впечатліне. Почуял, што його присутность в Парижі конче потребна. В том самом Доро-

гобужі, а потом в Смоленскі, куды он прибыл 9 ноября, Наполеон узнал, што Чичагов з южном русским армием, пришедшем из Турции, устремляється ку Березині, штобы отрізати му отступление. Он узнал также о тяжких стратах корпуса вице-короля Евгения при стычке с козаками. Наконец, узнал он и о том, што город Витебск занятый частями армии Витгенштейна. Оставатися в Смоленскі было немислимо; треба было перейти Березину скорше, як русскы отріжут переправу, иначе Наполеону и остаткам його армии грозил плін.

Морозы усиливались. Уже при выходе из Смоленска люди так ослабили, што, звалившись на землю, не могли встать и замерзали. Вся дорога была устелена трупами. Из Москвы не взяли с собой теплых зимовых вещей; то было великом помылком ище с початку похода. Треба было покидати большу часть обоза, часть артиллерии, цілы эскадроны мушеры были спішитися, так як конский падеж все усиливался. Партизаны и козаки все смільше и смільше нападали на арьергарды (Тыльные отряды, засланяючы отступление армий) на отстающих. Выходячи из Москвы, Наполеон мал около сто тысяч войска; выходячи 14 ноября из Смоленска, он мал армию всего около тридцать тысяч в строю и пару тысяч отставших и постепенно подходовших. Тепер он зробил то, на што не рішився, выходячи из Москвы: он приказал спалити все повозы и брыки, штобы освободити коней для передвижения пушек.

16 ноября под Красным русскы напали на корпус Евгения Богарне, и французы понесли великы страты. На другой день битва отновилася. Французы были откинены, стративши за два дни около штырнадцать тысяч человек, из котрых около пят тысяч — убитыми и ранеными; остальные поддались в плін. Но тем бои под Красным не покончились. Ней, отрізанный от остальной армии, послі страшных страт — из семо тысяч было страчено три — был з остальными штырьома притисненый к рікѣ майже цілом кутузовском армием. Ночом он переправился через Дніпр, причом, так як лед был ище тонкий, много людей провалилося и погисло. Ней з дванадцатьо людьми спасся и пришов в Оршу.

Наоплеон робил много усилий для под-

держания дисциплины, для организации за-осмотрения поживом, но недост. старался о минском направлении. Уж в Дубровкѣ он узнал, што польскы части його армии, котрым он приказал ище спочатку похода охраняти Могилев и Минск, не исполнили своего задания; генерал Домбровский, получивши приказание двигатися к Борисову, не дал помочы генералу Брониовскому, и Минск 16 ноября был занятый Чичаговым. В Минскѣ в руки русских попали огромны склады поживы, на котры Наполеон рахувал. Начиналася оттепель.

Положение стало совсѣм распачливым. С сѣвера, з Двины, ку Березинѣ, через котру должен был перейти Наполеон, приближался Витгенштейн: маршалы Удино и Виктор не могли го задержати. З юга шол Чичагов ку городу Борисову на Березинѣ. 22 ноября Чичагов вошел в Борисов, выпхавши оттамаль Домбровского.

Наполеон поблѣднѣл, коли му донесли о том. Отряды Платова и Ермолова — передовы части Кутузова — были уже в двох, если не в одном переходѣ от французов. Грозило окружение и капитуляция. Беззвлично император приказал глядати друге місце, где мож было бы навести мосты.

В Борисовѣ был тревалый мост, и коли в императорском штабѣ узнали о стратѣ той переправы, то найотважнѣйшы ростерялися. Наполеон дуже быстро пришол до себе. Послѣ доклада генерала Корбино он рѣшил переправитися у Студенкы, сѣвернѣйше от Борисова, где польскыми уланами был найденый брод. В том місци рѣка Березина не має и двадцети пяти метров в ширину, но берегы ей по обом сторонам покрыты на великом обшарѣ болотами, так што, взагалѣ, треба было будувати мост майже три раз довший, як ширина рѣкы. Наполеон штучным маневром обманул Чичагова. Он удал, якобы все-таки хоче переправитися у Борисова. Маршал Удино 23 ноября розбил и откинул ку Борисову начальника чичаговского авангарда графа Палена и, переслѣдуючи Палена, примусил Чичагова очистити лем што занятый ним Борисов. Но Чичагов оставался вблизи, а с сѣвера спѣшил Витгенштейн. Переправлятися ту Наполеон не хотѣл и не мог. Цѣлым рядом маневров йому удалося внушити Чичагову мысль, што переправа отбудеся в Борисовѣ або ниже Бо-

рисова. А сам Наполеон 26 ноября свѣтаньом был у Студенкы. И дораз, французскы саперы, працюючи по пояс в водѣ, помеж плаваючыми крѣгами, почали наводити два понтонны мосты, и внет послѣ полудня почалася переправа корпуса Удино. Переправа отбывалася 26 и 27 ноября. Русскы на правом берегу пробовали недалеко от місца переправы атакувати переправившыся уж части, но французскы гвардейскы кирасиры зробили контратаку и откинули русских.

Переправа отбывалася в порядку, и майже вся французска армия успѣла перейти благополучно, як нараз ку мостам кинулося около штырнадцат тысяч оставшихся солдат, переслѣдуемых козаками. Тота масса в паникѣ кинулася, не слухаючи команды, на мосты, и послѣдня регулярна часть корпуса маршала Виктора, ище не успѣвша перейти, окружена откидувала тоту гурму. Увѣдомленный козаками о переправѣ у Студенкы, Кутузов дораз повѣдомил Чичагова. В тот час еден з мостов, по котрому шла артиллерия, подломился, и коли його наскоро починили, подломился знов. Если бы Чичагов подоспѣл, катастрофа была бы окончательном. Но он нароком або ненароком спозднил, и Наполеон з остатками армии вышел на правый берег. Больша часть оставших (около 10 тысяч из 14), котру регулярный корпус Виктора не пустил на мосты, осталася на берегу и была частьюм зрубана козаками, частьюм взята в плѣн. Наполеон послѣ переправы сейчас приказал спалити мосты; если бы не то, всѣ оставшы могли бы тоже спастися, но военна потреба казала позбавити русских переправы, а гибель десяти тысяч людей, оставших и не успѣвших перейти по мостам, императора не остановила. Он рахувал потребными лем тых людей, котры оставалися в рядах. А вышовшы из рядов, всьо-ровно по какой причинѣ — по причинѣ хвороты, або отможенной руки або ноги, — не дуже занимали императора. Наполеон старался о хворых и раненых лем там, где такой старунок не мог пошкодити здоровым солдатам. Ту спалити мосты треба было як можно найскорше — и он их спалил без найменьшого хвѣяния.

И сам Наполеон, и його маршалы, и многы военны историки, як попередны, так и новы, уважали и уважают, што як военный

случай березинська переправа представляє собою замічальне наполеоновське досягнення. Други видят в том, головню, удачу, завдяки помылкам и ростерянности Чичагова, Витгенштейна, от путаницы, внесеной Александром, котрый из Петербурга, помимо Кутузова, послал генералам план окружения Наполеона, тот план, котрый Кутузов уважал глупым.

Так або иначе, остатки французской армии спаслися и шли ку Вильні. Но часова оттепель нараз змінилася страшным холодом. Температура упала до пятнадцети, потом до двадцети, до двадцети шести, двадцети осми градусов по Реомиру, и люде мало не каждоминутно валилися десятками и сотками. Их обходили — мертвых, полмертвых, ослабівших, — змыкали ряды и шли дальше. Ничого больше страшного не было за час того отступления. Николи до тых самых послідных дней не было таких нестерпимых морозов. Кутузов шол майже по пятам. Його армия тоже тяжко страдала от холодов, хотя была без поровнания ліпше одіта от французской. Дост сказати, што в момент, коли Кутузов, пополнивши послі Бородину свою армию, выступил в октябрі из Тарутина и пошол спочатку ку Малоярославцу, а потом вслід за Наполеоном, у него было больше, як сто тысяч чоловік, а в Вильну, в середині декабрия он привюл меньше як двадцет осем тысяч чоловік. Так бідственны и трудны были условия тых бесконечных переходов в рідко люту зиму.

Ту тоже треба додати, што Наполеон серьезно боялся лем нападений от головной кутузовской армии. Козаки, розумієся, затрудняли положение отступающей французской армии, нападаючи на обозы, тревожаючи тыльны отряды. Но, розумієся, самостоятельных битв козаки с частями французских войск починати не могли. В боях под Красным они грали велику, но помочну, а не головну роль; што тычится партизан, то их французы боялися меньше, як козаков. Партизанских отрядов было пару: Давыдова, Фигнера, Дорохова, Сеславина, Вадбольского, Кудашева и ище два-три. Французы не признавали их регулярном армием и в плін майже не брали, а росстрілювали. Но и партизаны тоже в плін брали мало, лем убивали. Особливом жестокостью славился Фигнер. Партизанами были офицеры, сол-

даты, котрых отпустило их начальство.

О партизанах французы в своей мемуарной литературе майже ничего не говорят, тогда як о козаках говорят много и единодушно признают огромну шкоду, котру рухлива, неуловима козацка конница причиняла отступающей армии своими несподіваними налетами, послі котрых моментально счезала. А партизаны нападали лем на совсім росстроены части.

Вот образ з натуры, нарисованный знаменитым партизаном Денисом Давыдовым: "Наконец подошла старая гвардия, посреди котрой находился и сам Наполеон ... Мы вскочили на коней и знов явились у головной дороги. Неприятель, увидівши шумны гурмы наши, взял стрільбы под курок и гордо продолжал путь, не приспішаючи кроку. Сколько мы не старалися одорвати хотя одного рядового от тых зомкнутых колонн, но они, як гранитны, ставалися неушкождены; я николи не забуду свободну поступь и грозну поставу сих всіми родами смерти випробованных воинов. Осіненны высокими медвежьими шапками, в синих мундурах, білых ремнях, с червлеными султанами и еполетами, они здавалися маковым квітєм среди сніжного поля... Всі наши азиатскы атаки не оказували ниякого дійствия против зомкнутого европейского строя... Колонны двигалися одна за другом, отгоняючи нас ружейными выстрілами и издіваячись над нашим вокруг них бесполезным наїздничеством. За час того дня мы ище взяли едного генерала, множество обозов и до сімсот плінных, но гвардия з Наполеоном прошла посреди толпы козаков наших, як стопушечный корабль меж рыбацьими лодками".

В России гнів народа против вторгшогося неприятеля рос с каждым місяцем. Ище спочатку войны среди панцизняных селян дагде бродили слухы о том, што Наполеон пришол освободити селян. Но коли місяц шол за місяцем и ни о яком знесении панцизняных порядков даже и бесіды не было, то для русского народа стало вполні ясно одно: в Россию пришол жестокий и пажерный враг, опустошающий край и грабящий жителей.

Чувство обиды за терзаему родину, жажда мести за спалены города и села, за знищену и ограблену Москву, за всі ужасы

нашествия, желание отстояти Россию и покарать дерзкого и жестокого завоевателя— все тотые чувства постепенно охватили весь народ. Селяне збералися невеликими группами, ловили отстающих французов и без милосердия убивали их.

Французским солдатам, коли они брали хлеб и сіно, селяне оказывали даколи завзятый вооруженный отпор, а если французский отряд оказывался для них засильный, селяне убегали в лісы, а перед побігом сами спаливали хлеб и сіно.

В России селяне нигде не творили цілых великих отрядов, як то было в Испании, где бывало так, што селяне, без помочи испанской армии, сами скружали и примушали поддаться французскы полкы. Но в России народна борьба против завоевателя выражалася иначе: селяне всіми силами помогали партизанским отрядам, служили проводниками, доставляли русским войскам поживу, высліджували французов и доставляли потребности информации русским войскам.

Но больше всего русский народ проявлял свое тверде желание отстояти отчизну своим безграничным храбростом в отчаянных боях под Смоленском, под Красным, под Бородиным, под Малоярославцем, в больше дробных битвах и стычках. Французы виділи, што если в России не ведется против них народна война, як в Испании, то лем головно потому, што испанска армия была вконец знищена Наполеоном и были долги місяцы, коли лем селяне добровольцы могли битися.

А в России ни одного дня не было такого, коли была бы совсім знищена русска армия. Мы знаме из документов, што селяне Тамбовской губернии скакали от радости, коли их заберали до войска в 1912 року, тогда як в звычайны часы рекрутчина уходила за найтяжшу повинность.

И тотые люде, скакавшы от радости, потом в кровопролитных боях билися и умирали самыми правдивыми героями.

Послі Березины французска армия уменьшилася не лем по причині страшных морозов, но и потому, што дивизия Партуно, котрому Наполеон приказал для отводу очей Чичагову оставатися у Борисова, попала под нападение головных сил Кутузова и от штырьох тысяч солдат того корпуса через два дни битвы осталось мало больше половины, котра капитулювала, окружена зо всіх сторон.

Студень была така, што от Березины до Вильны, куды армия пришла 9 декабря, раненых и от змучения падавших на землю не подносили, а оставляли замерзати. В каждом полку и на каждом привалі оставались десятки замерзших, десятки заснувших и не пробудившихся.

В Вильні остатки армии были уже у порога спасения от грозячей гибели. Они подошли к городу в найрозмайтшом состоянии, змучены холодом и усталостом. Дакотры части сохранили бойоспособность: недалеко от Вильны Ней и Мезон розвили сильный артиллерийский сгонь против насідавших русских, и преслідувание ослабіло на пару дней.

При вході в Вильну зробилося замішание и даже стычка меж солдатами розмаитых частей, глядавших даху и поживы и почавших дораз грабити склады и магазины. От 10 по 12 декабря армия шла в Ковну, преслідуема козаками, котрых она ище могла отганяти. Кутузов з головными силами был ище в пару переходах от Вильны. Не задержуючись в Ковні, остатки армии перешли через замерзший Неман. Страшный московский поход кончился. Из штырьохсот и двадцети тысяч чоловік, перешедших границу в юні 1812 року, тепер, в декабрі того самого року, остались невеликы роскиданы группы, врозбивку переходившы обратно Неман. Из них потом в Пруссии и Польші удалось организовать около тридцет-тысячный отряд (переважно из тых частей, котры оставались того полрока на флангах и не ходили в Москву). Дакотры были або в пліну, або погибли. Но в пліну оказалось не больше як сто тысяч людей. Остальны погибли в битвах, а больше всего от холода, голода, усталости и болізей в часі отступления.

Ище тыждень до выхода армии из русских земель, вечером 5 декабря 1812 року, в місточку Сморгони Наполеон в товаристві Коленкура, Дюрока и Лобо и польского офицера Вонсовича уіхал от армии, передавши командование Мюрату.

Його отьїзд попередило объяснение з маршалами, котры спочатку попробували злегка пуперечитися, но Наполеон заявил им, што он уважат армию по-за опасность попасть в плін, котра грозила ей до Березины, и што, по його думкі, маршалы и без

него доведут ей до союзной Пруссии, то есть до Немана. А його присутність конче потрібна в Парижі, бо без него нікто там не зможе надзвичайними рекрутськими наборами організувати нову, що найменше трьохсот тисячну армію, з котром треба буде весном зустріти можливих ворогів.

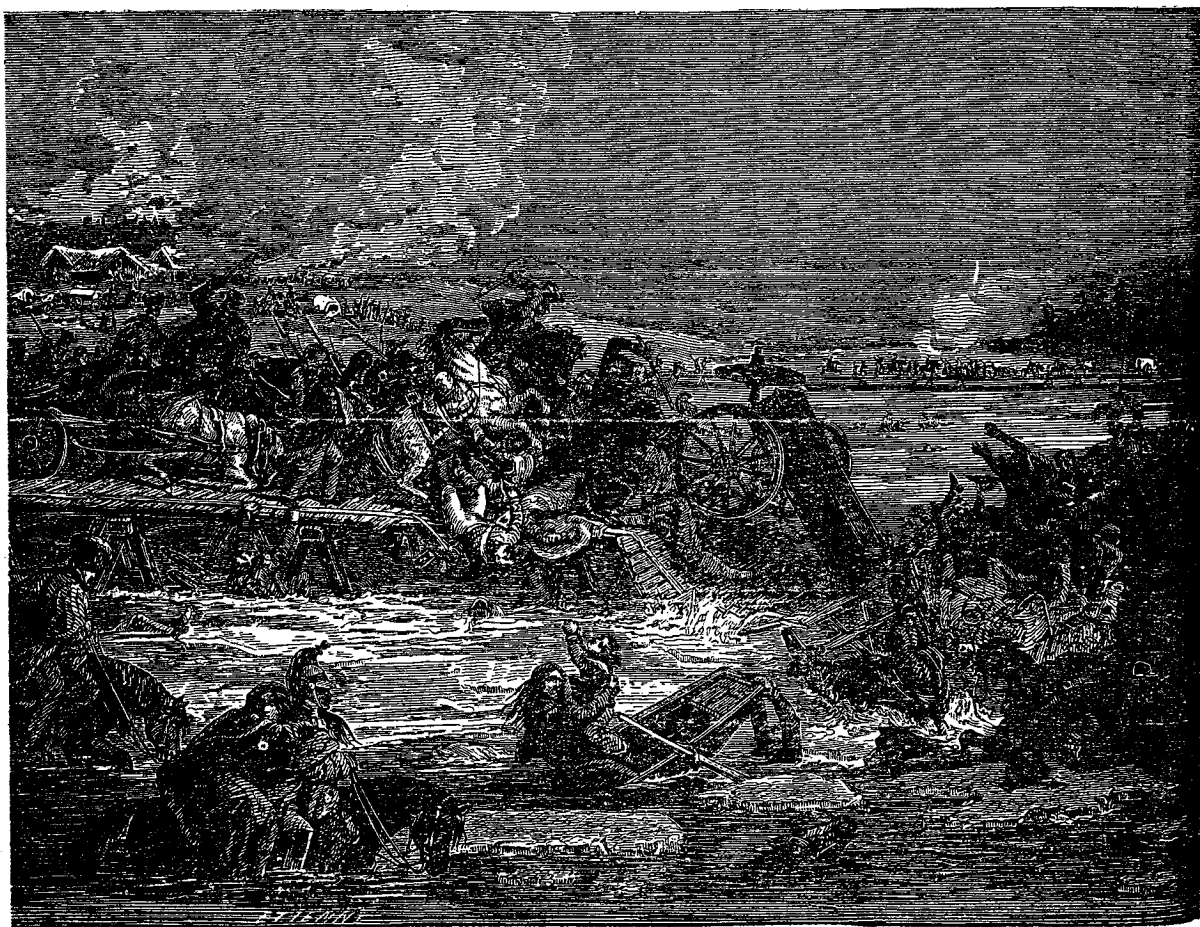
Наполеон був цілком спокійний, заявляючи маршалам, що він покидає армію не із тривожності, що його життя тепер уже нічого не грозило, а до того вони знають, що він перед небезпечністю ніколи не утікав. Не хвилювався він, коли говорив з ними і про той жахливий, жахливий йому і програній війні і поразці Великій армії. Розуміється, сумно, що скорше лихо, як помилка: клімат не дописав, і т. д. Але тут же він охотно признав, що були помилки і з його сторони: наприклад, надто забавили в Москві. Він обов'язково вимагав від маршалів тимчасово зберегти в таємні факт його від'їзду. Важливо було не тільки не допустити до остаточного упадку духу серед солдат за час парі днів, в котрих вони перейдуть Неман, але й ще важливіше було пройти

через Германію скорше, як там узнають правду про гибель Великій армії і про те, що імператор їде без охорони.

В одному маршалах не сумнівалися: що імператор їде творити і обов'язково створить нову армію, що зробить він це дуже скоро і що ще багато раз він поведе і їх і ту нову армію під кулі.

Вийшовши го проводити, маршалах наглядали, як він з Коленкурком сідає в сані. Він був так само спокійний, як через чотири місяці, коли шол уже із Франції, на чолі нових корпусів, на усмирення повставшої Європи. Серед проводивших маршалів були люди, побувавши во всіх численних битвах Наполеона, від першого завоювання Італії до кінця російського походу, і вони думали, що все-таки нічого страшнішого від Бородини до цього часу їм видіти не приходилося.

Одиноки сані, зникнувши в сніжній мглі того декабрьського вечора, уносили чоловіка, котрий твердо рішив не віддавати свого владчества над Європою без самої упорної боротьби.

СОВІТСКЫ ЖЕНЩИНЫ

(ИЗ СТАТИ КЛ. НИКОЛАЕВОЙ)

Ни одна держава в світі, крім Світського Союзу, не може похвалитися тым, што в парламентах участвуют робочы женщины. А в СССР в найвышом органі власти — Верховном Совіті — 227 депутатов женщин. В Верховных Совітах союзных и автономных социалистичных республик — 1.504 депутатов-женщин, в містны Совіты депутатов трудящихся избрано 456.759 женщин. Всі они з большевистским энтузиазмом трудятся над дальшым расширением господарского и культурного строительства в совітских городах, селах и поселках.

В ПРОФСОЮЗАХ (РОБОЧЫХ ЮНИЯХ)

Широки женскы массы участвуют в общественных организациях краю. Около 10 миллионов женщин стоят членами профсоюзов, из них 646.168 избраны в профсоюзны органы — центральны, крайовы, областны комитеты и фабрично-заводскы и містны комитеты. Через тоты органы женщины активистки борются за лучшу организацию труда на фабриках и заводах, за кріпку трудову дисциплину, за перевыполнение норм выработки, за высокую продукцию труда.

Социалистичный порядок открыл широку дорогу женщинам для активного участия в строительстве нового жита. Роки сталинских пятилѣток показали, як выросло число женщин — работниц и служащих (урядничок) — в совітском народном господарстві. Если в 1932 року женщин — работниц и служащих было 6.007.000 людей, то в 1940 року их числилося 11 миллионов.

Женщина в народном господарстві, где бы она не працювала, стремится к тому, штобы поднять свою квалификацию, овладіти техником výroбу, новыми станками и машинами, новыми галузями výroбу. В ряді галузей народногосподарского жита женщины являются зачинателями социалистичного змагания и ведут за собой коллективы робочых.

ПРИМІР ЗАХАРОВОЙ

Напримір, на автозаводі имени Сталина тов. Захарова працює от 1931 року, поступила на завод чорноробочом, потом овладіла квалификациом и тепер працює майстром стержневого одділення. Їй участок выполнения программы на 108 проц.; из 40 робочых ей участка — 30 стахановцев. Тов. Захарова активна общественница, организаторка агитационной работы в цеху. На заводі “Красная Этна” 80 проц. женщин участвует в социалистичном змаганию; немала сколькость женщин овладіла складными профессиями. На пончошной фабриці имени Ногина в Москві тов. Алексеева — помощник майстра. В ей бригаді 15 людей. Всі они выполняют нормы выработки и дают продукцию высокой якости. Тов. Алексеева — председатель цехового комитета; в цехі працює 550 людей, из них 113 активистов, стахановцев. Цех выполняет план на 104 процент.

Огромне значение має работа многостаночников (што один працює на больше станках-машинах — К. Р.). Она показує, яке невычерпане жерело сил и возможностей таится в нашей промышленности, сколько творческой энергии, рационализаторской мысли и инициативы заложено в совітском замічательном народі.

Тов. Казакова на заводі “Красный Пролетарий” працює яко зуборіз в первом механическом цеху. Она стахановка-многостаночница, працює на 4 станках, каждый станок дає 110-115 процентов нормы выработки. Тов. Вайкина (автозавод им. Молотова) працює на двух фрезерных станках и на каждом из них выполняет норму на 130 проц., продукцию дає лем доброй якости. Тов. Вайкиной присвоено звание лучшей фрезеровщицы, и имя ей записано на заводску таблицу почета.

НА ЖЕЛІЗНЫХ ДОРОГАХ

Прекрасны приміры работы женщин маются и на желізнодорожном транспорте. В

1939 и 1940 роках на транспорті вучено більше як сто тисяч жінок. Серед них машиністи, помічники машиністів, вагонні майстри, осмотрички вагонів, составителі, бригадири путі і т. д.

Роботниці оволодівають новим техніком: вони учаться на курсах майстрів соціалістичного труда, в стахановських школах. Так, за останні п'ять років перешли курси в промисленості понад 3 мільйони жінок.

В КОЛХОЗАХ

Колхозы розкріпостили жінку-селянку. Колхозы вивели жінку на широку дорогу політичної, культурної і заможної життя. Ніт старого села, а тим самим ніт і селянки, котра була рабом темноти, невіжества, рабом багача і дідича. Жінка-колхозниця — повноправний член колхоза. Колхозний порядок дав повну можливість жінці розвернути свої спосібності і таланти. Вона — ударниця і стахановка в роботі. Вона — активний депутат сільського совіта. Вона — передовик в сільському господарстві.

Колхозний строй пробудил мільйони жінок (Середньої Азії, Закавказзя, Татарії, Башкирії, Бурят-Монголії і Дальнього Сходу) до нового радісного життя.

Колхозниці повинні знати, що заможне життя залежить цілком від них самих, від їх труда. Хорошо працюєш — і урожай буде хороший. Більше як 130 тисяч колхозниць працює на керівній роботі в колхозах; понад 14 тисяч жінок — керівники і місцеві керівники колхозів, 39 тисяч — директорами тваринницьких ферм, 42 тисячі — бригадири. Десятки тисяч жінок — трактористи, комбайнери, механіки, машиністи.

С кождим роком росе кількість передових жінок в промисленості, на транспорті і в сільському господарстві, котрі своїм героїчним трудом, своїм відвагом завоювали любов і симпатії народних мас.

ЖЕНЩИНЫ-ГЕРОИ

Среди жінок — Герої Соціалістичного Союзу: Гризодубова, Раскова і незабута Полина Осипенко. 8,744 жінок нагороджені правительством за відмінну роботу в промисленості, в колхозах, совхозах, на транспорті, а також за самоотверженну захист границ соціалістичної отчизни.

Незмінно выросла культура соціалістичної жінки. Перед нею широко відкриті двері шкіл, технікумів, вищих навчальних закладів, розмаїтих курсів. В СССР понад 170 тисяч жінок — інженерів і техніків; серед докторів — 61 проц., жінок, серед учителів — 62 проц., серед всіх груп наукових працівників різних спеціальностей жінки складають 37 проц., в їх числі знаходяться учені, завоювавши світову відомість. Тисячі талановитих музикантів, артисток, скульпторів, творять великі шедеври мистецтва, дають прекрасні образи нашої помітної, героїчної епохи, і всі вони — то люди, вийшли з народу.

ЖЕНЩИНА-МАТИ

Жінка-мати в СССР оточена постійним старанням і увагою. Партия і правительство роблять все для того, щоб забезпечити щасливе і радісне материнство.

5 мільярдів 409 мільйонів рублів уже видано державою на допомогу багатодітним матерям, а на 1941 рік затверджено Верховним Совітом сума в 1,225,000,000 рублів. С кождим роком росе число народильних будинків, дитячих яслей, дитячих садів, площадок (для дитячих забав), піонерських таборів, лісних шкіл і дитячих санаторіїв. В дитячих яслях, працюючих сезонно, нараховується три і половина мільйона дітей.

Скільки дитячих садів збільшилася в порівнянні з 1928 роком майже в 9 раз, вони обслуговують мільйон сто сорок тисяч дітей.

Позашкільна робота з дітьми, котра проводиться в клубах профсоюзних організацій, обнімає около десяти мільйонів дітей.

Старунок о матері втяжки виражаються в тому, що соціалістичне правительство асигнує профсоюзам (робочим юніям) мільярдні средства на державне соціальне забезпечення. Здоров'я матері і дитини охороняється відпусткою по вагітності і родах з платою і лікарським опіком через консультації, котрі кожорічно пропускають мільйони жінок.

ДОМАШНЫ ХОЗЯЙКИ

За останні роки особливо зросла політична активність домашніх господарок. Из них уже виділяються кадри для промисленості і транспорту; домогосподарки допомагають

школі, дитським садам, яслам, наводять порядок в столових, общежитиях, активно участвуют в организации и розвитку помочных господарств, оказывают велику практичну помоч в виробі предметов широкого потребления.

Передова совітська жінка робить все, щоб їй соціалістична отчизна розвивалася, кріпла і росквітала. В днешній складній міжнародній обстановці ми всі повинні бути дисципліновані, як ніколи.

1. ТЕПЕР НЕ ЗАБЛУЖУСЬ

(Оповідат АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА СМЕРТИНА, ланкова колхоза "Новый строй", Панихинского сельсовета Шабалинского района, Кировской области).

I.

Мні іде п'ятдесят другий рік. Вспомнула старе, і здалося, що дитство було літ сто назад. Вспомнула і заплакала — страшно жити було!

Я родилася в великій родині: отец, мати, шестеро — дітей. І у старшого брата — жінка і своїх двоє дітей. Вот і дай їсти цілою той команді, коли землі у нас на

полторы души (тото іще от панщизняного права осталось). Сколько хліба свого зберали, не знаю, но памятам, што до нового хліба ніколи не старчило.

Коли, бывало, весна приде, сніг немного стае, отец уходил на заробок, но ледво на хліб зараблял. А по яри брал зо собою старшого сына Алексея и шли до пана дідица Бердешкова мочало мочити.

Весном у річці стави робили, надерали липовой коры и мочили ей. Лежит она в ставах до осени, а осенью по тонкому сніжку ей выдерают: наверху кора, а дальше — волокно. Выдрут волокно и розвішуют на вішала. Кора и мочало мокры, руки качають. Но пану людей не жаль: он из каждого штырох пудов собі брал три пуда, а отцу з братом доставался один. За пуд мочалы платили 40 копійок. Надерали триста пудов. Двіста двадцет п'ят пудов треба было отдати пану за то, што ліс його, а собі за труд — сімдесят п'ят пудов, за все то выручали 30 рублей.

Изба у нас была чорна, пец без комина, дым выходил через двери. Стіны, полени, повала — все в саджі, окна маленькі и чорны, вколо дым и копот; тараканов на

Совітські жінки партизани.

повалі — што золотом посыпано, блошиц — видимо-невидимо.

Вот забереমেся мы, малы діти, на поле-ни и слухаме, як отец и брат, вернувши з работы, за обдом розсуждають:

— Вот кебы Бердешков брал лем полови-ну мочалы, — гварил Алексей.

— Так... кебы, — вздыхал отец.

Не дожил отец до революции, не виділ, як панов проганяли. Брат Алексей тоже до совітского жита не дожил.

Коли нас треба было грамоті учити, отец говорил:

— Нашто тобі грамота? Милостыню переписувати...

Помолчит и дочинит:

— Скоро кускы хліба будеш зберати.

И всі дітскы и дівочы роки жила я, як нища.

Коли умерла мати, мі было сім літ. Дітей няньчила, обходила их. Коли мі было девят літ, я ціле літо едной жені діти обходила. За тото она купила мі два локті полотна по еденаст копійок локот: за ціле літо 22 копійкы заплаты...

Дванастрочна почала ходити до сусідов лен мяти. Тогда уж были деревяны мялки. Бывало, возму за ручку, тисну-тисну, як треба не достану, а надо мною сміються. Я на пальцы подносила, ціла вытягувала, дуже тяжко и больно рукам было.

Працували мы у шолтыса от третьей години рана до вечера, платили на день по 15 копійок взрослому и 12 копійок мі. Кормили тертом редьком и моченым хлібом в квасі — на перве, а на друге картофильницу робили або голландку давали (она росла у нас, не то брюква, не то ріпа, ей в воді варили). Ни мяса, ни смасты, ничего такого не давали.

Потом я перешла ку старшой сестрі, як прислуга в ей домі. Зять мучил мя роботом. Літом у него працювала, а зимом молотила по сусідах. Платили по пят-шест копійок за день, но грошы зать брал собі.

Так я рабиньом до самого замужества жила. День и ноч трудилася, а свойого — ничего, лем едно розове платя. В том платі и вінчалася.

Собом я была не плоха, працювала хорошо. Кто-си и похвалил:

— Невіста хороша!

Сватати мене приіхали здалека. Я роди-

лася в Ветлужском повіті Костромской губернии, а муж — в Котельническом повіті Вятской губернии.

Коли приіхал жених с отцом мене осмолити, я оділася во всю чуже — кто ленточку приніюс, кто шпильочку: всі подружки старалися принарядити невісту побогаче.

Сейчас женихов по праву выбирают. А в стары часы было иначе. Молоды, певно, и не знают, як нас перше замуж выдавали. Я сама своего мужа до смолрин на очы не виділа, не знала, який он: молодой ци старый, добрый ци злый, може пьяница, або даякий ище горший. О том и не думали. Най буде, який хоче, лем ты ся му приподабай. Тогда была така мода: если не подабятя невіста, жених с отцом выходит на двор, сідають на подводу и уізжають. И невіста на ціле жита заганьблена: жених уіхал! Были мы як товар, а жених — купец з грошми.

Коли жених приіхал, у мене руки и ноги дрожали, стыдно в очы смолити. Людей в избу напхалося — тьма; на полени по-выходили, в с'нях стоят, в окно смолят. Пришли, як на представление.

Жениху я сподабалася, и почал он с отцом при всіх в избі свататися. Зать за мене запросил ціну. Они сторгувалися — 53 рубля — и ту дораз грошы вырахували.

Невісті с тых грошей ни копійкы не давали. Родны выговорювали з жениха лахы або черевикы для невісты. Мі жених обіцал черевикы, а купил лем квіточок за десят копійок.

Муж, на счастье, попался добрый. Много мы з ним до революции страдали, но жили дружно.

У мене девятеро дітей. Я им розповідаю про свою молодость и говорю:

— Вот нас продавали даколи замуж.

Направду продавали. Бывало, перед свадьбом у нас, в Костромской губернии, невіста своих подружек зберат. Дівчата співають:

Отдаеш ты меня, батюшка,
Силою-неволю, большою неохотою!
Где мне век жить не хотелось, —
Тут мне жить приводится.
А невіста все кричит: Е-ех, е-ех, е-ех!

Послухаш такую пісню, и совсім смутно на душі становится.

Но мні муж попался ласкавый, добрый. Лем то біда, што дуже смирный...

Фамилия Смертиных была велика, дітей и внучат много, а землі мало. Ту ище я пришла, хотя и работница, но и ідок. Дуже не злюбили мене за то, што віна мало принесла. Часто на мене кричали:

Ты што принесла? Грошы за тебе якы дали! Я поплачу и гварю мужови:

— Повіч, як жити?

А он гварит:

— Лем даяк претерп...

Так и терпіла. Поплакала я в своем житю — ой-йой!

Така бабья доля была. Тепер я больше сміюся.

Недалеко будували желізну дорогу. Муж з меньшим братом ходили на роботу, земкопами были. Получали денно от 50 до 60 копійок. Грошы приносили отцу, но всьо-ровно не старчило. Ни раз білого хліба не ім. Корова была, но молока мы не пили. Сметанку з молока зберали, масло продавали, а для себе в горчку оставалось молоко сине-сине, толщу в ньом уж ниякого не было. Мясо іли лем в праздник, по кусочку каждому, а по два — рідко. Наліют велику миску квасу, накрошат маленькы кусочки мяса, спочатку высербуют квас, а потом, коли хозяин скаже: — “С мясом хлипайте”, — заціпиш и мясца.

Брали зарядом. Если кто без совісти, то тот и больше захватит, бо іли не с тарелок, а зо впольной мискы. Мой кусок мяса часто забрала пасербица.

Через 5 літ мы отділилися. Дал нам отец коня, найгоршого, корову и едну куру.

— Землі сколько отец даст? — звідую мужа.

— Не знаю, — гварит.

Землі нам отец выділил на пять осмых души. А было у нас уже четверо дітей и мы з мужем: шесть души...

Сторона у нас лісна, сами ліс рубали и дом будували. Спочатку ліс возили на склад, потом купували того само дерево.

Мой муж был чоловік дуже pracowитый, но сколько не працювал, все бракувало. Сам дом побудувал, но новы дом забрал собі отец, а нам на усадьбу перевезли стару; в третий раз перетрясану хижу.

II.

Зажили мы на своем господарстві. Раз

муж двигал тяжкы мішкы и надорвался. С того часу захворіл и ціле життя страдал. Дуже тяжко было літом: што лем сіно докошуеме, жито бы жати, а у него хворота приходит. Болі страшны, и кров иде через него каждый рок. Дві три неділи лежит, а я сама працюю.

В коротком часі, коли мы розділилися, мужа на войну взяли. Не смотріли на його хвороту и просто на фронт погнали. Осталася я сама з дітми. Ни нянькы, ни никого.

И як я страдала, коли в поле шла! Діточок накормиш и запреш самых в избі. Они плачут, обмажутся. Душа болит, сердце болит, а работы не кинеш, дому не полетиш. Вот приду дому поснідати, корову выпущу в поле, дітей покормлю, посмотрю на них и знов лишам их самых замкнених в избі.

Коли я сіяла, несчастье велике сталося: сынок Петрусь — йому три рочки было — упал с пеца и ударился о сходы. Пришла весна, сніг растаял. Смотрю, на улиці діти бігають, а Петрусь ходит якоси криво. Потом горб почал рости. Треба хлопця лічити, а грошей нїт...

Хлопцю все горше и горше. Мечеса от болю. Лем молодшого накормлю, спати уложу, а ту Петро роскритится, всіх збудит, діти плачут, им страшно и мї страшно.

Што робити самой? Ниоткаль помочы нїт, вколо тоже бідны солдаткы або старики. А котры богатшы — та ци тоты помогут?

Продала я телігу з желізном осьом, наняла няньку на ціле літо. Сказали мї сусіде:

— Поїд, Смертина, в Вятку. Там дашто дитині помогут.

Назбрала я осем рублей и поїхала в Вятку. Город великий, незнакомый. От станции до больницы километров пят. На руках мішок с хлібом и дитина. Привязала я Петруся на плечи и пошла яругами. Ище не світало. Шли мы по росі, я вся вымокла. На мї и ріпей и трава. Сторож больницы увиділ и погнал:

— Где-ж ты, бабо! Ид гет отталь! Для вас повітова больница, а не губернская!

Пошла я в повітову больницу. Посмотріли там докторы на хлопця и говорят:

— Тобі, тето, треба в губернску.

Вертам знов в губернску, уж ледво ноги волочу. Пришла, а години прийома кончи-

лися, и сторож знов гонит: уходи и уходи...

Не знаю, куды діватися. Кого не спрощу — говорити не хоче. Дитина плаче.

Спасибо, солдат проходил, сказал, где мож заночувати.

В Вятку приїхала, памятам, в неділю, а в четверг хлопцю операцію зробили. Барз он кричал. Потом ціле тіло гипсом замазали, завили и говорят:

— Бер хлопця дому.

Я благала:

— Куды, господин доктор, я возму! Я сама, мужа на войну взяли, в селі у мене маленькы діти. Будте так добры, поліchte дитину...

Они не слухают. Взяла я дитину, завернула в хустку, в плахту, привязала, як міх, на плечы — и на станцию, к поїзду споздни-ла.

Лежит дитина на лавкі, а я сижу коло ней и думаю: у других людей житя, як колесо по гладкой дорозі котится, а у мене все горы и яругы.

Только послі революции я поняла, чом так было.

Назад из Вятки я уже не памятам, як я добралася. Памятам лем, што дуже горячо было. От станции до нас дас 10 километ-ров. Як дойти? Петрусь в гипсі, тяжкий и горячий, и мішок великий з одежом и хлі-бом. Ніт кому замном приїхати. Прошла дві версты, сіла отпочнути и вижу — не встану, если ище раз сяду. Кинула мішок з одежом и хлібом, махнула руком и так по-влеклася...

Пришла дому, а ту друга дитина захво-ріла. На стару няньку оставляла грудну дитину, а она ей чым попало кормила: на-жуе хліба и пхае в рот... Нянька была ста-ра, брудна, табаку нюхала. Смотріти на ню недобри было! Больше як тыждень Лешко хворіл, думала, што умре. Он тепер в лет-ной школі, скоро летчиком буде.

Так цілу войну мучилася без помочы.

От мужа часто писма приходили. Я в тоты часы ище неписменна была. У нас в селі было девятнадцать солдаток, а писмен-ным был еден Шалагин (тепер он старичок, колхозник). Ку нему и ходили всі солдаткы писма писати. Писал он з неохотом. Та и што я через чужого чоловіка можу сказати? Треба, думам, самой научитися писати. У одного газды был сын, што уж цілу зиму

в училищі учился. Пошла к нему и говорю:

— Ты мі, Павел, покаж, як буквы звут и як их пишут.

Он написал тоты буквы. Я и давай. Всьо, што накарякаю — мужу посылаю. Даже но-чом с постели зоскочу и пишу. Так я стала писменном.

Если бы мое житя до часов совітской власти описати, то ціла книга бы вышла.

Потом мой муж пришоу в апрілі на де-сят дней, росповідал, як царя скинули, што от Временного правительства лучше не ста-ло. И правда, лучше не стало.

III.

В осени муж совсім дому пришоу. Совіт-ской власти я радувалася. Діти подрастали учити их почали.

Я десятеро дітей родила. Едно померло, девятеро жиют. Старший сын Федор учи-лище покончил, потом в Красной Армии был.

Другий сын Петро — инвалид. Если бы не революция — што он бы робил? Пропал бы совсім. А тепер хорошо живе, учится, химиком буде.

Послі Петра уж комсомольцы идут. Ва-силий живе в Ленинграді, працуе продавцом. Он у мене не дуже здрровый: у него ревма-тизм. За дитинства все босо ходил и про-студился. Он тоже кончил училище, до-брый хлопец. Два роки пропрацувал, ни одной проштрафкы не было. Приглашают в великий магазин працувати, но здорovie слабе.

Потом Алексей иде. Семилітну школу окончил. Працувал дома счетоводом и пред-сідателем в колхозі, потом уїхал в Дзержин-ское на машиниста, тепер — в школі летчи-ков.

За Алексеем — Анна. Ёй 18 літ. Красива дівушка, висока, высша от мене. Всі діти поданы на отца, черноокы. Анна семилітку кончила, тепер учится в Дзержинском на химика.

Давнійше діти тягаром были. А тепер діти велика радость!...

IV.

Мой муж был организатором колхоза. Он хоц и беспартийный был, но обществен-ник. Дуже не любил кулаков (сельских бо-гачов — К. Р.), и за то його кулакы не любили.

Спочатку, коли вступили в колхоз, я пер-вый рок копей доглядала и сторожом бы-

ла. Полтора рока коней обходила. Коні у мене стали хороші, не було случая, щоб конь не мог везти. Спочатку у нас не було конюшні. Я тогды сім коней обходила. Потом при мї уже поставили хорошу, велику конюшню и поставили там 37 коней. Я тых коней кормила, поила и чистила.

Працувала я и як доярка. Коров было 19. У нас колхоз невеликий — всего 25 господарств. Рок и девят місяцев коров доила. За подойом ище тогды никто не слїдїл. Трудодней ище не было, и такого точного рахунку, як тепер, тоже не было. Можу сказати, што мои коровы доилися добри. 16 маленьких телят было.

Цїлый час была ударницом. Премии получила много раз, грошми премировали и продуктами: конфетами, цукром, коли цукру ище мало было.

Послі того мене перевели на лен. Найголовнїйше ту — вырабяти високий номер волокна. Быват лен, из котрого из 24-й номер вырбила бы, но если он не вырос до 24-го номера, то ту уж ничего не зробиш. А мы и выплекали 24-й номер и вырбили. Быват так: лен вырасте 24-м, а не знашго обробити, то он выйде 10-м номером, а даже и 5-м.

У нас ест льновод агроном Андреев, хороший советский чоловік. Федор Михайлович його зовут. Он почал учить нас обрабляти лен по всім правилам науки. Почали мы лен роспростерати, як Андреев учил, тонким ровным слоем на суходольных лугах. Потом подсортували, вылежку давали хорошу, агротехнику примїняли.

Смотрю, лен всьо-таки росте неровно: гдекади высший — жолтїйший, гдекади низший — зеленїйший. Где лен выдержался, мы знимали, где не выдержался, оставляли.

Обрабляти тоже почали по-новому и в 1933 року получили от 16-го до 22-го номера. В районї, та и на цілу околицу выше наших номеров не было.

Коли я перешла на лен, я вызвала на змагание всіх колхозниц, а своему звену (огниву) сказала:

— Давайте, попробуйме лен так обрабляти (и объяснила, як). Не выйде, — значит не вышло, а попробувати треба.

Тогды дакстры колхозницы кажут:

— Попробуйме, а не скажме другой бригадї и лїпше от них зробиме.

— Нїт, — говорю, — треба, чтобы в цілом колхозї лїпше робили.

И объяснила им, чом мы должны всі иди нога в ногу, чом мы всі должны хорошо працювати. Пошла в другу бригаду.

— Вот так-то мы в первой бригадї робиме. Давайте и вы так. Почали и они працювати по-новому. Скоро цілый колхоз дошол до 16-го, 17-го и 18-го номера.

Потом я знов вызвала на змагание своих колхозниц:

— Попробуйме дойти до 19-го номера.

Працували дуже добри. Сами не могли точно определїти номера волокна. Повезли в районну канцелярию Заготовлен. Думали, што 18-й номер, оказался — 19-й, 22-й и 24-й номера.

Дозналися про нас в Горьком (тогда ище не было Кировского края, был Горьковский). Получили мы премию за тот лен.

В 1933 року мене вызвали в Горький и назначили в командировку:

— Поїдете, — гварят, — товарищ Смертина, в разны районы учить колхозниц.

Я дуже рада была. Поїхала не сама, а с Шильниковой Екатериной Степановной, молододівчина, якбы моя ученица. Послали нас в Вознесенский район.

— Кого не пошлеме в тот район, — гварят мї, — всі назад вертаются без ничего. Ты хоц двї жены науч там трепати лен. Не ображайся на них, там грубы люде.

Я говорю: сколько знаю — буду учить, а говорити много я не умїю.

Собрали на курсы 50 людей из цілого района. На тых курсах я и учила.

Встрїтили нас недовірчиво: приїхали, каже, в керпцах и учить хотят. Ничого нам от вас учитися, мы сами знаме.

Лен они мяли на шкаборных ламаницах. То деревянные жолобы, псперек котрых кладут лен и мялком тиснут в жолоб. Если же лен добри не помяти, треба толчи го в ступах.

Мы привезли зо собом из дому трепала, (тоже з дерева зроблена така тонка специальна дощечка).

Коли мы почали трепати, они спочатку не понимали, што мы робиме. Потом поняли и дуже нам дякували. До нашего приїзду они вырабляли 2-й и 3-й номер волокна, а потом почали вырабляти 10-й и 11-й номер. Я от всіх по пачкї льна привезла в заготлен.

Научились от нас сорок дві колхозниці.

Сама я тоже учуся, потому што хочу працювати ище лучше. У нас в колхозах з неграмотными и малограмотными занимаются школьны роботники. Учимся по штыри години штыри дни на тыждень (розуміється, лем в зимі, бо літом ніт часу). Учимся читати и писати, рахувати. Два дни на тыждень иде для земледільской науки: агроном учит нас, як управляти землю.

В 1936 р. я обовязалася достати 12 центнеров льняного волокна з гектара. Готовились мы к посіву долго, попрацювали много, но ту посуха пришла, ніт дощу и ніт, хоч плач! Коли урожай зобрали, народ увиділ, што значит колхоз. У единоличника всьо погибло при такой посухі.

Мы в нашем огниві роботу почали не в послідны дни, коли сіяти треба, а с первого января. В огниві десят людей — сім женщин и трое мужчин. Начали с того, што собрали птичий помет зо звониц. Почистили звоницы церковей в околичных селах. Из одного села мы вывезли 20 воев отличого навозу. Тамошны колхозники не думали и не знали о том. На звоницу входа не было, кромі дір на даху. Выходили по рынвам. Привязывали шнур и по шнурі спускалися через діру под дах. Нагребли помету в мішки и скидали их. Всего собрали 10 тонн птичого помета.

Потом почали попел зберати. В лісу, в рубанях голузя зберают и палят, оставший попел мы зберали. Кромі того, “ночне золото” зберали, накладали на воеы и в ямы клали.

Коли сніг зышол, мы россыпали удобрение: фосфоритной муки по 5 центнеров на гектар, калийной соли по 4 цент., суперфосфату по 3, птичого помета по 10 и попелу по 7 цент. Всего, значит, по 29 центнеров на гектар. Так мы спрогноили 4 гектары. То был як бы пробный участок.

Зорали участок на полну глубину, крест-накрест, потом взборонили и 17 рядов сіянец посіяли, тоже крест-накрест. Посіяли и на один сантиметр насыпали торфу.

Почал у нас лен всходити. Хорошы всходы, дуже хорошы, мы нараховували по 3.300—3.500 стеблей на квадратный метр. Многы люде приізжали здалека, даже из Москвы, смотрѣти на всходы. И звідувати не треба было, где стахановский участок. Його отра-

зу видно было. Як плат зеленый, он росстелювался.

И нараз посуха! Ніт и ніт дощу. На небі ни одной хмарки. А солнце палит. Почал наш лен увядати и сохнути. Мы просто плакали. Таж сколько старунку вложено, сколько робсты! Як мы старалися!

Думали-думали и рішили поливати лен из пожарной машины. Всі колхозницы нашего звена постановили зробити всьо, штобы добитися хорошого урожая.

Участок, на счастье, был недалеко ставу. Но пожарна машина маленька, ничего з ньом не зробиш. Трое колхозников нам помагали, но треба было ище больше людей. Пошла я в сад, у нас хороший колхозный сад, дітей там полно.

— Діти, — гварю, — поїдеме лен поливати!

Согласилися, взялися горячо, но скоро змучилися. Ку вечеру из района прислали нам машину, велику цистерну. Моторну машину поставили прямо в став. Почали мотор заводити, а он молчит. Наконец мотор загуділ, вода пошла.

— Пошла, пошла вода! — кричат мои бабы.

Мы ту як на крылах полетіли, так нам легко стало! Зобрали с колхоза всю посуду, поставили на ноги всю робочу силу, всіх коней запрягли возити воду. Три нocy и два дни поливали лен.

И вот лен спасли.

Послі первой прополкы зробили подполку, додали амияку и салитры, зробили другу прополку, всего штыри разы пололи.

Пошол ленок — и який! Даже при хорошей погоді, при дождях не было николи такого льну: 26-ый номер!

Нам удалось поляти не всі 4 гектары, а лем 2.75. С того участка мы зобрали по 13,7 центнеры и по 10 центнеров льносімян. У нас предтым в урожайны роки зберали два, а найбільше три центнеры з гектара. А ту в засуху зобрали 13,7. В цілом краю лучше всіх! Выше никто не взял!

Я сама за тот час заработала 700 трудодней.

V.

В 1934 року мене от нашего района vybrали делегатком на Крайовый съезд совітов. Приїхала я в Киров, посмотріла на станцию и вспомнула стару Вятку. Двадцет літ назад

я ту приїжджала. В Вяткі тогды смотріли на мене, як на жебрачку або ище горше. Никто ниякой увагы не звертал, бесідувати не хотіл. Тепер по-другому! Встрітили делегатів з музикою, на станції плакат висіл: "Привіт хозяевам края!" Мене усадили в автомобіль, повезли в гостиницу, потом город показували. Я себе от радости не памятала: я в городі, як хозяйка.

Перед тым, як їхати в Москву на Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов — Сталинску Конституцию принимати, я была на Съезде советов в Кирові. Там я получила от дітей письма. Вот они, тоты письма:

"Киров, Крайовый съезд советов, делегатки Александри Петровни Смертиной.

Мама!

Ты льноводка. Тоби потребны минеральны удобрения. А мы учимся минеральны удобрения вырабляти. У нас всьо одно ку одному и поїде. Ты будеш лен вырошувати, а мы будеме працювати на заводи и тоби удобрения посылати".

Тото писали Петрусь и Аня. Сын Алексей тоже прислал письмо. Радовался, што в засуху збрала рекордный урожай льна.

"Мама!

Ты найліпша ударница, тоби не стыдно буде и мое письмо почитати. Я подготовил 60 ворошиловских стрілков ку нашому Крайовому Съезду советов и ище готовлю 10 стрілков."

На Чрезвычайный съезд советов зомном в одном вагоні їхали ище делегаты. Когда подїзжали к Москві, мні сказали:

— Смот-лем, — Москва! Не заблудиш в Москві, товариш Смертина?

А я уж сміла тепер.

— В лісу, — гварю, — може и заблужу, а в Москві — ніт, не заблужу. Я тепер нигде не заблужу.

Съезд собрался в Кремлі, во дворці, Як лем выйдеш сходами, дораз видиш знамениту картину. Нарисовано, як цар говорит з мужиками: "и не думайте, не буде вам землі, идите и не кричите!" Посмотріла я на картину и россміялася: вот тоби — царю-то! Улетіла от вас земля, и сами вы улетіли...

Вошли мы в галю. Появились вожди наши. До того часу я лем портреты их виділа, а ту — живы. Батюшки мои! Што же то я така? Што я была предтым и што тепер стала?!

Я и так сїжу несміло, а ту ище в президию мене выбрали. Идут в президию. Вижу — вожди наши сїли ку стіні и показывают рабочым и колхозникам, штобы они к столу сїли. Прохожу мимо товариша Сталина, поклонилася йому. Он мі руку подал. Молотов, Каганович тоже за руку стисли и поздоровилися зомном. Не знаю, што мам робити. Сіла на кресло, обок мене дві работницы от Ивановской и Калининской области. Михаил Иванович Калинин подошел ку нам, привитался и звідует:

— Ну як, товаришы, живете?

— Живеме ничего, — говориме.

— На свои міста сїдайте, при столі, — просит Михаил Иванович.

Сказали мі, што зомном хоче поговорити американский корреспондент, хоче узнать, як я живу и мой взгяд на житя. Штож, можу и з ним поговорити!...

Вышла из президиума в другу комнату. Когда я вошла, корреспондент встал и сказал:

— Здравствуйте, товариш Смертина!

Тото он сказал по-русску, а остальне звідувал через переводчика.

Росповіла йому, як я новым чоловіком стала, — най напише в своей газеті...

Дочка моя Анна, котра на машиниста-химика учится, все звідует:

— Як бы мі Сталина увидіти! Можно, мама?

— Можно! Будеш хорошо працювати, Сталина увидиш. Тоби всьо тепер дадено. Лем учся. Хорошо будеш працювати або учитися, увидиш Сталина.

ПЕРВА СТАХАНОВКА

(Повідат о собі ЕВДОКИЯ ВИНОГРАДОВА, депутат Верховного Совіта СССР).

I.

Биография моя коротка. Мі 23 roky. Ничого особливого в жизни у мене не было. Я росла и виховувалася, як тысячы других советских дівчат и дітей. Я можу про себе с полным правом сказати, што я вихованок нашей Страны Советов. Я была октябренком,

была пионерком и сейчас комсомолка. Росповісти о дитстві? Оно было так недано, што мі треба лем зажмурити очы, и я вижу себе и своих ровесниц в коротких сподничках и в червеных краватках. Мы пишем стінгазету в свойом клубі. Руководил нашим пионерским отрядом Павлик Любимов. То был весельчак и затійник, а я была редактором стінгазеты.

Якы чудесны представления мы давали против темноты, против социальных болізей! Я любила выступати на сцені, и мене дуже любили в драмкружку.

Літом мы цілом ватагом уїзжали в лагерь, в Каменку. С удовольствием вспоминаю тоты часы. Рано затрубят, и мы біжимо прямо к річці. Річка чиста, світла. Сонечко золотит вершкы дерев. А по вечерам у нас ватры... Кто был пионером, тот знае, яка то замічательна штука — ватра в лісу. Я николи не забуду: лежимо або сидимо тісним кружком вокруг огня. Трещат сухы вѣткы, и мы співамо своц любиму пісню “Картошка”.

Я училася штыри roky в начальной школі. Потом пошла в подготавливаючу заводску школу, где рок училася и — в ФЗУ (Фабрично-Заводске Училище).

Я не думала, што буду ткачихом. В голові роилися розмаиты мысли: то хотілося быти артистком, то — доктором, то — агрономом. Коли мы училися в третьом классі, была устроена экскурсия на фабрику: нас водили по прядильной, по ткацкой. Мні сподобалася ткацка. Я увиділа білы полотна, шумящы станкы (ткацкы машины). У мене родилась мысль стати ткачихом. Пришла дому и сказала о том мамі. Мама много літ працювала, як прядильница и чого-си думала, што я буду прядильницом.

В 1929 року я подала заявление в школу ФЗУ. Послі экзаминаций начали выбор: едних брали в прядильницы, других в ткачихы. Я сильно волновалася. А подружки ище подражнювали: “Тебе непременно в прядильницы”.

У мене даже щекы горіли от волнения, коли директор учебной части взял в руки список. Мене определили на ткацкий курс. Як я была рада! Што сил біжала дому сказати мамі о своей радости. А в первый день науки написала на свойом зошиті: “Ткачиха Дуся Виноградова”.

На курсі я дуже любила основной пред-

мет нашей программы — ткацтво. Памятам, уж в первый рок науки я прочитала книжки: “Якы бывают блуды в тканях”, “Наладка автоматического станка”, “Баволна и як она оброблюеся” и много других. Два-три місяцы у нас была практика на “мертвых станках”.

Мене ище в школі интересовала сноровка быстроты, за 30 минут я связувала 120 узлов. А потом почали нас выводить на производство, на фабрику. То были найліпшы години дня. Для практики мі дали спочатку два станкы, потом штыри, потом сім. Постепенно учили нас обовязкам заряджалкы, отрывщицы, ткачихы.

Спочатку я получила 1 рубль 20 копійок на день. То были мои первы трудовы грошы. Я на них была дуже горда, мі хотілося купити за них цілый світ.

За два roky науки я не получила ни одного “неуда”.

Тоты дни, коли я была фабрично-заводском ученицом, я вспоминаю з довольством. То были милы, горячы денечкы. Жила я з мамом тогды в старых деревянных “номерах” (“форнич рум”), в бывшой казармі. Дуже любила читати приключенскы книжки, особливо любила Купера и Жюль-Верна, тянуло мене куды-нибудь попутешествовати.

В 1930 року я вступила в комсомол. И жити стало ище интереснійше. Я руководила цеховом группом. В зимі устроювали лыжны вылазкы, літом — прогулкы, веселилися, спорили, шуміли.

В сентябрі 1931 року я кончила школу ФЗУ, мі дали 16 автоматов (автом. машин). То был историчный день в мойой жизни. Я была счастлива. Но было страшновато. Рядом зо мною робили стары ткачихы, но я нич их не звідувала, хотіла сама добитися. Я была завзята. Та и тепер, правду сказати, я завзята...

В первый місяц мі не повезло: браку наробила 40 процентов. Стыдно даже вспомнути. Мі попался планный комплект. Помню, пришла я дому невесела и цілый вечер думала. Не хотілося отставати. Просмотріла всі станкы, вспомнула, чому учили в ФЗУ, што читала в книжках. Записала всі свои заувагы и принесла подмастеру. Ци то зато, што николи перше ткачихы не предъявляли такы требования, ци от стыду, што он не догадался сам того зробити, подмастер почервеніл. Но мой паперик он взял и станкы почал

приводити в порядок. Робота пошла ліпше. Через місяць план был перевыполненный.

Потом мене перевели в бригаду молодежи и дали мі 26 станков. Моими товаришками на зміну были Нюра Беденкина, Тася Бурунина; они мене многому научили, працювали мы дружно. А то дуже важно дружити зо змінщицом!

То было в 1933 року. Молодежна бригада працювала неважно. Дораз на первом совіщании мы рішили станкы налажувати разом, частійше радитися едны з другыма. Працювати стало лекше, даже появился свободный час. И ту-то и пришла мысль: “А што, если взяти станков больше?”

Константин Федорович Куликов, завідующий ткацким відділом, почал з нами проводити техничны лекции: росповідал, звідувал, давал книжки читати, казал рисувати.

Я ище лучше познала автомат. Все частійше приходила в голову мысль: “Чи не взяти ище пару станков?” А то якоси скучило, зіваш, подлогу пару раз подміташ...

В февралі 1935 р. с VII Всесоюзного съезда совітов вернулся наш делегат — ткачиха Настя Болдырева. И вот тогда мы серъознійше заговорили о переході на больше машин. Я перешла на 40 станков. То были горячы дни. Многы работницы кричали: “Та они з розума зышли, не дадут рады!”

Я спочатку чувствовала себе певном, не знала, што треба для обслугы такого числа станков. Сильно волновалася, но и так выполнила план на 102 проц.

ЦК нашей юнии дал мі премию. Я обрадовалася. Мі хотілося ище поступати вперед. Рішила обслугувати 70 станков. Разом зомном перешла Маруся Виноградова. Она согласилася стати на зміну (шифту).

Константин Федорович Куликов, о котром я уж вспоминала, помог мі найти правильну маршруту руху, правильно организовати робочий час. Робота шла добри. Я жила в стані постоянного подъема.

ЦК союза (юнии), за премию, послал нас на Біломорский канал, и мы отправилися в путешествие.

Якы там чудовы дни! Я первый раз увиділа Ленинград, первый раз увиділа канал, о котром столько читала.

Вертаючи дому, мы в поїзді много говорили о фабрикі. Мы іхали зо свіжими силами, и нам хотілося здорово попрацювати.

В поїзді была горяча дискуссия. Я назвала цифру автоматов, котры я обслугую, и нараз з верхней полкы загреміл недовірчивый мужский бас:

— Та ци еден чоловік може управляти 70 станками!

Послі вакаций мы почали працювати ище бодрійше. Мы много думали з Марусьом, як нам перейти ище на больше станков. Я сказала Марусі:

— Перейдеме на сто!

Маруся отповіла:

— Я от тебе не отстану, перейдме. В октябрі мы перешли на 100 станков.

II.

Не буду подробно сповідати, як я переходила на больше число станков, якы методы мойой работы. О том много и подробно уже писали. Мі лем хочеса вспомнути свою первую октябрьску поїздку в Москву на злет лучших текстильных работниц. Я там поділилася опытом своей работы. Мы были на приємі у тов. Молотова, у тов. Андреева. Там были и обувны работники. Я так воодушевилася, што прирекла перейти на 140 станков.

Через два дни послі приїзда я почала обслугувати 144 станкы. Мария от мене не отставала.

Сколько было подсмішков над нами, сколько нарікань! Потом всьо почало утихати: люде увиділи, што мы хорошо справляемся з роботом.

III.

Поїздка в Москву на Всесоюзне совіщание стахановцев здаєся мі до сего часу прекрасным сном. Я и не думала, што буде так, як было. Товариш Сталин зробил на мене глубоке впечатліние. Такий простый, веселый, очы лучисты.

Я дуже волновалася перед своим выступом. Мі было страшно, сильно било сердце. А Стаханов, котрый уж выступал, добродушно подсмівувався.

Вышла на трибуну. Оглянулась. Смотрю, товариш Сталин так весело и хорошо на мене смотрит. Мі отразу стало спокойно.

Як много замічательных людей я виділа в Москві — политиков, писателей, художников, архитекторов, артистов. И всі зомном говорили дуже просто, ласкаво. Предтым я лем снила, як бы то мі близко посмотрити на

даякого артиста, а тепер бесідували зме собі, як ровны, з Москвиним, Леонидовым.

В Большом театрі смотріли балет "Пламя Парижа" и оперу "Евгений Онегин". Ище смотріла "Грозу", "Враги", ходили в планетарий, їздили в метро. Я подружилася с тими, што будували метро (собвей). Мы прирекли собі поступати вперед, ударно працювати. Были мы на фабриках, заводах. Сильне впечатліние зробил на мене завод "Шарикоподшипник". На фабриці "Октябрьска революция" я заключила договор на социалистичне соревнование (змагание) с ткачихом Е. Иларионовом.

Были мы в совхозі "Лісны поляны". То — замечательный совхоз! Там коров доят при помочы электрикы. Мы з Мариом росповіли рабочым совхоза о нашей роботі, а они — о своей. Они прирекли дати страні ище больше молочной продукции.

Мы уїзжали из Москвы, оладуваны подарками. Чого-лем нам не надарували! И шолковы лахы, и волняны сведры, и туфли. Зоологичный парк даже подарувал нам по кліткі з маленькими папугами. У Марии — зелены, а у мене — еден синий, другой — зеленый.

Союз военной промышленности подарувал ми прекрасну польовничу стрільбу зо всім потребным. Даже стыдно, сколько мы получали подарков! И не так ми дороги тоты подарки, як дорога тота ширость, з яком их дарували.

Скоро я перешла на 208 станков. В тот день мы з Мариом послали телеграмму товаришу Сталину о том, што додержали слово, дане му на стахановском совіщанію.

28-го ноября был выходной день на фабриці. Вечером пошла в одну из бывших рабочих казарм. Мене тепло встрітили и старики и молодеж, и діти.

29 ноября я перешла на 216 станков. Больше в мойой галі уж не было станков. Я почала звертати головну увагу на якость и удешевление ткани.

IV.

Живу я хорошо. Ми дали світлу, простору квартиру с телефоном. Жию з мамом, з мойом милом Параском Ивановном. Я и мати — мы дуже великы друзья.

— Ех, Евдокия, — говорит ми мама. — Скинути бы ми так рочков двадцет, я бы пошуміла на фабриці.

В свободны години и в выходны дни хожу в клуб, в кино або на представления нашего містного драмкружка. Хочу так организовать час, штобы было коли и погуляти и покататися на лыжах и на лыжвах. Хочу не отставати в своей общественной роботі, инакше яка же я буду комсомолка.

Я рішила зробити свой пионерский отряд примірным. Ба, я забыла написати, што перше я працювала с октябрятами, потом два roky была пионервожатой и дуже ем горда на тоту роботу. Я люблю дітей, и они мене любят. Они даже приходили ку ми в цех, смотріли, як я працюю.

Ми и хочеса быти всесторонно развитым чоловіком. Сильне желание подняти свой политичный и культурный уровень появилось у мене послі поїздки в Москву, послі совіщания в Кремлі. Я поняла, што ище дуже мало знаю, што ми треба много-много знати. Правда, я всегда любила читати, но читала безсистемно и головно приключенску литературу. Тепер я буду читати классиков, познакомлюся з новым литературом.

В Москві встрітилась я с писателями, Ильом Еренбургом, Валентином Катаевым и другими. Мни было стыдно: таж я не читала их творов. Я взяла в библиотеки "Не переводя дыхания" Еренбурга и прочитала.

Фабричный комитет дал ми учителя. Он приходил ку ми на квартиру. Я изучала русский язык, математику, географию, социальну науку. Хотіла бы-м также научитися английскому языку.

Учитель приходил также к Марусі и к другим ліпшым работницам.

Взагалі ми дуже хочеса жити, працювати, учитися, итти вперед. Я дуже счастлива, и ми хочеса як можно больше принести пользы своей великой отчизні.

Я думаю, што через рок я пойду учитися на инженера текстильной промышленности.

Я получаю соткы писем из разных концов Советского Союза. Пишут с холодного сівера, с жаркого юга, пишут из Ташкента, с Кавказа, с Бурят-Монголии. Пишут дівчата и хлопці, робочы, инженеры, летчики, учителя, артисты, учены... И якы теплы письма! Часами я думаю: "Та ци направду я за служила тоту любовь, тоту дружбу?"

Я ледво успіваю отповісти на письма. И с каждым днем хочеса працювати ище енер-

гичнійше, ище лучше, штобы оправдати тоту любов, тоту довірие.

Я счастлива, што приношу пользу своей отчизні. А найбільша радость на душі бывает тогда, коли узнаю, што и други текстильны работницы почали працювати по новым методам.

ГЛУБОКО ПОД ЗЕМЛЬОМ, ВЫСОКО ПОД НЕБОМ

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВА, депутат Верховного Совета Союза ССР.

Среди тех, кого советский народ уважат достойным управлять державом, много людей з богатыми биографиями, з великим опытом революционной борьбы, с кріпким политичным гартом. То люде, котры много пережили. У них великы заслуги для отчизны. То люде зогромным запасом життєвого опыта.

Но среди людей, котрых советский народ выдвинул кандидатами в депутаты высшего органа советской власти, находятся и такы выхованкы отчизны, як 22-літня Татьяна Федорова, недавно ище пионерка, а тепер комсомолка.

Биография ей ище коротка. В тоты часы, коли многы из кандидатов народа в рядах большевистской партии боролися за власть советов, билися на фронтах, ей ище на світі не было... В тоты часы, коли большинство советских депутатов почало строити нове житя на завоюваной землі, она училася робити первы крокы, выгваряти первы слова.

Татьяна Федорова — стахановка-бригадир, одна из самых липших бригадиров метростроевской шахты № 55. То, розумієся, ей найліпше характеризує. Молоде дівча, працювавше проходчиком на шахті (то трудна мужска профессия), потом ставша бригадиром на бетонных работах (отличным бригадиром!), должен быти чоловіком сильной волі, энергичным, преданным отчизні. Таж и на строительство метро она пошла добровольно. Она окончила фабричнозаводске училище завода "Каучук", ей поставили на спскойну и хорешу роботу, но она пошла працювати под землю, пошла там, где вода, пльвуны, где опасность грозила с каждой стороны. Часами в тунелю набералося воды выше колін... Но тяжкы условия робо-

ты николи не отражались на ей настроєнию. Коли покончили будову первой отногы метро, Татьяні Федоровой предложили працювати на станции. Она отказалася.

— Там дуже спокойно. То не для мене.

И на новом участску подземных работ она стала бригадиром отличником.

Но не сама Таня Федорова самоотверженно працювала под земльом. Там працювали и працюют соткы ей ровесников и ровесниц. И не лем за того оцінили дівчину тоты, котры уважают ей достойном працювати в Верховном Советі.

Татьяна Федорова, працюючи в шахті, в свободный час училася в аероклубі. Двадцет раз она скакала с парашютом, а потом здала на "отлично" экзамен на право управлять самолетом. Дівчина працює глубоко под земльом и літат высоко под небом. Тот штрих прекрасно дополняет ей облик. Стало звычайным в нашы часы літати под небсами и скакати з небес на землю. Но и так, если молода дівчина выконує тоты скокы двадцет раз, если она уперто добивается звания пилота, отлично выучила каждую технику самолета, значит дівчина тота — чоловік кріпкой волі.

И все же не за уміньє управлять рулем самолета оцінили дівчину тоты, котры уважают ей достойном участвовать в управлении державом. Таж множество юношей и дівчат носит на груди такой сам синий значок парашютиста, як и Татьяна Федорова.

— Скажете нам, за што вы цните тов. Федорову? — спросили мы у шахтеров. — Чом вы уважате, што именно ей належится быти депутатом?

И стары и молоды шахтеры отповіли нам, што они видят в той дівчині удачне сочетание тех прикмет, котры должны быти в гражданині советской державы.

"Умна. Та и ум який-си ясный. Проста. Характер твердый. Око зорке. К чоловіку знає подойти. Житя любит, людей любит и о людях думат." — Вот такы слова говорили шахтеры.

...Зинаида Жданова працює разом с Татьяном Федоровом. Они — ровесницы. В самой Зинаиді дуже много такого, што ест и в Татьяні. Она тоже одна из лучших стахановок шахты, майстер, покончила планерну школу, скакат с парашютом.

Жданова сказала нам:

— Вам от щирого сердца говорю... горда я на такую дівчину, як Федорова, я все уважала за счастье дружити с таким дівчином, як она!

Тото дуже важне, коли дівчина гордиться подругом, працюючом з ньом бок о бок.

— А чом вы гордитесь Татьяном, за што вы ей поважате, чом вы уважате, што вот она, а не вы должны были депутатом?

— Розумієте... то дуже трудно сказати. Тото все дуже просте и разом с тым трудно сказати, взволновано говорит Жданова, — я не о ей роботі хочу говорит. Таж и я стахановка, вот мой портрет висит на стіні (Зина показала на фотогалерею липших людей шахты)... Я не о том. Вот ест в Тані які-си прикметы, за котры ей немож не поважати. В ней цінне то, што она може за собом вести людей. Она не кричит, не горячится. Все така спокойна, гречна. Сама она до того честна и проста: вот посмотриш на ню, — не хотілося бы зробити, а зробиш... У ней який-си подход особый к людям ест. Она правду в очы говорит, но так говорит, што чоловіку не обидно. Я сколько раз думала, як она того достигат. Вот случится дашто в бригаді, незгуду замітит; — дораз ту под земльом, пятиминутку збере (пятиминутный митинг). “Зина, ты не так поступаеш.” “Миша, ты не маш правду.” Смотрит просто в очы: або отвертай очы, або бесідуй правду.

... Всякы у нас случаи в шахті бывали. Таж не все все, як по маслу тече. Были завистники, хотіли нашой молодежной бригаді палкы в колеса втыкати. Вот был такий Монахов, бригадир... Кривился на нашу бригаду. Таня яко-си зговорила с нами: “Товаришы, ноле выйдме ночью працювати зверх нормы.” “Подготовила она всі материалы. Вышли мы працювати. Смотриме: всі наши материалы кто-си забрал. То Монахов рішил не допустити нас до работы. Таня спокойно подошла к Монахову и гварит:

— Монахов, правильно, по-твому, ты зробил?

И он ростерялся. Стыдно стало. Вот, я говорю, подход у ней ест.

Никто не може сказати про Федорову злого. Вы бы посмотріли, як ку ней относятся! Идут маленькы, кричат: “Таня, здрав-

ствуй!” Идут стары, кричат: “Таня, здравствуй”.

Чуткий, внимательный товариш она. Што попросиш, зробиш, порадит. Не постісятся, иде к руководителям работ, требует все, што нужно для людей. И критиковати не боится!

Радиться с Таньом можно по всяким вопросам. Часом звідуешься ей о всяку дробничку: што купити, на што грошы выдати...

Таня николи ни от одного комсомольского поручения не отказувалася. И все у ней ладится. Лем и слышиш: “Таня, зроби!” “Таня, провер!” “Тото треба Тані Федоровой поручити, она добьется...” И на правду, она все добивается, всяке діло доводит до конца. Такий чоловік велику пользу принесет. Коли ей выдвигли кандидатом, мы всі дуже радувались, всі говорили: “Вот то правильно!”

Федор Ракитин, шахтер-орденоносец, знае Федорову около штырох літ. Разом метро начали строити. Федорова працювала на шахті № 31—32 бетонщицом, а Ракитин — проходчиком.

— Я тоже ей дуже ціню за подход к чоловіку, — говорит Федор Ракитин. — Вот вам маленький примір. Таня працювала на 31-й шахті. В бригаді были мужчины, а среди них малокультурны люде. Она потрафила так себе поставити, што никто не сміл грубо з ньом поступати, ей всі любили и поважали. И даже побоювались. Мі подабается в ней соединение серьезности с великом жизнерадостью. Вот таких дівчат поважат молодеж... Таня змучится, но ни за што не покажет, што она змучена: все з усміхом, все жартуе. И потом она организатор большевистский! Она замічательно толково уміе расставить силы на своем участку, где она бы не працювала.

О Татьяні Федоровой, яко о типі новой советской дівчины, котра достойна принять участие в управлении державом, особливо горячо и убіжденно говорит Иван Никифорович Калинин.

Иван Никифорович — чоловік старший, за його плечами 26 літ працы робочого. С первых дней строительства метро он працювал под земльом проходчиком. Сейчас он секретар партийного комитета шахты № 55. То чоловік с великим життьовым опытом.

— То, я вам скажу, — говорит Иван Никифорович, — правдивый тип советской дів-

чины! Сміла. Скромна. На роботі, если ей поручат дашто зробити, то уж зробит. Вот смотте: выбрали ей делегатом на комсомольску конференцию района. Она от рана до ночи была на засіданнях, а ночью шла в шахту. Никто не хотіл от ней то робити, — не може посидіти, душа неспокойна. И она добилася своего — ей бригада по организации труда найліпша.

А разом с тым задору в ней сколько, різвости, рухливости молодой... Пойдут да где наши шахтеры, смотриш — Татьяна заспіває, танцує. Ясно, робочы гордятся таким. Она тобі и на самолєті літат, она тобі и танцує, так што и у старых ноги в танец идут. Она первый на роботі чоловік, без-

завітно предана партии. Посылали мы ей літом пионеровожатом працювати в Лужники. Там у нас фамилии метростроевцев живут. Прекрасно працювала, тепер лем и слышиш просьбы дітей:

— Таню нам пришлите, Таню Федорову пришлите!

Діти знают, кого любити...

Иван Никифорович закурил папиросу, провюл долоньом по челі, порізаному морщинами.

Молода сміла патриотка. И то наш, именно наш людский материал. Наш птенец, нами выхованный. (Ел. Котенко, "Комс. Правда", 20 ноября 1937г.).

МАРИЯ ПОХНА

Спочатком 1941 року члены нашей организации и читателі "Карпатской Руси" узнали о страшной трагедии, яка встрітила одну из найліпших членкинь организации — Марию Похна, в Клифтон, Н. Дж. Мария Похна пала жертвом темноты своего мужа Василия Похны, котрый зачался на повертаючу ночном годином из работы Марию и по звірски замордувал ей.

В покойной Марии наша организация стратила передову членкиню и работницу, а двое ей дітей возлюблену маму. Но о том дальше, а а тепер дашто из примірно-го житя покойной Марии:

Покойна Мария Похна родилася 14-го мая 1895 року в бідной, безземельной селянской фамилии Пласконьов в Новой Веси, повіт Новый Санч, на Лемковщині. Ёй родиче жили с того, што заробили у других, у богатых и с того выховали и свои діти, меж ними и нашу Марию. Но Мария была дуже способне дівча, в школі была все перва. Але ліпше буде, коли мы приведем

слова ей дочкы Анны, котра оповідат о своей матери так:

Мария Похна

"Я вспоминаю, што повідала нам наша мама о своим житю в краю, о своим дітстві: она дуже любила ходити до школы и дуже любила книжку. Зато любил ей дуже и ей учитель и давал ей книжки читати, хоц уж вышла зо школы. Но она хотіла читати и газету, а тогды як раз почала выходить газета "Лемко" и она наскладала собі центами на предплату "Лемка".

"В 1912 року покойна пришла в Америку и дораз получила роботу в текстильной фабрикі в Пассайку и працювала, яко текстильна работница до конца своего житя. Но она хотіла знати дашто и о своей новой отчизні, и ей язык, и потому ходила в американску вечерню школу.

"В 1915 року она выдалася за Василия Похну, неграмотного, темного чоловіка, послі короткого з ним знакомства. Они встрітились на весілю в одну субботу, а через дві неділи уж побралися.

“Дакотры люде, побравшися, могут приспособитися єдно ку другому и жити без великого клопоту. Но дакотры не могут, и вмiсто счастливого житя, або хоц зносного житя, мают ціле житя пекло дома. Но если єдно з них с чувством, то оно старатся даяк то скрыти от людей, старатся перенести всі муки для дітей, если такы сут. Так терпіла, несла тяжкий крест покойна наша мама, ціле своє замужне житя, найбільше для нас, двоих дітей.

“Причина той нашої фамилійной трагедии — темнота. Темнота — найбільше несчастье нашего карпаторусского народа. Тот темный чоловік не хотiл признати, што и його жена чоловік, мимо того, што покойна мати о много больше працювала и в фабрикі и дома, от него, и што она была о много интеллигентнійша, бо училася и читала, а он был неграмотный. Правильно або неправильно, справедливо або ніт, його слово мало бити законом, бо он муж, голова.

“Мати научила го писати и читати порусскы и англійскы, и помогла му стати американским гражданином, як стала и сама. Она была не лем нам дітям мама, но и нашому отцу была добром мамом и учителем. Не было границы ей терпеливости и посвяты для него и для нас. Она отдавала нам всьо, што лем мала, свои силы, здоровье, и житя. Отец был дуже планний работник, не хотiл працювати, так як мати. Коли в фабрикі не стало работы, она шла на работу по домах, а он оставался дома и тримал революційны бесiды в часі обiду або вечери против такого порядку, што бiдны люде не мают работы ани житя, но лем пред нами, а сам не робил нич, абы усунути нашы недостатки. Коли были даякы центы, то найперше были приодіты и ей діти и муж, а потом она подумала аж о собі, коли всі были заспокоены, всі билли выблачены. Собі купувала дресса ци ковта аж коли роспадалося старе.

“Коли мы были на релифі, она сама обходилася, чым могла, а смотрiла затым, штобы мы, діти, а потом ей муж были сыты. Ище и на подарки на нашы уроины або свята она ошадила для нас троих. Она старалася, штобы мы мали дома так, як и други діти мают, и штобы мы як найменьше отчували то, што мы бiдны.

“Она працювала во фабрикі, дома, хо-

дила в вечерну школу, помагала в организации, но мы не были николи занедбаны. Отец часто несправедливо на нас нападад, но она просила нас, абы мы му пребачили, бо он не чує себе здоровым...

“И што она получала за то? Грубу битку от своего мужа, сварку, обвинения, ревнивость от своего темного мужа. Нераз, коли я вертала з работы, або мой брат зо школы, мы находили маму плакати, як бы ей сердце мало розорватися. Часто мы виділи ей руки, плечи покрыты синяками от побойов мужа.

“И потому, коли она нам раз сказала, што она дальше уж не може стерпіти такы понижения и страдания и намірена сепаруватися от него, мы, уж дорослы діти поддержали ей намірєние, бо и нас боліли ей страдания при том темном чоловіку...

“Я часто слышала говорити, што діти николи не отвдячатся за то, што для них зробили их родиче, и николи не оцінят того, аж коли родиче помрут. Я знам, што мы найменьшой частичкы не отплатили своей покойной матери того, што она для нас зробила, и мы не могли отплатити. Но матери того от нас, дітей и не требуют. Она показала нам дорогу в жизнь, и мы отплатиме ей найліпше, коли мы будеме такы, якими она нас хотіла видіти — честными работниками...”

Так пише Анна, дочка покойной Марии Похна о своей матери. И пише правду, бо тоту саму правду знают и повдают всі честны ей товаришкы работницы, не лем нашы карпаторусскы, но и других национальностей. Кто лем знал покойну Марию Похна, то ей знал, яко честну жену, добру маму, добру честну работницу — світлый характер.

Трагедия Марии Похна попала в американскы бруковы газеты и даже в магазины, о покойной Марии несовістны люде, врагы рабочих, выдумуют и сочиняют всякы истории, в котрых они стараются представить покойну Марию в найчорнійшом світлі, а убийцу, збродняра, яко “американского патриота”. “Василь Похна убил свою жену — пишут тоты бессовістны люде — яко коммунистку...”

Мы думаем, што и покойна Мария мало розуміла, што ест коммунизм, а уж тот их “американский патриот” не мог того розу-

міти. Но он одно розуміл, што всім бессовістным коммунизм ненавистный над всьо. И потому он придумал, што найліпша оборона для него буде, если он скаже, што причина його збродні — “коммунизм” його жены...

Выходит по науці тых людей, што коммунистов мож убивати и убийца выходит геройом, “американским патриотом”.

На похоронах покойной Марии Похна была полна церковь народа, были там люди, котры знали покойну, яко свою найліпшу, найчестнійшу товаришку работницу во фабрикі, в организации, яко працювати, скромну, умну, просвіщену — добру маму своим дітям. И тоты люди знали тоже убийцу. То-

ты люди не розуміли, што то коммунизм. Но им тепер говорят, им пишут в газетах, журналах, што тота честна працювати, умна жена была коммунистка и потому она заслужила на смерть з руки своего темного, глупого, ленивого мужа убицы.

Яка-ж тепер наука выходит для тых людей, котры знают едно и друге? Их не переконают ниякы писателі, ниякы газеты, бо они знают едно и друге лично. Для них тоты газеты, нехотячи, дают науку, што коммунисты должны быти такы, як покойна Мария Похна, а “американскы патриоты” такы, як Василь Похна, и такы, як Василь Похна должны убивати таких коммунистов, яком была Мария Похна.

Из литературы союзных народов СССР

В. АНАНЯН

МЕСТЬ

(Из Армянского)

I.

Кто лем не знал Давота в маленьких селах, рассыпанных по южному склону Алагеза! Як дубовый отземок кріпкого, як орел остроокого, на старого льва похожего, з мощном головою и грудью — того курда-охотника (полювача).

Полвіка назад он біжал ту с турецкой горы Артос, пробрался через козачу пограничну заставу у подошвы Арата и поселился в одном горском сельці.

Установился обычай: кто бы не пришел на полювачку в тоты місца, он должен войти в дом Давота, преломити хліб и звідати, куды пойти и як полювати, штобы не вернути дому с пустыми руками. А послі охоты (полювания), по тому самому обычаю, он должен стати гостем Давота, ночувати под його дахом и слухати рассказы о давном-давном.

Слава о старом охотникі достигла и нашего далекого Казаха, и мі дуже захотілося увидіти його и послухати.

Едного разу, коли мы с товаришом, обтяжены добычом, вертали з охоты, думаячи сісти на поїзд на станции Карабарун,

поднялася сніговица. Небо потемніло и злялося зо земльом, вьюга занесла стежки снігом, и волкы вышли из своих берлогов глядати таких, як мы, заблудивших подорожных.

Гонимы сніговицом, мы добралися до притулившогося под скалами малезького села и залукали в первы попавшы двери. Газда попросил нас войти, но ище на порогі, увидівши у мене на поясі заяца, остановился.

— Охотники? — звідал он и, нечекаючи отповіди, рюк: — Подме.

Он повоул нас в самый конец села, где стояла една-едина стара хижина. В сінях дуже недружелюбно встрітили нас овчаркы-волкодавы. Мы почали оборонятися от них стрільбами, но в тот сам час отворилися двери, а в них показался старик з густыми сивыми бровями на зморщенной твари, широкою грудью и короткими ногами. Он успокоил собак и попросил нас войти.

Посередині обширной комнаты, ближе ку ватриску, стояло стародавне дідовске курси (столік), а вколо него, звисивши ноги, сиділи старуха, дві невісты и три маленькы хлопці — всі в курдской одежі, з бусами, серебряными монетами и черваками на груди, рукавах, а у дакотрых и на челі.

— Вот дядя, — сказал наш провожатый, — гостей тобі припровадил.

— Ай, тысячу раз желаю вам здорovia,

на радость мі, на радость очам моим пришли. Мой бідный дом вам вдар, всьо мое добро вам под ноги, — сердечно сказал старик, склонился пред нами по-восточному, привитался зо всіми за руку и попросил нас сісти вколо курси. Невістки встали и отошли в угол, уступивши нам свои місца.

Што в світі може быти блаженніше містечка у курси в январі, послі полювання, коли в сінях бушує вьюга и кидат снігом через стріху и шкаборы в дверях.

Мы загрилися, и цілковито уж розвеселилися, коли една из невісток приготовила вечерю и пред нами появились: хаурма из баранка, соленья, россыпчатый курдский сыр, камак и — едине божество промерзшого чоловіка — знаменита тугова водка.

— Козі коза ближе, як стадо овец, — рюк старик, подсуваючи мі и мойому спутнику найліпшы куски, найбільшы пугары з напитком.

— Таж он сам охотник, потому он вас так встрічат, — рюк наш провожатый.

— Та ци то не он охотник Давот? — воскликнул я, от несподіваной радости вскочивши з місца.

Погасшы очы старика на миг загорілися, но знов погасли.

— Та як-же, он — Давот, слыхали, розуміеся...

Мойой радости не было конца. Цілый вечер я без конца говорил зо стариком и просил росповісти нам дашто.

В тот вечер мы услышали много интересного о житю курдов в Турции и одну историю, особливо мене взрушившу. Я обіцал старику записати ей и росповісти людям. Вот я и исполняю свою обіцанку. Жаль лем, што я не могу передати його образной курдской бесіды.

II.

“Коли наступат літо — почал свою историю охотник Давот, — я вихожу зо своими овцами на горы Алагез. Поднимаюся на тоты красивы горы, сідам на камені у журчащих поточков и зо смутком позераю на Масис. В памяти всплывают были тревогы, печаль охватывает душу. У подножья той горы пятьдесят літ тому я покинул много дорогих мі людей. Найперше я вспоминаю свою, як чинар стройну, невісту. Ей отнял у мене Юсуф-бек для своего сына, а я в одну темну ноч убил паробка и біжал сюды. Вспоминаю я

прекрасны червены квіты горы Артос и такы самы, як тоты квіты, прекрасны, яркы шаты молодежи и дівчат, приїзжавших літом из Диарбекира, веселивших, молодивших гору Артос.

“Вспоминаю я и о тых чудесных краях и горюю, но лем два горестны облики тых давных дней переслідуют мене, возникают передо мною в снах и терзают мое сердце. Один из них — образ мойой любимой, з очами, полными горячих слез, другой — той бідной медведицы, о котрой я тепер росповім вам, а вы постарайтесь росповісти світу. Най люде знают, што и у охотника ест сердце, душа, тепле чувство, хотя он беспрестанно проливает кров. Най люде знают, што и у бессловесных животных ест сердце, душа, теплота чувств, а притом в тысяч раз большы, як у тых, кто отнял у охотника Давота милу и презначил го на изгнание из чудесной родимой страны.

“Ах...” — вздохнул Давот. Потускнвшы старчески очы наполнилися слезами: воспоминания взрушили го. Я знаю, як уміют любити курды, и я розуміл го и жаліл. Давот помалу набил свою пипку, зобрался з мыслями и, знов вернувши на полвіка назад, продолжал:

“Вы — городскы люде, вам трудно поняти мене. Мы, курды, проводиме всю нашу жизнь з животными, привязуемееся ку ним всім сердцем, и смерть любимой собаки, любимого барана, любимого вола переживаме майже так само, як смерть чоловіка. Таж они родятся у нас под дождьом и градом, мы согриваме их своим тілом (быват так, што их кормит грудью жена), выпещуемее, як дітей, привязуемееся ку ним сердцем. Потому я и говорю с таком печальом о Хромой Мохнаткі, за котром ходил, як за родном дитином, выховал ей и виділ ей велике горе.

“Однако говорят: не почнеш спочатку — не порозуміют.

“Я охотился (полювал) на горі Артос. Напротив ней стоит гора Синан, а з другой стороны роскинулося красиве Ванске озеро. Подолго сиділ я на обрывистых склонах Артоса и, увлеченный, очарованный, забывши о собі, любувался Ванским озером, горделивым и задорным, як молодица. А вколо горы, похожий на блискающий серебряный пояс, струился поток Семирамиды, вот уже

три тисячі літ кормящий розположені на схилах і по березі озера села, луки і паст-виска. Коли сонце сідало на вершки гор, я пробуджався од мечтаній, брав свою крем-неву стрільбу і шол блукати по скалах за медведьом.

“На тих скалах я убил много медведей. Часто трафлялося, што и медведь взял мя под себе, скидувал з берега, и я ледво уходил из його когтей. Способы медведя я знам так добри, як и способы своих овец и овчарок. И знаю, што медведь — животне, уміюче глубоко чувствовати. Медведица за свое медведятко в огонь скочит и, не моргнувши оком, пойде под кулю. И, однако, я встрілся раз з безжалостным матерью, — хотя, сказати по правді, безжалостным скорше был я, выстріливший в спокойно спавшу на камнях медведицу. Она вскочила, встекло зарычала, почала плювати и в гніві, не найшовши ничего другого, схватила свое медведятко и кинула ми просто в лице. Опамятавшись, я выстрілил розлюченому звірю в лоб, — успокоилася. Медведятко валялося в моих ногах, плачучи от боли. Я завернул го в полу своей бурки и принюс дому. Дали молока — не доткнулося, хлеба — тоже ніт. Тогда мы поручили го суки: была она у нас одна дуже понятлива. Взяла она медведятко на выхование и выкормила го разом со своим щенятком.

“Радости дітей не было конца. Блаженны были дни: от рана до вечера во дворі медведятко, діти, собака — клубком качались. А то заберутся діти на оріхове дерево, а медведятко — за ними. Было оно таке мохнатое, так што діти и назвали го так — Мохнатка.

“В августі, коли дозріли плоды, медведя майже не злізало з дерев: цілыми днями висіло на галузках, як малпа, и пожерало овочы.

“Раз, коли оно уж барз было заняте овочами, я позлостился и потряс дерево (бодай ми руки отсохли!); упало бідне животне з вершка того высокого дерева и зламало ногу. Який плач в домі почался! Увиділ я, як породнились наши с сиротом, та и у мене, сказати правду, дуже сердце боліло. “Превязал я му ногу, выправил, вылічил и як свою дитину полюбил я тото медведятко... Он, однако, остался хромым, и домашны так и называли го — Хрома Мохнатка.

“Под зиму Мохнатка была уж в бычка. В веселы минуты она вскидувала собі на плечы свою прийомну маму — собаку и, по-медведячы, з боку на бок киваючися, несла ей: жартувала по-своему.

“С осени я каждый день брал зо собом Мохнатку на охоту: для мене она оказалась подручнийша и собаки и осла. Я наполнял хурджин поживом, привязував го на спині у Мохнатки, и мы шли. Ну, таж вы, охотники, знате, як трудно нашому брату, намотавшись за день, доставляти добычу дому. Мохнатка освобождала мене от той работы: горского барана, козулю, серну, — я все ладувал на Мохнатку, привязував, и она умненько шла за мною.

“На рідкість понятливом живином была Мохнатка. Мы з ньом до самой весны ходили на охоту, и она так привыкла до охотничого жита, што помагала ми, прямо як чоловік. Видит, наприклад, што я присіл и, собравши сухы листья и галузки, починал выкресувати из кремня огонь, — дораз иде зберати голузя и несе го ми, притулившись ку собі, як чоловік. А коли огонь розгорится, смотриш — Мохнатка иде, хромаючи, подносит с трудом огромный пняк и влече го ку ватрі.

“Говорил я з ньом специальным языком, и она розуміла тот язык. Коли я говорил: “обох” — то означало: “Одойд-ле на бок, стріляю”. И она отходила, сіла под деревом або за скалом и лапами затыкала уха. Коли я говорил: “геч” — она шла вперед; говорил: “оош” — останавливалася; говорил: “ай, хавар” — спішила на помоч и спасала мене от собак.

“Коли мы приходили на місце охоты, Мохнатка, увидівши, што я присіл и приложил руку ко рту, приникала к землі и замирала.

“Она ничего не боялася, лем мойой стрільбы. По практиці знала, што тота похожа на дубину штука выпускает дым и пламя, выдае оглушающий треск, а послі того проливается кров, и то козел скочуется со скалы, то олень падат и бьется ногами о землю.

“Яко-си раз я спокойно сиділ за ідом, позераю, Мохнатка знимат стрільбу зо сучка, дае ей ми, а сама смотрит кады-си вдолину, в ущелье. Я тоже посмотріл, увиділ козуль, бігучых на водопой, и выстрілил.

Тот случай показал мі, што Мохнатка розуміє, што таке стрільба, знає, што то стрільбом збивають на землю других животных, а потом лупят и ріжут на куски. Запамятайте о том добри, штобы конец мого рассказа не казался вам сказком.

III.

“Так минул рок. Мохнатка обернулася в громадного медведя и стала ище умнійша. Тепер я приучил ей уж настолько, што, отправляючись на охоту, сідал на ню, як на коня, и она несла мене по горским стежкам.

“Мохнатка стала предметом увагы цілого села. Особенну славу она зыскала літом, коли я взял ей зо собом в горы, и мы разом почали пасти овец. Волки пару раз пробували напасти на стадо, но Мохнатка задала им добру научку: поймала едного и так хватила о камень, што з волка и дух вон. Ту уж мойому стаду ни волк, ни злодій, ни разбойник не были страшны.

“Слава о Мохнаткі долетіла и до Вана. Многы купцы давали за ню пригорщы золота, скотоводы давали по тридцет и сорбк овец, — я не дал Мохнатку. Ну, таж она была для мене больше як десят собак и два ослы, та ище помочник на охоті, вооруженный брат в минуту опасности, и — сердечный друг. А если бы я даже соблазнился богатством, отдал ей, она и сама бы не пошла, и силом бы не взяли — уткла бы, вернулася.

“Едного разу трафилося вот што. Из Медждуріча, по берегам Тигра приходят на нашы паствиска чужы курды зо своими многочисленными стадами овец.

“На одном из лучших стойбищ на горі Артос розложил в то то літо свой роскошный шатер и Юсуф-бек, привезший ту на богато убранных верблюдах своих ружоволицых жен.

“Сердце забило тревогу” “Не уйти мі от того разбойника, — подумал я, — отбере он от мене медведя.”

“Перебрался я на друге стойбище, но куды уйдеш из рук Юсуф-бека? Як услышал о моем медведі — прислал вооруженных людей, приказал купити у мене, а если не продам — взять силом.

“Взяли, не вняли моим горьким слезам, и ище мене примусили завязати Мохнаткі

пасть и скрутити ноги. Взвалили ей на тяжку колясу и увезли.

“Наш дом объяла печаль. Горько плачучи, діти проводили свою дорогу Мохнатку до горба за селом, а я ушел в горы, забрался в одну из глухых росщелин, подолгу смотріл на свое любиме Ванске озеро и співал смутно.

“Раз в ночи я почув, як к лицу мойому доткнулося што-си мокре и горяче. Вскочил. Смотрю — громадный медвідь лиже мі лице. Не понял, сягнул за стрільбом, но звір отнял стрільбу у мене, откинул в сторону и лüğ у моих ног. Обнял я його голову, цілую мокру морду, плачу — ище як! Так, обнявшись, мы заснули.

“Коли засвітало, смотрю, у бідного животного шея в крови, кров запекался в шерсти. Очистил рану: ей нанесла куля з берданки. Ту я порозуміл: штоси сталося на стоянкі у Юсуф-бека. Спалил я шматку, приложил трут ку рані, знял зо своей шапки шолковый платок и перевязал Мохнаткі шею.

“На другой день пастухы мі передали, што Мохнатка поламала кости одному из сторожей, яких Юсуф-бек приставил, и уткла; бесіда о том пошла по всім стоянкам на Артосі. Схвативши оружие, люде бека кинулися в горы, в погоню за нами, но мы забралися в такы місца, што нас не змог бы найти и сам сатана. Б жал я в ущелья Шатаха, а оттуды — в Сасун.

“В августі, коли кочевники спустилися з гор и ушли в районы Тиграникерта, мы з медведьом вернулися дому. Погляділи бы вы, яка то радость была! Ціле село высыпало нам на встречу. Діти от радости, кто на спину мерведю, кто на шею, кто на хвості у него висит. А он терпеливо зносил всі тоты шалости и лем фыркал радостно. Радостном была и встріча Мохнатки и з ей прибраном матерьом, котру она не виділа два місяцы и дуже заскучала. Но показала она свою радость цілком по-медведячы: стала на задны лапы, взяла Богар (имя собаки) в передны и кинула ей на дах дома. Бідна собака беспомочно заметалася, не знаючи, як спуститися в долину.

“Настала осень. Мохнатка ходила зо мною на охоту, а в свободны дни поідала овощи, сидячи на деревьях.

IV

“Перед весном Мохнатка стала задумчивом и роздраженном. Тепер ни мама ей, Богар, ни діти уже не сміли жартувати з нѳом. З гор и полей она верталася дому росстроеном, всі ей мысли, здавалося, оставались в росщелинах Артоса. Она смутно повизгувала и поглядувала на скалы, где жили ей родиче. Ку вечеру Мохнатка особливо мрачнѳла. С послѳдними лучами солнца она выходила зо села, взбералася на вершок горба, звертала голову в сторону рѳки Тигр, нюхала воздух, чуючи запах живых там медведей, и печально скулила.

“Природа зробила свое діло: в Мохнаткі дозріла натуральна потребность любити и стати матерью. И она, с помутившомся кровью, помутившимися мыслями, рухалася беспокойно; стремилась своим дійственным душою вдаль, ку тым незнакомым животным, котрых она не видѳла и не памятала, но сердцем была связана з нима.

“Раз, выходячи под вечер из ущелья рѳки Тигр, я услышал за собом рев медведей. Посмотрѳл назад. Недалеко у пещеры стояли два медведѳ: они смотрѳли в нашу сторону и нюхали воздух. Мохнатка, не чекаючи мого “геч!” пошла им навстрѳчу. “Оош, Мохнатка, оош!” — кричал я. Она остановилася, обернулася нерѳшительно: видно было, што в ней происходит внутренна борьба. Однако — побѳдила природа. Я знал, што и людска истота не в силах боротися с призывом природы, и больше ей не кликал. Ку тому и юнь был близкий, и мене мучила тревога: Юсуф-бек должен был поднятися в горы, он и Мохнатку взял бы, та и мене про ню бы замучил. Мысль о том укрѳпила мое рѳшение дати свободу медведицѳ. Она ище стояла и боролася сама зо собом. Я повернулся и пошол проч, но услышал за собом топот. Мохнатка! Она вернулася, облизала мѳ руки, печально взвыла. Я понял, што она дуже привязалася ку мѳ и не хоче уйти против мойой волѳ. Я погладил ей по головѳ, показал ей пальцом на медведей и сказал “Геч!”

“И она ушла ку своим, начинати нове житя, а я, одинокий и печальный, вернулся в селѳ...

V

“Минул даякий час, мы немного забыли о Мохнаткі. Я знов ходил на охоту, но в

другы стороны, потому што к ущелью Тигра сердце не тягнуло, не хотѳлося встрѳтити Мохнатку.

“Южный склон Артоса літом без рослинности. Там голы скалы, высохлы корчи и тернякы. Молода трава высыхат ище в юню, и грудь горы набыват попельну барву. Лем в ущелью, у жерел, ест ище житя и зеленѳ. На одном из таких голых склонов стоит старый росохатый дуб, даючий тѳнь змученым путникам и овечым стадам. Даже здалека видна, немного ниже дерева, узка темнозелена впадина, и путник дораз догадуеся, што с под дуба струится жерело и, орошаючи грудь горы, дае житя той зелени.

“Яко-си, по пути в одно из знакомых мѳст, сѳл я у того жерела, розвязал мериндю, поѳл и отдыхал, прислонившись к дереву.

“Не знаю, як то вышло, но мене взя сон (змучился чоловік, а ту тѳнь, холодно, ясно — вздримнеш).

“Ци долго я спал, аллах знае, но коли открыл очы, вижу, солнце уж заходит за гору. Протянул руку к стрѳльбі — нѳт стрѳльбы. Посмотрѳл сюды-туды, нѳт стрѳльбы. И людей близко не видно. Думаю, ци не взял разбойник? Но чого-ж он мене живого оставил? Даже не ограбил... А если не разбойник, то кто мог взяти стрѳльбу?

“Лем я подумал о том, як слышу зозаду: тумб-тумб-тумб... Обернуся — што я вижу! — прямо на мене иде огромный медведѳ. Я так и застрѳся зо страху. Е, думаю, стрѳльбы мойой славной нѳт, штобы йому леб розбити, што зробиш самым кинжалом? Но вынял я и так кинжал, обернул лѳву руку полем буркы, выставил в перед, як щит, и жду. А проклятый медведѳ без всякого страху иде прямо на мене, якбы пред ним и чоловіка не было. Страх мене обнял: конец мѳ, думаю. Хотѳл вылѳзти на дерево, але вспомнул, што медведѳ лѳпше лѳзе на дерево, як я. И в тоту отчаянну минуту я нараз замѳтил, што медведѳ на праву задню ногу хромый, и сердце заскакало от радости. “Оѳ, Мохнатка, родна, аѳ, хрома, моя!” — закричал я и, протянувши руки, кинулся ей навстрѳчу, обнял ей голову. Медведица дружелюбно зафыркала и по старой привычкі облизала мѳ лице. А потом стала передо мною и смотрит на мене так смутно, так горестно, якбы сына похоронила. Го-

ворю я ей: “Чого-ж ты так смутна, моя родна, чом сама? Где-ж твой муж? Где диточки?” А она, як вдова, спустила голову и тихо вздыхат. Потом обернулася и пошла. Пошла, вывлекла с под камня мою стрільбу и, як чоловік, на двох ногах несе ку мі, обнявши го передними лапами. “Вот так чудо, чого-ж она мою стрільбу крыла? — думаю я. — Дивны діла аллаха: знає, видно, што стрільбом проливают кров, побоялася, видно, чтобы я не убил ей, не познавши спросоня”. Ну, Мохнатка добри тоты діла знала. Протянул я руку за стрільбом, а она не дала, повернулася и пошла кади-си наверх, на скалы. Шла, шла, потом оглянулася, зробила ище пару кроков, знов оглянулася, то на мене смотрит, то на противположну скалу, якбы хотіла сказати, што там што-си ест, чтобы я шол за ньом. Иду я за ньом, а ноги у мене, якбы чужы: не понимаю — ци я зачарованный, ци с сатаном запознался, ци то воля пророка, чтобы стрільбу мою медведь взял, а я шол за ним с пустыми руками...

“Так шли мы до самой вершины. Знаю, што с тамтой стороны глубокий берег. Добравшись до вершины, медведица припала ку землі и, затаивши дыхание, подползла ку краю берега. Посмотріла осторожно вниз. Посмотріла вниз и так само ползком вернулася ку мі и дала мі стрільбу. Дала мі стрільбу, а сама то на мене смотрит, то на край берега. Понял я: там што-си ест. Помынул имя аллаха, присіл, згорбился и, операячись на стрільбу, пополз вперед. Коли я дополз до берега, лüğ на живот и оглянулся. Затаивши дыхание, медведица ползла за мною. Допозла и притулилася ку землі у моих ног. Я зробил ище невелике усилие и наклонился над берегом. Скала стіном уходила в низ. У подножа она подалася внука в гору, створивши в берегу пещеру. Перед пещером я увиділ што-си таке дике, што мало мі сердце не выскочило. Великанский, як корова, котиско спад, ростягнувшись у входа в пещеру. Заходяче солнце кинуло на його рыжу смужкату красиву шкуру пару снопов свѣтла, а в лучах солнца його шкура искрилась и блискала, як одіяние самого шахин-шаха, соткане с чистого шолка. Звір тот, о котром я так много слышал от отца, лежал, ростягнувшись, на солнці и спокойно спад, лем часами, як кот, отгоня-

ючи лапом надоїдливых мух. Коли охвативша мене дрож престала и я успокоился, я взял стрільбу и положил ей на край скалы. Но прицілити мі долго не удавалось: скала сильно вдавалася внутрь, а тигр лежал у самой пещеры и попадал на мушку лем боком. Посунутися вперед, звиситися — опасно, злечу вниз головою.

“Наконец я набрал духа, выдвинулся вперед, вымірил и нажал курок. Гром выстріла розышолся по ущелю, дым заслонил мі очы. Медведица вскочила и — біжати. Внизу была яма, вымыта-дождьями, прикрыта корчами шиповника и терня. Мохнатка кинулася в тоту яму, притаилася под голузьом. Я кинулся за ньом. Тото, майже людске, захованиесе медведицы так мене ошеломило, што я чул себе, як во сні.

“Коли мы успокоились и увиділи, што тигр не показуеся, выбрались из под корчов и, крадучись, знов поднялись на скалу. Посмотріл я осторожно з берега вниз, и на сердці полекшало: тигр лежал перед пещером, як и предтым — ростягненный, значит, куля моя попала, куды я ей цілювал, — прямо в голову.

“Коли медведица тоже переконалася, што тигр убитый, она посмотріла на мене, и в ей смутных очах я замѣтил даяке успокоение, — якбы к болячому сердцу приложил цілебный бальсам. Она облизала мі руки, зафыркала и по другому склону скалы спустилася вниз. Мы дошли до подножа скалы и нашлись у входа впещеру. От радости я поднял шум на цілу гору: та и як не было не радуватися: в районах Артоса, Шахата и Сасуна лем один чоловік убил тигра — знанный армянский охотник Акон, та и было то двадцет літ до мого тигра, я тогды был дитином. Помню, як ціле наше село ходило смотріти на убитого тигра. Тогды шкуру послали в подарок каймакану (турецкому губернатору), чтобы он был ку нам милостивійший. А тепер я здерам шкуру и думаю, што треба ей подарувати Юсуф-беку: и гнів його на Мохнатку змягчится, и сам он подарует мі дашто.

“Потом, однако, тоту мысль перебила друга: якы там беки, якы султаны! Возьму за жену Мате, дочку Сло. Я подарую шкуру ей, як серна красивой Мате — той Мате, про котру я потом пролял кров и біжал в Россию.

“Дораз днеска скажу Мате, што я для ней пошол в пасть тигру и она потепліє ку мі сердцем, а Сло похвалит мое мужество. Ціле село буде славить пастуха Давота, и діло мое з Мате наладится.

“Тота мысль так обрадувала мене, што я росчервенілся, сердце забило быстрійше, взбушовала моя молодость. И я радостно заспівал любиму пісню, котру зложил для Мате, так заспівал, што отозвались горы.

“Объятый радостью, я знимал шкуру с тигра, як нараз услышал глухий стон. Посмотріл в сторону Мохнатки и дораз похолодніл, — здавалося, на горящий огонь выляли збан холодной воды.

“То, што я увиділ, — якбы куля, ранило мое сердце... В пещері были роскиданы свіжо огрызены кости — дві головки, маленькы, тонкы ножкы, узенькы, похожы на барані, ребра, волосаты лапкы... Мохнатка, згорбившись, и смутно повизгуючи, зберала их в купку. Лем тепер я понял, яка велика біда встрітила Мохнатку... У бідняккы тигр пожер дітей, и она, не маючи сил з ним справитися, выбрала мене орудием своей мести.

“Окаменівши, я позерал за рухами бідной матери. Она зобрала всі косточки, сіла пред ними и, глухо повизгуючи, горестно вздыхаючи, начала обнюхувати и лизати остатки своих малюток.

“Ех ты, мати, сердце твое больше и Алегеца нашего, и Артоса, глубше, як береги рікы Тигра, бездонне... Потрясенный, застывший, смотрю я на несчастну мать, а из ей очей льются слезы, и мі здаєся, я слышу печальну пісню, котру співат ей сердце погибшим дітям...

“З засмученым сердцем я продолжал лупити тигра. Коли я взвалил шкуру на плечи, Мохнатка опамяталася, горестно вздохнула и тоже поднялась. То было последнее прощание, и мое сердце плакало разом со сердцем того бессловесного животного. Медведица нагребла лапами землі и засыпала ньом останкы своих маленьких. Потом принесла сухих листьєв, галузок, камней и похоронила под ними медведят.

“До заходу солнца мы дошли до холма, недалеко от нашего села. Донюся лай собак; медведица остановилася. Я наклонился и поцілувал осиротівшу мать в голову, в очы, и я, охотник с каменным сердцем, за-

рыдал, як дитина, оплакуючи нашу розлуку, оплакуючи ей малюток, ей велике горе...

“И, отерши очы полом гунькы, я пошол в село.

“Солнце заходило. Медведица стояла на горбі, освічена червеными лучами вечерной зари, и провожала мене взглядом. Коли я вошол в село, она повернулася и пошла к берегам Тигра, ку могилі своих дітей...

“С того часу я больше не встрічал Мохнаткы. С того дня прошло пятьдесят весен, пятьдесят осеней, я постаріл, волосы побіліли, все, што случилось со мною потом, змішалось в тумані мойой памяти, и лем два образы ище заставляют трепетать сердце старого охотника: один — стройной, як серна, дівушкы, и другой — несчастной матери, склонившейся над могилом дітей.” (Из советского журнала “Дружба народов”).

ДАБЕ МАМСУРОВ.

СОКОЛ

О том, як старе житя переходит в нове у народов СССР. Перевод из осетинского. Из книжки “Дружба Народов”

1.

— Ех, Цоцкаевна, мой світ, не сварся зомном. Не старый я, но цілковито зышол на попел, што ты видиш на ватриску. Ест люде и старшы от мене, а в бігу скакуна обгонят. А я вот попел... попел от огня, на котром пекли чужы пироги. Ты памяташ, друже, в молодости я был не горший от других. В роботі я был за десятох, а в танцу, в співі... Ех, што о минувшом вспоминати! Сама добри памяташ...

Так говорювал старый Угалук жені своей, Хозиан Цоцкаевні, коли она докучала му, што он постаріл.

Так, Цоцкаевна не забыла, яким молодцом был Угалук. И тепер не ворчала бы она, если бы Угалук не сопіл. Іст — сопит, ходит — сопит, та так сопит, што перед сусідами стыдно. Не може Цоцкаевна стерпіти того.

Постаріл Угалук, то правда, — но и то правда, што не от часу постаріл.

Ціле житя обраблял Угалук чужу землю. Не было у него ни быдлятка, ни плуга. Крім мазолистых рук, ничего не мал. От світу до глубокой ночи працювал для чужого чоло-

віка. И не от тяжкого труда горіл он день за дньом, а от мысли, што ни земля, ни конь, ни плуг не належат йому.

Много трудился Угалук на свойом віку. Великы богатства отвоювал у природы. А польза йому яка? Ни повагы, ни радости, — не уважали го за чоловіка. И зненавиділ он чужу землю, чужу скотину, чуже добро.

Старіючи и “ниже спускаючись по драбині житя”, як он сам гварил, Угалук смутно розмышлял о судьбі единого сына Ахпола. Неужто и його житя буде не ліпше от горького житя отца?...

Однако Ахполу усміхнулося счастье: Он купил в Кабарді кобылу. Правда, на око кобыла худа и стара, но первый раз в обыстю Угалука появилась своя конина.

Николи Угалук не мал коня, а на конях он розумілся и славился тым на околицу. Всякий, кто куповал коня, звал го, хотіл знати думку, ци добри купил. И тепер люде, зобравшыся посмотрити кобылу Ахпола, ждали, што скаже Угалук.

Старик помалы подошол ку кобылі, оттянул ей губы, заглянул ей в рот, и якбы про себе, рюк:

— З весны пошло на еденастый рок.

Коли рука Угалука доткнулася вымени, под його усами солнечным лучом блеснул усміх.

— Жеребна, — рюк он тихо.

— Газда ей запевнял, што она жеребна от коня кабардинской породы, — подтвердил сын, задоволенный, што кобыла сподалася отцу.

— Най принесе она счастье! Неплоха живина, если не норовиста, — сказал Угалук, як все говорил при покупке коня. Вспомнувши, што тота живина його власна, додал: — Най буде счастливый тот, кто продал ей!

2.

Угалук ободрился, повеселіл.

Но недолго радость гріла сердце Угалука.

Перешол всього місяц послі покупки коня, як Ахпол пришол додому задумчивый, застаранный и повідомил:

— Я записался в колхоз. Кобылу отдаю в сполок...

От тых слов похолодніл Угалук. Он ничего не знал о колхозі и понял едно: Сын отдає кобылу и они знов остаются без живины.

— Та най я зім твои хвороты, сыну мой,

чом ты отдаєш кобылу? Та ци мы дашто должны якому-си колхозу? — звідал Угалук. Голос його дрожал.

— Отдавати я ей отдаю, але не совсім. Мы организуеме в селі колхоз. Худобу объединяме, працювати будеме впольно.

— Сыну мой, с того, што не в твойом домі, мало тобі корысти. Богатый и по прадіду поминкы справлят. Най другы што хотят робят, а мы люде бідны, своя адзимка смачнійша от чужого пирога.

Ниякы уговоры не помогли, сын стоял на свойом. Тогда Угалук несміло звідал:

— Зроб хоч лем так, світе мой, штобы кобыла ожеребилася у нас в обыстю. Я старый, жеребяти мі не треба, а тобі...

Сын гнівно посмотрил на отца и не дослухал:

— Завтра кобылу отдам.

В тоту ноч Угалук не мог заснути. Он лежал лицом вверх, невидячими очами смотріл в повалу и сердито сопіл. В його голові вихром кружилися неспокойны, чорны мысли.

Колхозне собрание затяглось, и Ахпол поздно вертал дому. Был полный місяц, сніг блестіл, на улиці было світло, як в день. Не желаючи беспокоити родичов, он тихо отворил плетенны ворота, вошел в оборо, глянул и ... замер: в стодолі, где стояла кобыла, мелькнула тінь.

“Злодій!” — подумал Ахпол. Он хотіл біжати, звати народ, но помыслил: покаль прибігут на помоч, злодій уведе кобылу. Метнулся к дому, достал топор, крадком пробрался к стодолі, прислухался: коло кобылы сопіл Угалук. Ахпол мало не росміялся, спрятал топор, хотіл кликнути отца, но услышал:

— Жий, глупа живино!... Не можу приняти на себе гріх... най отпустит мі бог! В чужой стайні... будеш моим врагом... Жий, — шептал Угалук, и, здавалося, рыдание стискало його горло.

Ледво мог Ахпол притулиться к темной стінкі, зо стодолы вышел Угалук. На ньом была сорочка и шапка, а в руки плеснул нож.

— Стой! Убью! — пугнул го сын.

— То я! — крикнул Угалук, — не руш!...

— Што ты, отец, робиш ту, в таку поздну годину?

— Вот... думал, ци не запуталася кобыла. Посмотрити вышел.

3.

Уж три місяці кобыла находилася в колхозі. Ветеринар, осмотрівши її, заборонив їй запрягати, щоб не ушкодити жеребя. Зимом кобыла стояла в теплої конюшні, а весном паслася з жеребними матками.

Угалук часто отвідувал кобылу, — близка она была його сердцу. И всякий раз, коли при ньом кормили коней, он тайком брал початки кукурузы у других кобыл и подкладывал своей.

Одного разу Угалук выбрался в поле. Ище здалека увиділ, што коло його кобылы клопотали люде. “Ожеребилася!” — подумал. Задрожал старик, злоба укусила його сердце, и слова ненависти вырвались з його уст.

— Най буде проклятый такий сын! Най буде проклятый! Навіки!

Но и так не мог выдержати, чтобы не подойти ближе. Подошел и увиділ: коло його кобылы, туючися ку матери, стоял мокрый, слабый гачурик. Білий знак на чєлі и біла обруч на задній нозі.

“Чистокровный кабардинец! — радостно подумал Угалук, но дораз засмутился: — Чому я рад?”

— Красный гачур от твоей кобылы, папаша? — весело звідал ветеринар.

— Ніт у мене кобылы ... Если бы моя была, ожеребилася бы в моем обыстю... Най, прєбачит бог тому, по чийой волі у мене ніт коня!...

— Не бануй, старый. Кобыла за тобом рахуєся, — успокоювал ветеринар. — Ты ліпше повіч, як назвати того красного гачура?

— Своему гачатю я бы-м знал дати имя. Но бог не прєбачит такому сыну, — прошептал Угалук. — Из того жеребяте выйде добрый конь... сокол буде.

— Вот и ест имя! Назвйме го “Сокол”, — подхватил ветеринар.

Опамятался Угалук и мало не откусил свой язык: ляпнул и стал нонашком жеребяте, про котре проклял сына!...

Грызло Угалука в грудях. Не было с кым поділитися горем. Часами Угалук росповідал о своих муках старому Хабли. Но говорити с крєвным, то само, што розговорувати с самым собом.

Сиділи старики яко-си раз на нихасі (там, где збераются жителі села в свобод-

ный час для бесіды — К. Р.) и молчали. Приемно было так молчати и знати еден другого мысли. Мимо перешли колхозны кобылы зо жеребятами.

Угалук, замітивши “Сокола”, вздохнул и рюк як бы про себе:

— Чудесный конь буде! Позбытися такого коня... Ех!

— Так, непланнй конь выйде. Но ты посмот, — Хабли показал пальцем, — вот на тотот гача от мойой кобылы. Правда, што крас?

— Што твое, Хабли. Мой чистокровный кабардинец! Ци ты сліпый?

— Ну и выпалил, кабардинец! Та мой потомок арабского коня! То може тобі уж очы не служат?

— Грішно говорити неправду, Хабли! Воз назад свои слова. Я знам коней и ты знаш. В жеребяти, котре ты назвал своим, ніт ни каплі арабской крови. То поскребок.

— Я не буду брєхати. Най брєхуном буде твой враг. Ты добри розберашся в конях, но ище ліпше можеш оскорбити чоловіка, — рюк похмурно Хабли.

— Аллах свідок, што я не хотіл тебе образити, Хабли. Но жеребя твое лем мішанина нашего горского коня и мула.

— То твое жеребя потомок мула! Каждый, кто лем раз посмотрит на него, може то сказати.

Старики встали, гнівнє блискаючи очами. И пришло бы до битки, но Угалук опамьтался:

— Та прошто мы сваримєся, Хабли. Жеребята не нашы, они колхозны.

Но Хабли запамьтал собі образу и он постановил ходити за своим жеребятом и доказати Угалуку, што он не має правду.

4.

Хабли часто ходил в колхозну конюшню и на паствиско. Спочатку жеребя дичилося и утікало от него. Старик приучил го ласком и лакомствами. Гачур рос гладким, красивым.

Знов стары приятелі встрітілися на нихасі. Сиділи, бесідували. Сварні якбы и не было. Мимо шли к водопою кобылицы з жеребятами.

— Посмот, Угалук, я правду гварил. Мой гачур не простой крови. Видиш, як он выглад?

— И свиня тлустіє, — рюк Угалук.

Слова Хабли вывели Угалука из терпіння. Он постановил потихоньку от Хабли пильнувати “Сокола”.

Зашол Угалук к председателю колхоза, коли он был сам в комнаті, и попросил:

— Скучно без діла сидіти, позволь мі пильнувати гачура.

Председатель позволил и даже подякувал за инициативу.

На друге рано Угалук выбрался в конюшню. Проходячи мимо дому Хабли, он скулился и заспшил, оглядуючись по сторонам, боячись, штобы го не увиділ соперник.

Вот и конюшня. Забилося сердце Угалука, дораз он увидит гачура, своего “Сокола” з білом латком на челі...

“Чу! — остопіл Угалук. — Коло гачура ктоси ест”.

Старик осторожно оглянул стайню, и кров рушила му в голову: Хабли з задоволением чистил своего гачура.

“А ты, старый чорте! Так вот чом красіе твой гачур!” — подумал Угалук и сказал:

— Добрый день!

Хабли вздрогнул от несподіванности, быстро обернулся. Його морщинисте лице почервеніло, очы скоро заморгали.

— А-а... Угалук! Зачым зас ты ту пришол лем світ?

— Допустме, я позднійше от тебе пришол... Вот интересуюся, што ты ту робиш?

— Та, видиш... скучно мі стало. В колхозі почал працувати. Поручили мі жеребят пильнувати.

— Добре діло, Хабли! Мене тоже председатель просил пильнувати жеребят.

“Ага, председатель го просил, старый чорт”, — подумал Хабли, а Угалуку сказал:

— Дуже рад с того! Хоц мы и стары, але ліпше, як гварят, грызти кость, як сидіти дома без діла.

— Ну, але я не мам часу, — буркнул Хабли и взялся чистити своего гачура.

Угалук подоптал ногами пред порогом, потом вошел в конюшню и пустился к своему “Соколу”. Гачур сіпнулся от него в сторону. Угалук хотіл го погласкати, но “Сокол” брыкнул и заржал. Штобы скрыти свою неудачу от Хабли, Угалук воскликнул:

— Породистого коня дораз познати! Не допускат ку собі мой “Сокол”!

— Если по пугливости определяти породу, так высшой породы от заячой ніт, — отозвался Хабли.

Угалук помолчал, засопіл и вышел за хлібом для гачура.

Тепер старики регулярно встрічались в конюшні и на паствиску. На нихасі они збавляли час молчки, коло жеребят говорили беспрестанно.

Два роки перешли, третий почался. Жеребята росли хорошы, статны, красивы. Чистили их старики до аксамитного блеску. “Стройный и легкий в рухах “Сокол”, — завистливо примічал Хабли и в тот сам час добавлял: — Зато нич, таж оба гачуры нашы, колхозны.”

Мало-помалу старики привыкли смотріти на колхозне господарство, як на свое власне. Дружба их стала кріпком, великом дружбом.

Хабли пришол раз в конюшню малошто полночи, почистил своего коня и очекувал товариша. Но Угалук не приходил.

Солнце взошло, час гнати табун на паствиско, а Угалука ніт.

“Ци, храни боже, не помер старый? — забеспокоился Хабли, и за сердце го стисло. Без Угалука и його, Хабли житя не буде ціле. — Треба взглянути на “Сокола”, — рішил Хабли. — Немож оставляти го без ухода. Таж он наш...”

И Хабли взялся чистити “Сокола”, ласкаво покрикуючи на него. За том роботом застал го Угалук.

В первый миг Угалук встрашилс, подумал, што штоси недобре Хабли робит з його гачуром. Но, увидівши, што тот старанно чистит “Сокола”, заганыбилс своей мысли.

— Здравствуй, друг!

— Где ты аллах носил? Чом поздно пришол? — мягко упрекнул Хабли товариша.

— Кревняк умер. Я ходил послідню услугу отдати и забавилс — отповіл Угалук, тяжко дыхаючи. И прибавил змішано: — Біжал вот... Боялс, як бы без мене на пашу не выпустили.

— Ай-ай! Як ты мог таке подумати? Та ци я бы оставил вашего гачура без опіки, Угалук?

Угалук взглянул на Хабли с уважением и ничего не отповіл.

Труд и любовь к красоті побідили зависть. А як было не полюбити красавцов-коней! Каждый пильнувал своего коня, но и провірял товариша, ци всьо у него в порядку.

Они получили не лем трудодни, но и

нагороды: Угалук три, Хабли дві. Приятно получить нагороду, но ище приятнійше было слышати, як на общем собрании колхозники хвалили их, называли отличниками.

Ци зато, што за Угалуком была слава знатока, ци “Сокол” здавался ліпшим конем, — но больше похвал доставалося Угалуку.

Хабли не стерпіл и выступил даже с отповідным словом:

— Люде добры, пребачте! Справа не в том, як мы пильнували гачуров, а в том, што “Сокол” ліпшой породы, як мой гачур. Повірте мойой чести, я добри ходил коло своего гачура. Угалук тому свідок, он правду скаже...

Не привык говорити Хабли перед таким великим и почетным собранием. Он волновался. И закончил свое слово цілком несподівано:

— ... А если хотите дознатися, друзья, кто из нас старостливший, кто ліпше може працювати, дайте нам новых жеребят единаковой породы. Тогда увидите, у кого выросте ліпший конь.

Дружны аплодисменты были отвітом.

— Дати им жеребят! Дати им единаковой породы!

Хабли торжественно усміхнулся, взглянул на Угалука, якбы звідуючи го: “А як ты думаеш?”

Угалук встал, обвюл собрание взглядом и торжественно, як присягу, вырюк:

— Най буде так! Вызывам Хабли на змагание.

В галі знов грянули рукоплескания.

На другой день старики явились принимать новых жеребят и узнали радостну новину: назначены районны скачки (рейсы), колхоз посылат их вихованков. Обоих стариков запросили посмотри́ти скачки.

Обрадувались приятели такой чести, но поїхати на скачки отмовилися.

— Не могу, якже лишити так жеребятко? Я во взмаганію — уперся Угалук.

— Не оставлю своего жеребятё. Як он ту без мене буде? Таж я Угалука вызвал на змагание, — отговорювался Хабли.

Старики ходили смутны, не бесідували

“А як гачур Хабли обгонит “Сокола”, — думал Угалук. Но дораз успокоювал себе: — Обгонит, та най обгонит. Але если нашого обгонит жеребец из другого колхоза, то

зле. Стыдно! Нашому колхозу ганьба буде”....

“Допустме, мой гачур не обгонит “Сокола”, — розмышлял Хабли, — так най лем “Сокол” обгонит всіх других. Повинен обгонити. Кровный конь “Сокол”, обгонит!”

Ку вечеру пришла вість: “Сокол” вышол побідителем в скачках и йому присудили первый приз.

Колхозники радувались, еден пред другим поздравляли Угалука, желали йому долгого житя.

Сердечно поздравил Угалука и Хабли.

На другой день в самый розгар работы Хабли был вызванный в правление колхоза. “А то зас чого?”—догадуючи, розмышлял он.

Предсідатель встрітил го почтительно, спросил, як здоровье, потом предложил збратися, и то сейчас, в путь-дорогу. Його, Хабли, вызывают на раду найліпших живиноводов республики.

Радостно забилося сердце Хабли: “Знают, кого вызывати!”

Не чуючи под собом ног, спішил Хабли дому, порадувати жену. Улица показалася му сегодня дуже долги́м. Переходячи мимо дому Угалука, Хабли вспомнул: “А як же Угалук? Он не меньше от мене достойный быти на той раді... Отказатися треба, нехорошо іхати без товариша.”

Хабли звольнил крок, повернулся и зачудуванный остановился.

Из ворот вышол Угалук, одітый по-святочному. На нем сафьяновы чувякы (чоботы), білый бешмет (шапка), нова черкеска (гуня) и кинжал з білом рукоятьом — всьо то премии, получены от колхоза. За Угалуком сіменила Цоцкаевна и ласкаво наказувала:

Пильнуй, друг мой, своего носа. Не сопи перед великим начальником...

— Ех, Цоцкаевна, мой світе, тіло мое попел, — начал было Угалук свою привычную приповідку, но дораз поправился: — А в сердці мойом горит огонь радости!...

Понял Хабли, куда зобрался Угалук, и гречно привитал Угалука и Хозиан Цоцкаевну.

Коли Угалука и Хабли с почетом усадили в нову машину и она мягко понеслася в гору, старики почувли в собі новы силы. Легко было Хабли. Трепетало сердце Угалука. Йому здавалося: не по землі он мчится, а под небом парит — летит, як сокол.

ИЗ СТАРОГО ЖИТЯ

НА ВОЙНІ И В ПЛІНУ В РОССИИ

(ОПОВІДАТ ВЫСОВЯН ИВАН ПЕРОГ)

Двадцет шист літ тому назад я вернул з Америки в родный край, в село Высову. Я собі думал зробити даякий порядок, бо таке житя до ничего, што я в Америкі, а жена в краю. Я думал, што я заберу свою фамилию в Америку и устроимся в новом світі, бо в старом краю житя было тяжке.

Пробыл я три місяцы дома, а ту выбухла война. Уж по мойой Америкі! Так як я был войсковый, то пришла по мене телеграмма, и то ише перед загальном мобилизациом, штобы ставитися як найскорше в Новом Санчі в свойом полку. В тот день из Высовы выіхало зо мною ише штырох высовянов. И як лем зме появились в своей команді, дораз нас росформували, одного ту, другого там. Я остался спочатку в Санчі, достал службу коло пороховні, других

отсылали на фронт против маленькой Сербии. Но не остался и я долго в Санчі. За три неділи створили з нас перший марш-батальон и выслали на русский фронт, под Люблин. В том батальоні был и я.

Из Нового Санча аж под Люблин мы шли пішком... шли и шли. Взяло нам близко два тыжні идти. Перша стычка з русскими была под Красником. Но лем з машингверов стріляли. На другой день посунулись мы под Люблин. Пополудни пришла польова кухня и почали выдавати "минаж". Поставали мы еден за другим, "в очередь" за свойом порциом. Я был третий в очереди. Двох предомном достали свою порцию, а коли приходило на мене, то коло кухни упал гранат, кухня вывернулася и наша "минаж" розлялася по землі и перемішалася с травом и глином. Офицер кричит, абы мы ростягнулися в швармлинию. На мене пришло идти на ліво от головной группы, ку сосновому лісу. Я зашел в тот ліс и сіл собі под сосном и сижу. Слухам, а на ліво зышлася козацка патруля з нашим кавалериом и бьются. А по правой стороне наша головна часть почала перестрілку з русскими. Но русска артиллерия почала страшно бити в нашу стороу, в сторону наших головных сил. В лісі, где я сиділ под сосном, спочатку было спокойно, но в коротком часі и коло мене почали гранаты падати. Страшно мі было. Где діватися? Ни взад, ни вперед. Як не от гранату, то от дерева, бо где трафил гранат коло дерева, то дерево с корнями вырывало и валило на землю.

В тот час подходит ку мі высовян Петро Корин и гварит:

— Та што вы ту, куме, робите? Крыетесь?
Я гварю:

— Я достал приказ от капитана итти на ліве крыло...

— А чом вы, куме, не идете на чисте поле, там где битка, — наперат на мене кум Петро Корин.

— О, я не могу, куме, як я не мам прика-

зу от капитана. Я не пиду — гварю.

— Так, так! А вы забыли, як нас учили, што треба битися за цисаря, за свою землю, за панство? — каже кум остро.

Але я вижу, што и мой кум мае страх. Гварит, што и ту небезпечно, бо артиллерия барз бье. Кличе мя повыше. Но я не рушился. Кум шол сам повыше, где был раненый и взятый в плін.

Коли кум Петро Корин одышол от мене, приходит другой высовян, Илько Демянчик, и гварит:

— Но, але москале бют! Та нас учили, што москале не мают ани машингверов, ани канонов, и што сами хлопи доничого, што еден австрийский жолнір може сміло итти на десятох москалів, а ту маш, кельо уж австрияков убитых... И повідат мі, котры уж убиты, што я их знам.

В часі того розговору з Демянчиком и я был раненый осколком граната. Не тяжко, лем легко. Але раненый, то зберамся ку раненым назад, а Илько Демянчик мя веде. Но Илько был заверненный на фронт, а я шол пішком цілу ноч аж до Сандомира и там достал перевязку. А зо Сандомира переїхал через Вислу до Розвадова, где ем сіл на поїзд до Кракова. То был перший поїзд з ранеными.

На другой день выняли мі с тіла осколок зо шрапнеля. И так я пробыл в Кракові тыждень, а потом перевезли мя до Нового Санча. А коли в осени русска армия была близко Нового Санча, то мя перевезли до Егердорфу. Там я пробыл три місяцы в госпитали, а потом казали вертати до кадру, до Фрейдентал. Там мі дали отпуск на два тыжні.

Приїхал я до Высовы, а в селі ни одного здорового хлопа. Єдних забрали на войну, других до лагру, до Талергофу, а треті ховалися по лісах, штобы не попали до лагру. Смутно было в селі.

Коли вышол час урлопу, вернул я знов до своего кадру. Но на фронт не выслали мя аж на весну. Наш 20-й regiment находился товыды коло Горлиц, в селі Быстра, бо тогды німцы готовили "дурбрух" коло Горлиц.

Николи я не забуду той битвы под Горлицами. Німцы навезли страшну массу артиллерии и як почали з ней громити русскы позиции, то дуже много русских полегло. В той німецкой офензиві я был другой раз ра-

неный, уж за Саном. Выслали мя знов до госпиталя, но уж за пару неділь знов на фронт. Але на тот раз я уж попал в русский плін, чого я собі от сердца желал.

Спочатком року 1916 приїхал я в Киев, потом в Москву, а из Москвы перевезли нас в Самару, над Волгу. Там выбирали нас на роботу. Дался записати и я на земледільску роботу. Привезли нас в Саратовску губернию, и там голосилися за нами то-ты, котрым были потребны земледільскы работники. Через два дни я достался на роботу до одного господаря в таком селі, где ище люде не виділи австрийца, так што люде приходили на мене смотріти, як нашы люде ка москаля. Дві старшы жены принесли по цілом хлібі и соли на тареличках, привитали мя и передали м' тоты хлібы и соль. Просятя, што я заеден. Я гварю, што я руснак православный з Галичины. Жены говорили:

— Австриец, а всьо ровно такой человек, как наш, и глаза у него такие, как у наших мужиков, и нос такой...

Богато было бесіды за мене. Прожил я там едно літо, но на осінь ушол, бо было много работы. Тот газда был богатый, мал 75 десятин дуже урожайной землі, кулак. Гною там не треба было, гнойом палили. Но через дві неділі, коли я там пришол, газда помер, а на мойой голові остала вся работа на той великой господаркі, так што я не чулся в силах.

Коли я оттамале убіжал, так я не знал, в котру сторону итти. Мі треба было вертати в тото місто, откаль я был нанятый на роботу, бо я там был записанный в "земской управі". В дорозі зашла мя ноч, и то холодна ноч, бо то была уж осень. Треба было проситися дагде на ноч. Пришол я до одного села, прошуся на ноч у одного газды, а он мі каже иди до старосты (вийта). Староста стяг з мене протокол и гварит, што мене треба бы арештувати, бо я военноплінный и не можу ходити собі так самопас. Но арештувати мене не арештувал, лем преночувал, а на другой день я пустился дальше в дорогу и пришол до того міста, где были плінны. Завели мя до бараків, где было понад два тысяч плінных.

Стамади вывезли нас в костромску губернию на державны работы, а потом на Сівер на лісны работы. Я не знал, где я

нахожуся, бо там была ужасна зима, а зимом день был дуже коротенький, всего штыри години дня. А коли я выїжал оттамале, то знов ночи нияк не было, лем все видно, солнце світило и не заходило. Дванадцета година в ночи, солнце червене, осіло найниже, а о первой годині в ночи знов подниматся в гору.

С концом мая выїхал я оттамале, то там было ище холодно, дерева лем што почали розвиватися, а коли ем приїхал в Петроград, то там уж было всьо розвите, аж весело было на сердцю. В тот час был Керенский на верху, вмісто царя. Получил я роботу на торфяном заводі за Петроградом. Там величезны болота, а с того болота вырабляют торф для топлива. Палится так, як и каменный уголь. То было в 1917 року літом. А на осінь выбухла велика робоча революция.

Позднійше в осени я оставил роботу на торфяном заводі, а поїхал в Нижний Новгород, где я достал роботу в кузні, яко помощник коваля. Пробыл еден тыждень лем за страву. В неділю я иду до властителя кузні звідатися, за што я роблю. Я кажу, што я не хочу нияку плацу, лем істи. А властитель мі каже, што он мі заплатит, а істи абы я собі сам купил. Но я на тото не годился, бо о поживу в тот час было дуже трудно, за грошы не мож было купити. Майстер повідат, што не може зомном так годитися. И дали мі великий хліб и солонины на отправу. Пошол я на станцию и сіл на пассажирский поїзд, што іхал в Москву, без билета. Приходит кондуктор провіряти билеты, подходит ку мі, а я кажу, што у мене билета нїт, што я австрийский военноплінный. Коли мы приїхали на першу стазцию, кондуктор веде мя к начальнику станции. Начальник звідует, куды я іду, а я гварю, што в Москву. Зачым? За роботом, гварю. "Валяй" — каже.

Приїхал я в Москву, но якоси ем обавлялся такого великого міста, тай сіл на другой поїзд и приїхал в Коломну. И Коломна дуже велике місто, много церквей величавых. То было в Рождественскы свята, так я зашол в церков. Но в церкви я застал лем священника и псаломщика, больше не было никого. Церков прекрасна, білый мрамур, даже подлога з мрамору, так што я не мог на-смотретьіся на тоту красоту. А така велика,

што могло поміститися легко два тысячы людя, а може больше. Постоял я в церкви и роздумал, што мі дальше робити, бо ту о хліб тяжко. Пришол я на таку думку, што мі треба іхати дагде в таку сторону, где хліб ест. И постановил я вертати ку Волгі.

Вышол я с церкви и иду просто на станцию. Звідую, коли поїзд выїжат до Сизрану, где находилися плінны. Люде звідуют, чого я так далеко іду. Но кажут, што там дуже хлібородный край. Но коли поїзд подїхал, то вагоны были так переполнены, што не было где ани стояти. Иду я ку переду и прошу машиниста, абы мі позволил постояти в локомотиві. Он каже, абы я шол ку кочегару. Я вышол на угля и там устроился. Думам собі, што зимно мі нич незробит, бо мам добрый кожушок и тулуп. Но як почала машина гнати, як почал вітер на мене дути, то мя продуло аж до кости. Так што я на первой станции зышол и чекал на другой поїзд.

Іхал я три дни и три ночи до Сизрану. Приїхал я на місто и довідался, где поміщаються военноплінны. А там розгаздувались уж чехы, котры помагали білой гвардии против большевиков и Красной Армии. Пришло до борьбы меж Красном Армиом и чехами. Чехы позанимали міста и желізнодорожны станции. Хліба там было дост. То было літом в 1918 року, Я там получил роботу в госпиталі, розносил писма по місті. Дали мі удостовірение, абы мя чехы не трогали, приоділи, дали комнату, и так ем жил.

Но недолго я остал на том місті, бо Красна Армия набрала великой силы и ударила на чехов и білогвардейцов, так што они мушены были отступати в Сибир. И наш госпиталь тоже вы хал, и остановился аж в Омску, в Сибири. Но в Омску не было для нас поміщення, так што тот госпиталь розышолся, а мене передали в "Главне военне санитарне управление". Кольчак жил тогды в Омску на Семеновской улиці. Але и там скоро Красна Армия пришла и прогнала Кольчака, його армию и чехов дальше на восток. Тото "санитарне управление" вынеслося аж до Владивостока. Но я до Владивостока не хотіл іхати, бо то дуже далеко, поспішным поїздом из Омска треба іхати цілый тыждень. То уж барз далеко от

Высовы. И я от tych білогвардейщов убіжал и стал извощиком. За даякы штыри дни пришла Красна Армия до Омска. И позднійше в том будинку, где я робил, знов открыли таке саме "санитарне управление", лем же назвали иначе. Называлось "Сибирское здравоохранение". Так я вернул назад до той работы. Спочатку достал роботу за кучера, їздил з доктором, начальником "Сибирского здравоохранения". А потом он достал мі роботу на желізной дорогі за проводника. Тот доктор їздил по цілому Сибиру, осматривал шпитали и курорты, и так я з ним їздил. У нас были штыри вагоны Красного Креста, с пассажиров не мал никто права заходити. Обїхал я майже всю Сибир с tym доктором. И я переконался, што Сибир огромный, прекрасный и дуже богатый край. Я то видїл на власны свои очы. Сут зимны стороны в Сибири, але сут и теплы, приміром Семипалатинский край теплый. В Сибири и в Средной Азии ест много великих озер, и то такы озера, што вода так фалюе, як и в великом морі. Мы заїхали, приміром, на азеро Карачи, где даколи за царя богата клясса на курорт приїзжала. То я не встані описати, што то за красота там. Як велике озеро, так кругом него прекрасны будинкы для мешканя. Водны фалі выливают на піскы и вертают обратно в озеро. Та бо то тот пісок не пісок, бо больше соли, як піску, чистой біленькой соли. В той воді люде купаются, за царя купалися богаче, а тепер купаются и лічаться работники, што літом получают отпуск по два и три тыжні.

В 1921 року я просил доктора о отпуск и я получил два тыжні на озеро Карачи. Треба было їхати один день и одну ноч. На дорогу получил я печену куру, папиросок, хліба. Коли я приїхал и показал удостовѣрение, то сейчас дали мі комнату для сна и дали мі всі информации, где купатися, коли їсти и т. д.

Семипалатинска область была бы дуже добра для переселения для нашего народа, бо воздух майже такий, як и у нас, а земля дуже урожайна. В Сибири землі столько, што раз я їхал цілый день trenoм, а не видїл живой души, лем зарослы пусты поля и лісы.

Была уж осінь 1921 року. Я приїхал с подорожы з доктором обратно в Омск и в

тот час приїхала там польска делегация и оголосили, што кто хоче из плінных вертати назад в свои стороны, то най голосится. Каждого тягне в свое родне село, то и мене тягло, тай взял я и зголосился, и заявил своему доктору, што я хочу їхати "на родину". Он почал мі отгваряти, штобы я стал совітским гражданином, но я го не послухал. Поїхал з ним ище на Кавказ, где находятся величезны курорты. Но з головы мі не выходило, што треба вертати в Высову, в свое родне село, ку своей фамилии, и коли я вернул до Омска, я почал выбираться в долгу дорогу. Насушил я хліба, купил шист фунтов табаку первого сорта и сіл на поїзд. 28 дней я їхал до польской границы, и за тот час бракло мі хліба и табаку, бо нас їхало разом штыриста военноплінных и треба было ділитися своими запасами з другими.

Коли мы приїхали на польску границу в Барановичы, пересїл я на польский поїзд. Приходит ку мі польский кондуктор и звідует за Россию, же якы там порядкы, же там церкви позамыкали и люде до церкви не можут ходити. Я кажу, што кто хоче, то до церкви ходит, але никого до церкви не наганяют ходити. Я сам ходил до церкви и никто мі не заборонял. А позамыканы церкви лем тоты, што никто до них не ходит, зато позамыканы, штобы их не обкрали. Лем же царске правительство будувало церкви и набудувало их задуже, а тепер правительство церквей не будует. Коли вірники хотят мати церквей, то собі будуют сами, як и в Америкі.

И я сам видїл, што там было задуже церквей, а што было коло tych церквей всяких монахов брудных, заросенных и з лнивства милостыню просили. Тоты монахи так злїнивили, што ани ся им умыти не хотїло. Я такого дачого по світу не видїл, где я походил, як tych брудных монахов. И тому лем робоча революция могла зарадити, абы каждый, кто здоровый, працювал на себе, а не ошукувал другого або просил милостыню.

И так приїхал я до своего родного села Высовы, где ждала мя плоха жизнь в панской Польші. Прожил я в Высові и пробїдувал до 1929 року. А в том року я достался назад до Америки, до Юнкерс, и ту проживаю.

Иван Перог.

В КРАЮ И В АМЕРИКІ

(Пише Антон Кобан, родом з Яшковы)

Родился я в краю и селі, где горы, лісы и каминя, но але тот край для мене найдорожший и наймильший, бо я там родился и свои молоды літа прожил, хоц и помеж чужых людей, по службах.

Наше село барз маленьке. Як хлоп косит при границі, то жена отворит двери в хижи и на снідання го закличе. А я сам ся о том переконал.

Коли я был ище маленьким хлопцом, то моя мама мушена была дати мя на службу. Дали мя на службу до коваля коровы пасти, бо му были должны дві стовкы, а он хотіл процент. А ту не было откаль дати, бо отца не было, лем мати.

И так едного разу рано я выгнал коровы на поле аж там ку границі и зразу коровы паслися добри. А потом коло еденастой години коровы собі поставали и полігали. А моя ковалька мене все своима очами пасла, и лем раз, як зачне кричати и богом карати, перунами садити: “А жебы ты паненка Мария скарала, и жебы ты перун забил, як перший раз загырмит...”

А тота ковалька, то была моя нонашка. Она не могла выречи “к”, то вмiсто “к” хасновала “т”. И я тото вшитко чул, хоц я был при самой границі нашего села, а она на оборі.

Она барз коровы любила и добри годувала. Приходжу я с поля, а она уж така добра, дае мi хлiба з маслом, молока. Але мi тот хлiб з маслом не хотіл ийти до горла, лем слезы мi з очей шли, коли я собі припомнул о тых проклонах и перунах от нонашки.

Был там и другой слуга у того коваля, Сидор, але тот мал тверде сердце, он собі нич с ковалькы и ей проклонов не робил. Он мi гварит:

— Антон, а я барз рад, як на мене газдыня грішит, бо она потом барз добра, зараз даст мi хлiба з маслом и молока...

А я му кажу, што я мам инше сумліня, и я не годен товды нич істи, як она на мене задармо кричит и грішит...

Едного разу я виділ таке представление:

Ей сын забрал з боиска вшитку свіжу отаву, што она приготовила коровам, и дал волам. Иде она коровы дойти, смотрит, а отавы нiт:

— А паненка Мария бы ты старала, а перуны бы ты побили... и т. д. Приходит дохиж, сын стоит коло стiны, а она просто пред образы, поднимат руки вгору:

— А паненка Мария бы ты старала за мою отаву... Руку навкрест и луп собом на землю долулиц. И лежит так распростерта якых 5 минут на гамбі...

Коваля товды дома не было. На другой день сын оповідат отцу о той пригоді, а коваль гварит:

— Та кебы я был дома, то я бы ей добри выпасал ватральком по заді, як она так лежала.

Таке саме она мала и зо сусiдами. Коли пришла велика злива, гырмоты, блискавицы, и почала вода долу польом горнути, то наша ковалька уж иде з мотыком робити яркы, пущати воду зо своего поля на сусiдске поле. Сусiд видит, выходит зо своим мотыком и отбиват воду зо своего поля на ей поле. Злива и перуны перестали, всьо в природі утишилося, но але як зачне наша ковалька перунами сыпати на сусiда на ціле село, то всі люде с хыж повыходили. Бо село было маленьке, всего 25 нумеров, то было чути каждому дохиж, як ковалька проклинат. Почали люде бесiдувати, што зато такы зливы приходят, бо ковалька барз грішит и перуны на село призывает. Зогнали громадский уряд и осудили ковальку покарати. Коли другой раз перуны почали бити, приходит вийт з двома урядниками, забирают ковальови ланцух и сокиру и кажут заплатити три папiркы кары на церков.

В старом краю тоты стары бабы барз забобонны, вірят в чары. Нашу ковальку называли люде босорком, чаровницом, бо она мала штыри коровы, то от тых коров мала молока, як воды, а масла, як болота. То каждый говорил, што ковалька мусит “штоси знати”. Она мi наклала масла до точанкы, то я тото масло не іл, бо ем так само вірил в тоты чары. Масло я давал своему товаришу Николаю Мадзеляну. Он іл и смiялся з мене. А дома у нас не было ни масла ни молока, бо што была една корова, то и от той масло треба было продати, штобы купити соли и камфины...

Но зато я был веселый хлопец, спiвал собі, свистал и пискал на пискалкi. Каждый чоловік мае який-си талант, то и я мал свой

талант — до музыки и до співу. Но што-ж с того, коли ку таланту треба школы, учителя, а для мене бідного того не было, так што и мой талант был загребанный в землю. Родиче померли, то я мушений был иди на службу малым хлопцом, а на службі кажут тяжко працювати, и Антоний працювал от маленкости тяжко, и зато остался малого росту. За молодых літ боліла го голова каждый другой день, його лице поблідло, як біла хустка, каждый мог познати, што Антоний хорый. Ковалька казала, абы Антоний мыл голову там, где сходятся три ріки вьедно, што то поможе. Но то не помогло. На старшы роки само перешло.

Антоний в свойом житю много потерпіл, бо он битися з никым не хотіл, хоц и за правду, покорный был, каждому уступал. Едного разу, коли пас худобу, притрафилоса му таке:

Было нас штыри пастухы. Наклали мы собі огня, бо была слота, зимняво было. Еден сиділ на камени, найближе коло огня, а потом пошел наверху худобу. А Антоний за тот час сіл собі на того місце, где он сиділ, хотіл загітиса. Коли тот вернул, то собі обернул бичиско грубым концом и ударил Антония по голові. Был там моцнийший от него, уж в роках паробок, Михал Ковальский, и он дораз зімал го до рук и кличе Антония:

— Но, Антоний, бер бичиско за тоньший конец и отдай му так само по голові грубым концом. Не бойся нич, я тя не дам.

Но Антоний не мал отвагы, бо он боялся, што тот го потом буде бити, а за сироту не заступится никто.

Померла Антоньови и мати, так што остался круглом сиротом. Приходит уйко из Білцаревы и заберат го до себе, як “свого”. А вы знате, як то родный знае “за своего” взяти. “Свому” уж не треба нич платити, “свой” будчым обыйдеса, а робити треба ліпше, як чужому. Так поводилося и Антонию у уйка. А барз ся му цло за родным селом, хоц там уж никого з його родных не было. Но он бы хотіл хоц своего сусіда видіти.

Едного разу выбрался уйко до Грибова и купил дві пары скорен, для своего сына и для Антония. Но скирні для сына были добры и паробочки с твердыма холявами, а для Антония купил скирні з мягкыма холявами, такы, як носят стары бабы. И Анто-

ний дуже на того розжалілся, бо он дуже веце працювал, як його сын Василь.

И выпросился раз Антоний с плачем отвидіти свое родне село и своего сусіда Д. Сыча. А там якраз про него службу: нашли, до чужого — 20 ринских плацы на рок. А о тыжден приходит за Антоньом уйчина и хоче го взяти. Но Антоний скрылся до причивка до соломы. И так служил Антоний у пана три роки.

В 1906 року выбрался Антоний в Америку и счастливо приіхал, до Монессен, Па. Перша його работа была в бляховні, а друга в “Питтсбург Стил Ко.”, в клинцовні, при машині. Дал му бос машину, при котрой Антоний натрапился дост, покаль научился роботу. Потом дали му 4 машины, потом 6, а потом 8. И там Антоний працювал 5 літ. Босове Антония любили, бо он тримал машину дуже чисто, коло машин было все чисто позамітано, и зцов го зато други хлопці не любили, бо и они мусіли машины чистити и коло машин замітати, але робили то лем так, облудно.

Потом Антоний достал роботу в Калифорнии, Па. при “Питтсбург Коул Ко.” И там получил гражданскы папери, тай оженился. А было то так:

Достае Антоний лист зо старого краю от односельчана Кохана, котрый пише так меж иншым: “Просил бы я тя барз красно, абы ты подал руку мойой дівкі и послал ей шифкарту, а як хочеш, то можеш оженился...” И так Антоний и зробил: послал Сандрі шифкарту и 20 дол. ку шифкарті, а коли она приіхала, то стал з ньом под вінец. И Антоний чувствовался дуже счастливым...

ПРИ МАХОХІ

(Пише СЕМАН ВОЛЧАК из Устья Русского)

То я вам опишу, яке было мое житя при молодой махoxі. И то всьо правда, нияка не байка. Мі было три роки, як моя мама померла, а молодшому брату Грицови было полтора рока. По першой мамі нас осталось четверо: найстарша сестра Марина, потом Михал, а пак я, Семан, и наймолдший Гриц.

Два роки по смерти мамы няньо оженился и взял собі молоду дівку Олену. И то бы-

ла проклята Олена, як она нас мордувала голодом! Я пас гуси, то мі не дала хліба, не то хліба з маслом! А сколько раз я был битый, и то цілком задармо. Што правда, то мачоха мя нигда не била, но наюдила няня и потом няньо мя били задармо цілком, так што я боялся хоц-коли дому прити, нераз без вечери спал в загаті. И так, мы діти по першой мамі зме бідували при той мачохі, голодували и не высыпалися.

Я вам ту опишу, як я ище гуси пас:

Мой небощик няньо и небощик брат ишли дырва різати под Бодньов лаз. В Бодньовом лазі стяли бука, а кльоцы поспушчали под лаз. И я пошол з нима. А там, знате, была вода дост глубока, такий вир, и там купалися пастуси. Та и я там хотіл купатися. Зоблюкся, пребачте, и вліз я до воды и хлюпамся при краю. А там дуже хлопчисков купалося, а поедны мали и коні, то на конях ся купали, бо то была велика вода. Тай потом я собі вышол з воды на пісок и гребу собі в піску. А еден газда мал коня, што го звали Бурик. Но тот газда был форкавий, то не выповіл Бурик, лем Булик. А тот Бурик такий мудрый был, што як му повіл: “Бурик, покаж фигля” — то вам так задом метал, што страх было ку нему приступити. Но и товды еден хлопец, а то был Гриц Гуретяк, с тым Буриком был в воді. А коли вышол з воды и ишол коло мене, то втял Бурика и гварит: “Бурик, покаж фигля!”... Як шмарил Бурик задом, та просто на мене и в ребра мя копнул так сильно, што мі зламал два ребра.

И с того часу я бідувал с тима зламаныма ребрами дас десят літ, бо о докторі або медицині даякой ани бесіды не могло быти. То я тяжкы муку претерпіл. Ту треба было пасти гуси, потом, пребачте, коровы, а ту я не мог дыхати. А найтяжше мі было, як треба было молоти в млинці. Не мож было отдыхнути, а ту мачоха кричит; “Уж ся ти не хоче молоти, га?!” — а ту я отдыхнути не могу.

И так я бідувал ціле своє хлопяче житя с тима зламаныма ребрами, но помаленкы якоси ся мі зросло само, и видите, ище жию дотепер.

Але лем послушайте, бо то ище не конец: Возили мы, пребачте, навоз, — або, як зовут, гной, — и я упал под воз и воз през мене перешол. Потом зас зме шли

орати, то зме везли на возі плуг, бороны, зерно и я зас упал под тот воз и зас през мя перешол.

И так я бідувал до пятнастого рока, а мачоха все на мя врала. Нациганит пред няньом на мене, а няньо мя били цілком задармо.

А тепер вам оповім, як я пас быки. И веце хлопци пасли. А было то за Поляном и быки пишли до ліса, до Бодньового лазу, и я пустился за нима и быки ся мі там пасли, по лісі, а я ходил коло них. И пришол я ку одному буку, а там коло того бука кости с козох, з овец. Позерам ліпше, а там дзура в том буку, дудла. Слухам, штоси там пищит. Розбил я каменьом векшу дзуру, так што аж сам ем ся вопхал. А там, знате, два волчата драпуться горі дудлом. Я хватил едно и вытяг го з дудлы и привязал на бич, и зас пошол по друге, хватил го за хвост и тягну. А оно выкрутилося и мене за руку. Два пальці мі прокусило. Так коли я го вытяг, то ем го с цілою силы пару раз бичиском праснул и оно ся звывертало. Я думал, што оно уж мертве, то-м го лишил. А тото живе взял зо собом. Выгнал я быки з ліса к другим и проваджу тото волча ку пастухам, як мале щеня. Каждый пастух просит, абы му тото волча дати. Я гварю, што там ище в лісі сүт волчата, а едно забите лежит, што ем го бичиском забил. Еден хлопец мя барз просил, абы я му показал, где, и мы пустилися до ліса ку тому буку. Смотриме, а тото волча, што я думал, же я го забил, жие. И так тот хлопец взял собі тото друге волча.

Коли мы привели тоты волчата в село, то цілу тоту ноч стары волкы были понад селом, што немож было вытримати.

Я свое волча продал за пят ринских, и як я ся тішил, же я такий богатый. А тот другий хотіл десят ринских и не продал. Тримал, тримал — волча подросло и втек-ло до ліса....

Але верну я ище ку своей мачохі: Так я працювал и пас быки и коровы, а все был голый и голодный, бо мачоха мі не дала ни лахы, ни хліба. По два и по три місяцы я хліба не виділ, хыбаль як дакто іл. Мушу вам повісти, пребачте мі за брыдке слово, и уши мя іли, як даяку скотину. Сам ем нераз в потоці в лісі свои подерты гачата райбал. Таке мое житя было

коло мачохы. Так што я собі и едну співанку на мачоху придумал и співал в лісі, а то таку:

Гей, я свою мачоху
Повішу на соху —
А зо сохы на-бука —
Най не бреше, як сука!

ПОЧОМУ Я БЫЛ МУШЕНЬИ ЛИШАТИ РОДНЫЙ КРАЙ

(Пише карпаторусский эмигрант
от Мукачева)

Я из той части Карпатской Руси, где тепер над нашим народом пануют мадыаре, а над ними пануе Гитлер. Як наш народ от віков был в неволі, так и тепер, послі 20 рочного чехословацкого панования, знов попал мадыарским панам до рук, котрых наш народ страшно ненавидит.

Я тямлю, коли я ходил до мадыарской школы, то мой отец мені говорили:

“Ож кебы мы принадлежали до России, то мы бы могли свои діти учить по-руськы...”

Мой отец дуже любил русску бесіду, русску книжку, хотя сам не знал читати. Но чул, што то ест наша русска краина велика. Так мой отец и там умер, коли был взятый тяжко раненый в плін в минувшу світову войну.

Коли пришла страшна світова война в 1914 року, я был товды хлопец 12 літний и пас коровы на хотари. Чую, в селі звонят, и то так в едно кресо, як на огонь. Бо у нас в краю, кедь дагде горіло, то звонили в едно кресо. Я позераю, думаю, где горит. Лем раз чую, моя мама страшно плачут и заводят. Думаю, думаю: “та то певно наша хижа горит...” И почал я страшно коровы гнати ку домови. Но не вижу ниякого огня. Лем раз една сусіда наша иде и каже:

— Твой отец мае идти на войну...

Я товды ище не так почал гнати коровы дому! Думаю: “кобых лем ище застал своего отца дома...”

Пригнал и нагнал коровы до хліва, смотрю, а няньо стоят на дворі. Но ничего не годны говорити. А мама страшно плачут, так што никто не може их утишити. Я так само плачу. Сусіде зышлися, всі плачут, так якбы мого няня на цминтар везли...

Зобралися, идут. Но не мож было утишити мою маму ничым, ани нас дітей, всі мы страшно плакали. Мы были малы и было нас четверо. Я был найстарший, а найменьшее няньо несли на руках.

И так няньо пошли до Мукачева, где пробыли 6 дней, а послі выслали их на галицийский фронт бити “москаля”. На том фронті пробыли от 1914 до 1917 року. В страшных битвах отдыха не было. Писали нам, ош кобы их уже раз убило, ибо дуже ся мучат на фронті. Мама вічно плакали, но то не помагало нич. Мадыарскы жандармы ходят по селах, мучат, ци дакто не сказал якого слова, ош Россия выграт войну. Як дакто дашто такого про Россию сказал, то взяли и нигда уж не пришол дому...

Мы из рока на рок подрастали. Доста мы наслухалися о “москалях”, и мы бы дуже рады видіти, што то за “москалі”, што то за люде, што наш отец мусит их бити. Еден раз рано я встал, а мой брат меньший пошол с коньми, бо у нас были два коні маленькы, што зме орали, возили дрова, вшитко зобили. Та брат заял тоты коні на паствиско. Лем раз прибиг дому и кричит на мене:

— Пойд скоро, я нашол “москалюв”. И я, як лем скоро можу, так біжу “москалюв” видіти... Приду там, где они сиділи, смотрю, а то были русскы военноплінны, котрых мадыаре мучили голодом, то утікали с пліну назад до России через Карпаты. Было их штырох. Я подслухую, чую, говорят по-руськы. Так мы оба показалися из-за дерев тым русским военноплінным и почали говорити. Коли мы уже розговорилися з ними, то мы им росповіли, ош мы думали, што “москалі” з рогами, або што то якое чудо. А они нам потолковали, ош за што они бются (бо в России была уж революция), а за што наш отец. Мы побесідували и розышлися. Пришли до дому, повіли мамі. А мама кажут:

— Идить скоро назад и повічте тым людем, абы пришли до нас на вечерю. Я зроблю вечерю, а вы им скажете, як мают придти...

Так мы пошли назад и говориме тым людем:

— Як буде темнитися, та прийди до нас. Наша мама хоче, абы вы мали у нас вечерю, та будете годны дале идти. Но они кажут, ош може мы их хочеме дати мадыар-

ским жандармам. Мы заклилися, што ніт, и они повірили. Коли почало темніти, они пришли, наша мама наварили добру вечерю, але дуже плакали, што нашого отця нема на той вечери и давно дому не писал.

Так коли тоты люде повечеряли, то хотіли платити, но мама не приняла нияку плату, а ище им дали, што могли, на путь. Тоты люде нас поцілували и пошли. А мы плакали за ними, бо мы их дуже полюбили тых “страшных москалюв”.

Наш отец попал в плін в Россию раненый и там помер. Коли война закончилася, то я мал 16 роков. А знате, што в краю, як мае 16 роков, то уж мусит робити за хлопа. Так и я уж считался дорослым чоловіком и газдом. И так мы почали газдовати. Но наше газдовство было дуже нужденне. Доокола нашой хижи землі добры, лісы великы, но што с того, вшитко панове, графове, там не ступ, ту не пуст.

Настала Чехословакия. Но зміны ниякой. Там жий, где твой отец жил. А нас четверо дорастат. Я почал думати, што як то може так быти: мой отец войовал и отдал на войні свою жизнь, а зашто и за кого? Казали, што за “наш край”, а я не маю где и с чого жити, немож ни дерева взяти, ни ніт где посіяти, ни посадити, ни пасти. Пойдеме и возмеме дерева з ліса, на другий або третій день уж панскы гайники ту, уж глядають. Як найдут, то треба коня продати, абы пану заплатити кару.

Пошел я на заробок, дрова різати в панском лісі на сягы. Том робил цілый тыждень и заробил 100 кч. за тыждень. Пошел я до Мукачева, то за тоты грошы я купил таке, як ту “джекет”.

Пришол час, треба было иди до чехословацкой армии. Выслужил я два роки в чехословацкой армии, пришол дому, но життя дуже скудное. Землі доста, но панова, як и за мадьяров. Так я думаю: та туй нее нич нашего, вшитко панское, и воздух панский. Думаю собі, выслужил я в армии, то я иду на окресный уряд, най мі дадут роботу, абы я мог жити. Пришол я на окрестный уряд, кажу им, штобы мі дали даяку роботу. А они мі кажут, ош они не мают работы для мене, они мают доста своих людей. Я звідую: “А я чий? Таж я выслужил в армии, мой отец отдал жизнь на войні. Та чом я днес не маю ниякого средства до житя.” А

он гварит, што я коммуниста... На, маеш!

Думал я, думал, и иншого придумати не мог, як мні жити, лем што треба мні лишити свой Родный Край иди до Америки. Пошел я до нотара, абы мні написал паспорт. А он смієся из мене и каже, ош до Америки никто не иде тепер. Я му кажу, што як я можу ту жити. А он мні каже: “Ты собі жий, як хочеш, лем нам плати, бо мы хочеме пановати, а вы мусите слухати.”

Паспорта мі не дали, так што я выбрал собі “домовский лист”, тай іду до Америки. Кажу мамі. Мама плачут, кажут, што отец пошел и не вернул, а тепер я хочу иди. Я мамі толкую, яка тому причина, што я мушений иди гет зо своей родной землі и хижи. Я бы не любил лишати свою маму, своих братов, свою сестру, своих товаришов, но якже мы четверо будеме ділити на штыри части наш “маеток”? Як мы можеме выжити? А коли я пойду до Америки, зароблю грошей, купиме собі больше землі, выплачу братов и сестру, так можеме жити дале.

Коли я так мамі вытолковал, то мама согласилася и я почал збератися до Америки. Продам я тоты два маленькы коні, што мы мали, за 4 тысяч кч. Но того мало. Пожичил я 6 тысяч кч. Кажут жида, што за 10 тысяч уж мож зайти до Америки.

Было то в 1924 року, коли я пустился крадом до Америки. Приіхал я до Прагы, потом до Карловых Варов. Жида мали яких-си знакомых, што нас перевели до Німецка. Бо таких як я было больше. А коли перевели нас до Німецка, то нам казали иди тепер, як сами знаеме.

За тыждень мы доіхали до Гамбургу. Приходиме мы там, а ту полно євреєв из Подкарпатской Руси, очекують на шифу, якбы ся достати крадом на шифу, бо иначе немож. Мои два товаришы вернули дому. Но я назад дому не иду, бо ніт пошто иди, ни коней, а до того долг. Хотьбы пришло ту умерти, то дому не верну.

Так што я перебыл в Гамбургу 6 місяцев, а не удалося крадом на шифу сісти. Грошы розышлись, я остал голый. Мама посылають телеграмму, абы я лем вертал назад дому, абых не дбал за грошми. Мама думали, што я дагде погину, або покончу сам зо жинев. Но я терпіл. Послал я телеграмму знакомым до Америки, абы мі загнали 200 долларов, и они так зробили, и я дале в Гамбург.

гу чекаю. И коли ми уж с тых грошей стало лем 120 долларов, ми удалось достати роботу на шифі. А за тоту роботу я заплатил 100 долларов, и я был дуже с того задоволенный, потому што іхал до Америки. И робил я на шифі, доки она не пришла до Сент Джан, Канада. Там я зышол зо шифы и пробовал перейти до Америки, ку своим знакомым.

Сколько я біды перетерпід за тот час, то никто не знае. В Германии майже каждый день был в темниці, што не маю паспорта. Все мя хотіли депортовати до Чехословакии. Треба было платити.

Пришол я ту до Америки, слова не знаю сказати, не розумію языка. Помалу я научился розуміти. Но я хотіл бы вернути до своего Родного Краю, бо я люблю свой край, свою родину. Но як я верну, коли там, што было, то и ест панское, а народ померат з голоду. Зато я был мушенный опустити свою родну землю, где мене моя мама выколысала.

Не зато я пишу, што так лем зомнов было. Я знаю, што нас ту ест тысячи таких, што так тяжко лишали свою родну землю, где их стара мама остала, и братя, и сестры, и товаришы. Плаче стара мама, хотіла бы увидіти свою дитину, но ци увидит?

Так кто тому виноватый, што мы мушены были опустити свою родину крадком и бідувати по світу, глядати того куска хліба далеко, коли у нас його доста. Но што-ж, коли наш народ мушенный там носить на своих плечах грофов и их панов превелебных. Паны превелебны женут грофам воду на млин, женут наших отцов, братов, товаришов на войну. Иди, бийся! А за кого? За пана, за панску власть, за панске право, за свою неволю. По войні пан остал дальше паном, а Иван дальше рабом. Иван не значит нич у пана, ани столько, як панска марга.

Наше село 100 нумеров, бідное. Но коли пришол в наше село пан превелебный, та на єдном возику го привезли. А коли ишол от нас, то 20 возов го вывозило зо села, а худобу, коні, свині гнали за ним. А то всьо Иван пану наробил, всьо то был селянский труд. А коли чоловік дашто сказал, то пан на него:

— Кедь не будеш тихо, то достанеш от мене або от мадыарского жандарма.

Я увіренный, што приде час, што и наш

народ в Карпатах буде свободный от панов и каждый буде братом еден другому. И мы тогда вернеме на свою родну землю, як братя родны.

Як наши родны узнали, што тот “москаль” не з рогами, а их брат, так они уж узнали, што им не треба битися за панов, а панов треба бити и освободитися от них. И они освободятся.

Я хотіл написати дашто за наше селянске життя в краю ище перед первов войнов. Правда, я много не тямлю, но што мене боліло, то я добри тямлю. Найперше я тямлю мадыарску школу и учителя мадыара, Курака Виктора. Он нас нич не учил, лем співати по-мадыарскы, а зато казал собі робити. Діти мушены были всю роботу для него зробити. В зимі треба было му з дому дерева принести, потом дерево порізати, воду принести. А он жил у попа. Поп учил нас катехизм, то нас дуже бил и называл всяко по-мадыарскы. Його учение религии было дуже бру-тальне. Мой брат не был в мадыарской метрикі записаный, и коли приходило йому ийти до школы, то няньо просилися попа, што им робити, бо им бы придался хлопец дома пасти скотину. А поп каже, што он не подаст хлопца до школы, што он не мушенный до школы ходити, што он зробит няньови стілько доброго зато, што няньо го возят своими коньми, где треба. И так няньо возили попа зато, што он хлопця до школы не подал.

Перешло три roky, и треба было вотовати на якогоси кивета. Пописко хотіл быти киветом, а няньо не вотовали на него. Тогда он дуже погнівался и записал мого брата до школы. А мой брат был уже больший от других дітей с першого року и малы діти почали сміятися з великого хлопа. И мой брат оборонялся от тых дітей, як мог. Коли то увиділ учитель, то так збил брата, што не мал силы встати зо землі, што я плакал над ним. То така то была наука в мадыарской школі. И брат не хотіл ийти больше до школы. Но учитель Курак выслал мене за братом и я го припровадил до школы. Но коли тот звір увиділ мого брата, то кинулся на него и почал го знов так бити, што всі діти в школі плакали. Брат зобрал всі силы, вырвался тому звіру с пазур, утік до дому и больше до школы

не пошол. Коли я або няньо вспомнули му за школу, то ся так тряс, як рыба. Я просил няня, абы му дали покой, бо кед го приведут назад ку тому звірови, то он го на смерть замучит. Так што мой брат остался без школы, не знае, што еден або два. Няньо платити штроф, но до школы брата нагнати не могли.

В яр нас выганял учитель на попову землю каминя зберати, гнѣй розметовати. Раз учитель высылал мя на трете село за мясом, а была велика вода, што позрывала мосты, то мама мене не пустили. Коли я пришол до школы, то он мене зато страшно збил. Але того му ище мало было, то он вернул мене из 3 до 2 клѣссы, хотя я знал все вшитко, што он мене спрошовал. А пан превелебный был такий самый звѣр, так само бил дѣтей в школѣ. Раз он мѣ казал, абы я йому фурцаковал овес. То было в осени. Я обертал фурцак, што чистит овес, лем раз пановы свинѣ пришли и вложили свои рыла в овес. А пан на мене и ударил мя с цѣлой силы. Я не кажу нич, а пан не лем бѣе, але и называт мене паскудныма мадьярскима словами. Я был наученый так, ош пан такий, як и сам Исус Христос, и он не грѣшит. Аж ту пан превелебный такы слова говорит, як свинар. Коли я пришол дому, то кажу мамѣ, ош то не може быти, абы пан был божий слуга, як он так лае. А мама кажут, ош он лем товды так як Христос, коли рѣзы на собѣ мае. Но я не вірил больше, ош поп святой и може менѣ грѣхы отпустити. Я увидѣл, што он больший грѣшник от мене. Но мама вірили, што поп сказал и постили больше як половину дней в року. В постѣ мама напечут колачов, несут попу на службу божу. А я бы так зіл колача, што аж мя очы болят. Кажу мамѣ, ош бы мѣ дали еден колач. Мама кажут, ош то на святу службу. Я кажу, што я не вірю, абы Бог выслушал молитву такого свинаря. Тогда я достал от мамы по гамбі.

Приде літо, мама идут до Повчи на отпуст. И няньо часами, но лем едно могли з дому ийти. Зберутся зо села много и почнут співати: "О, Марие, о, Марие". Заберут грошы, кто што мае на жертву и идут пішо за цѣлый тыждень до Марія-Повча. Тѣст Марія-Повч был далеко на мадьярах. Коли мама вернули с такого отпусту до дому, та кров текла из колѣн. Я звѣдую, от чого то, а мама

кажут, што одну ноч обыщли Повчу чѣтыри раз на колѣнах. Повѣдают мама, што там ест чудотворный образ Матери Божой, котрой лице мѣнятся. Коли дати грошы, то ей лице веселе, а як не дают грошы, то лице ей смутне, а з очей слезы капкают. То так паны превелебны обманюют бѣдный затемненный народ. Такы то паны.

Та Бог того не хоче, абы еден был паном, а другой хлопом, абы еден чоловѣк над другим пановал.

Наш народ в Карпатах занимается наибольше земледѣліем. Но по наибольшей части нашы люде мают дуже мало землѣ. Мало кто мае больше землѣ. Тоты, што мают больше землѣ, считаются газдами, и они все напередѣ в селѣ, они почитают себе счастливыми, от других, што не мают столько землѣ. А тоты, што мало землѣ мают, уж лем так живут з дня на день. А тоты, што не мают ничего, то идут лем так по заробках вѣчно, до еврейов идут, до мадьярских панов, а як были чехы, то до чешских буржуйов.

Напишу я о одном таком заробку, где наш народ ходил аж до 1918 рока. То было Мезе Гедеш, в Мадьярщинѣ. Там ходили нашы молоды люде каждый рок робити на мадьярских панов. Шли на роботу на 6 мѣсяцов, на цѣле літо нашы молоды карпаторусскы хлопцы и дѣвчата. И дуже тяжко там працювали за малу плату.

Каждую зиму приходили и записували на такую роботу. Выбрали собѣ одного з нашего народа, котрого звали "газдом". Тот "газда" мушенный был знати добри по-мадьярскы и быти вірным панским слугом. Он мал под собом около 300 молодых хлопцов и дѣвчат. А коли припровадил их там, то пороздавал их мадьярам по 20, 30 и 50.

На такой работѣ и я был в 1918 року. В зимѣ 1917 року я просил маму, абы мене пустили на тоту роботу, и я записался. В яри 1918 року треба ийти. Идемѣ. Пришли до Иршавы, што коло Білок, сіли на поїзд, пришли до Берегсазу, там нас дали до таких вагонов, што свинѣ возили, и везли нас, як худобу.

Приіхали мы на мѣсто, то нас нагнали спати до маштальнѣ, где панска худоба зимовала. Наметали соломы на загноену землю и спий, работнику. Знате, як было дальше: народ упрѣл от работы, нѣт где скупатися, ни выпрати нѣт часу, ни нѣт где, так што

“птица” обсіла нас и ціле літо грызла. Робили мы от ночи до ночи, по 16 годин. Ище з яри не было так зле, но як пришло літо, то день великий, а роби и роби от ночи до ночи, бо мадьяре бют так, як лем можут. Як были нашы хлопці вьедно по 10 або 15, то не сміли бити, бо хлопці поставилися. Но як еден або два, то били, и дівчат били. Еден раз мы робили на пановой землі, пололи ріпу, то една дівчина якоси лишила бурян. Як то виділ мадьяр, то як ей почал бити, то мы думали, што ей на смерть убье.

Што нам істи давали? То на каждый день дали нам по маленькому хлібкови, дас фунтовый был. Тот хлібок мы достали на рано, а до него нич, лем децо паленкы, а то, штобы задурити чоловіка. На обід привезли за нами якоси зупы и крумплей с капустов. И мы всі десят з одной мискы іли. Каждый мал мати ложку свою, и каждый стал на коліна и сербал из той одной мискы. Не было там в той зупі ни куска мяса, ни ничего дуже, даяка крумпля або ріпа. Спочатку сербали лем воду, бо кто на сподок за густым сяг, то дораз от другого ложком по голові достал. Аж як высербали воду, то мож было істи густе на дні. А вечера така сама была.

А найгорше было, што не было часу спати в жнива, бо мы робили и ночами, коли місяц світил. Та дакотры доробилися так, што посліпли, то ест достали полуды на очи, што не виділи нич в ночи. Коли зме шли с поля, то таких треба было вести. Потом пан приказал, штобы такы, што не видят, остали дома.

Наш народ дуже трудолюбивый и паны тото трудолюбие нашего народа дуже wykorzystуют для себе. А задоволится наш народ дуже скромном поживом.

Едного разу, коли мы іли обід, пришол ку нам найстарший пан видіти нас. Смотрит на нас, а мы іме, як пацята, десят з одной мискы. Мы сербали ище лем зверха рідкое. А пан каже, абы мы замішали зо споду тоту ледварку. Мы замішали зо споду, то так тота зупа ударила пану в його панский нос, што утк от нашой мискы. Он, тот головный пан виділ, як нам дают істи и утікал от того, но нам зато ліпше не было.

Я мал тогды 16 літ. Там были дві кляссы — перва и друга клясса. До первой кляссы належали дорослы хлопцы, а до другой хлопці и дівчата. Я належал до первой кляссы, бо у

нас, кто мал 17 роков, то ишол на войну. Было и пару старых людей. Коли пришло косити, то мене дуже руки от косы боліли, и косу я на брюху операл, но я держался. Думаю часом, ош я ту умру. Што там една наша дівчина зробила через день, то американка лем бы на тоту роботу цілый день смотріла, то бы так змучилася от того, што не годна бы придти до дому на вечерю. Нашы молоды люде робили там так тяжко, што немож описати. Были там и словакы, котрых мадьяре называли “товт”. Нас называли “рутен”. Но словакы держалися вьедно, то мадьяре, панскы слугы, не сміли их так бити. А нашы, як виділи, што бье мадьяр дакого з нас, то ище сміялися: “так му, або ей, треба, бо непотребный, або непотребна”. Там мож было каждого видіти, як он стоял за свой народ.

Была там у папа загорода велика, сад, то кто бы осмілился урвати даяку одну вишню, то панскы слугы такого чоловіка бы убили. Раз я ишол з едным своим товаришом, и тот не годен был вздержатися, абы не урвати дві черешни. Як то панский слуга увиділ, то пустился за нами, но мы поутікали. Но он нас познал на другой день. Пан закликал нас ға свой офис и дал нам за тоты дві черешни по дві палицы, а такы, што ище и тепер их чую. И каже нам, што на другой раз його слуга нас застрілит, як мы одну черешню рушиме.

Наконец, коли мы переробили літо, то тоты с первой кляссы подоставали по три метры шпеницы и по 100 мадьярских корун, што дуже мало тогды вартали. Каждый рад был, што буде мати білу муку, білый хліб дома. Коли я пришол дому, то мама были рады, што я вернул здоровый. Тогды той осени был конец войні. Што я достал тых 100 мадьярских “злотых”, то пошол до Мукачова и купил собі боканчи военскы. То были такы з гвоздями, што мали воякы на итальянском фронті, в горах. Были дуже тяжкы, важили дас 2 кильо. Дал я за них 70 золотых, то мі остало 30. Тых 30 не знаю, куды пошло. И туй заробок за ціле літо.

Многы нашы крайне были там, и знают, што то всьо правда. Но многы и тепер говорят, ош там было добре, бо заробили собі хліба и на платя. А я не могу согласи- тия с таким добром, штобы молоды люде

спіли от работы за тот кусок хліба. Я все любил правду, а обманство, кривду, притиснение ненавиділ. И днес я позераю, где правда, а где кривда. Я за тыми людми, што голосят ровность, братство, народне единство и борьбу против всяких угнетателей и выкорыстувателей робочого народа.

ГР. ЛЕНДЕЛЬ.

СЕЛО ЯЛИНКА

(Пише АНДРЕЙ СКИРЧАК)

Хоц мое село Ялинка барз маленьке, ма лем ледво 30 нумер, але зато оно найкрасше

село на цілу Маковицу. Мено нашому селу дали с того, што в той долині, на якій оно стоит, колиси стоял глубликий яловый ліс. Річка, што тече през Ялинку, выплыват такой в нашом селі зо жерела с под поляны, и стікат до ріки Ондавы в Никльові. До старой чехословацко-польской границы нам лем штыри километры.

Ялинка недалеко до битой дороги, што провадит з Бардио́ва до Свидника. Гора, т. з. Ялинский верх покритый на вершку бучином, а убочы смеречином. Решта лісы доокола села мішаны. Лісы належат селу. Село купило ище деси по панщизні. Ліс служит лем для ужитку села.

Ялинка недалеко до битой дороги, што провадит з Бардио́ва до Свидника. Гора, т. з. Ялинский верх покритый на вершку бучином, а убочы смеречином. Решта лісы доокола села мішаны. Лісы належат селу. Село купило ище деси по панщизні. Ліс служит лем для ужитку села.

Найбогатшы газдове маю́т по 5-6 осмин землі, но велике большинство газдов лем по 3-4 осмины. Даколи у нас орали и верхы, а тепер орю́т лем долины. Вызерат, як бы даколи у нас ве́ще народа в селі было, што мушены были и верхы орати. То певно пред емиграциом в Америку, бо пред первом войном половина села была уж в Америкі. Земля у нас дост урожайна, як добри спрогноити. И садовину Ялинка ма́е пре-красну.

Школу Ялинка ма́е державну, выбудовану в 1934 року, стояла 130 тысяч чешских корун. Школа красна на околицу, лем-же ді-

тей мало, около 40. Учитель спочатку был словак, потом Б. Мыдлик, русский, а тепер який-си емигрант галицкий украинец. Корчмы в Ялинкі не было, ани ніт.

Церков побудована в Ялинкі в 1704 року, тот рок вирізаний на головному дереві при олтарі. Церков належит до "св. Покрова", тогды в Ялинкі кермеш справляю́т. Звоны для церкви куплены за американскы грошы, што ялинчане з Америки прислали.

Весі́ля справляю́т у нас з лемковскыма церемониями, стары обычаи тых весі́ль ялинчане дуже любя́т. А співанкы у нас співаю́т такы, наприклад:

"Мила мене не хотіла
За другыма все смотріла —
Будеш мила банувати
Як не будеш мене мати...

Кукурица листята
Шумна дівка богата —
Ище красша худобна,
До работы способна.

* Бідне дівча червене,
Подождий ты на мене,
Кукурицу зожнеме,
Женитися будеме.

Не орю не сію
Само ся мі родит —
Таку фрайрку мам —
Сама ку мі ходит...

Фрайречко Зуско
Подай мі яблущко,
Роскрой го на двое,
Зіме обідове...

Співаночки мои,
Где я вас подію —
Выйду на поляну,
Там я вас росію...

По лісі дубовым,
Листю яворовым —
Там я вас росію,
Співаночки мои...

* * *

Товдыль я, Яничку,
Товдыль буду твоя,
Як на вашом столі
Выросне тополя...

Тополя виросне,
Магаран завітне —
Товдыль мое личко
Ку твому прилипне....

* * * *

Нашы люде з Маковицы часто гварят, што они не знают, што то лемкы, што они русскы. Та правда, што русскы, но лемкы, бо хоц мы бесідуеме по-русскы, але по лемковскы по-русскы. Я о лемках чул с дитинства, лемками назвали нас учены люде, и называют нас, для означения того русского народа, што высуненый гет на запад меж поляков и словаков. И мы маме быти горды на свой лемковский народ, што он заховался русским за такы долги вікы в чужой неволі. Я не член Лемко-Союза, но я признаю народну науку той нашої организации и предплачам и читам газету "Карпатска Русь". И мои родиче добри розуміли, што наш народ по угорской и галицкой стороні тот сам народ, и они нашлись через границу и поженилися. Мой няньо пришол из села Нижной Воли, из галицкой стороны до Ялинок и поженилися з мамом. Тогды ище Мадьярия у нас была, но они уж обое знали, што они еднакы руснакы лемкы, полюбили и поженилися.

З Ялинок мои родиче выіхали до Америки, и я родился в Америкі, но за малу взяли мене родиче до Ялинок и я там вырос, так што Ялинка для мене як бы родне село, я Ялинку и свой народ дуже любил.

Там в Ялині за малу я пас коров, а коли ем вырос, то я занимался столярством и тепер хоц-што таке можу зробити, што аж бы сте ся зачудували. Лем читати и писати я не знал, ани латинком, ани по-русскы, бо мене пан не мал в метрикі записано, то о мі не знали. А мама были рады, што я до школы не мушу ходити, бо буде кому пасти. Я любил ходити в поле с коровами, поспівал ем собі маленько и мериндю зіл и домив коров пригнал, але як я вырос, то ем не знал ани свое имено написати. Тогды я пришол до голы по розум, што мі треба буде в жи-

тю знати писати и читати, бо неписменный чоловік цілком сліпый. Итак взялся я сам до работы над собом, заходил ку другому, просил мі показати. Так я научился писати латинком, а потом и русским писмом.

В перву світову войну наше село Ялинка не было знищено, хоц гранаты понад Ялинку літали. Лем шиткого дві хижы были розбиты в нашом селі в часі світової войны.

* * * *

История зо житя в краю, яку я запам'ятав, то была така:

Пан превелебный и учитель пришли за мною и пан превелебный гварит:

— Андрию, идеме хоронити маленького цыгана до Вильшни. Та ид, Андрей, до церкви и принес кадило и кропило, а начиня на воду я прийню.

Але я кажу:

— Пане, та мы не маме свяченой воды...

— Лем ты ся с тым не старай, Андрию, — гварит пан. — Мы по дорозі найдеме воду...

Идеме мы, а пан видит млаку и каже мі зачерпнути воды с той млакы до начиня. Я гварю, што вода брудна, зо жабами, то як таком водом будеме кропити помершого. А пан Мыдлик гварит:

— То нич, кед лем вода.

И я одопхал синих головачов и жебери-ну, жабы сами утекли, и зачерпнул той воды. Коли мы пришли, то цыгане уж на нас чекали пред своим хижком з березовым крестом. Як нас узріли, то всі попадали на землю. Коли почал пан превелебный Мыдлик кропити том водом помершого, то ся так дусил зо сміху, аж ся на ним порткы трясли...

Ту бідны люде плачут за дитином, а пан превелебный, християнский учитель смієся над бідныма людми и над християнским обрядом, йому весело, што заміст свяченой воды, он кропит помершого брудном водом.

От того часу я не можу свячену паску істи, бо мі приходит на мысль, што и паску може кропили таком брудном водом.

ШТО Я СОБІ НАЙЛІПШЕ ЗАТЯМИЛА

(Пише МАРИЯ ЛОБАНЦ, родом из Стебника, Пряшевска Русь).

Найліпше затямила я собі зо старого краю день перед Риздвом, котрый называют святый вечер. Тот день люде дуже постили и щиро Бога молили и винчували собі. Молили Бога, штобы могли мати у панов ласку, а у людей приязнь. Но але они зато и так ласки у панов не мали, а приязнь меже собом люде сами розбивали.

Наше село Стебник не велике, в 1920 року было лем 100 нумеров. Але зато у нас был прекрасный панский фольварок, коло него прекрасна велика загорода-сад, где росли прекрасны овочовы дерева и была все масса садовины. Но найвеце там было яблоч. И тоты ябка там в панской загороді появились на сам перед и были там аж до самого остатку, так што уж яблок нигде не было, а там их было дост, так што аж гнили и на яблонях и попод яблоні. Але сельской дитині не слободно было оттамаль ябко рушити, бо то были ябка панскы. А коло улиці в той загороді росли каштаны. Тоты каштаны немож было істи, але сельскы діти любили бавитися тыма каштанами. И хоц их было полно по землі, но сельской дитині не слободно было подняти тот дикий каштан, бо тот каштан был панский.

От той загороды до дороги был великий зеленый травник, но але на тот травник не сміла ступити сельска живина, сельска гуска, бо як ступила селянска живина або гуска, то дораз была заята в панском фольварку и с тамади ей уж трудно было выйти. Так што як там пошло на тот травник дас пят кусок, то едной не было дост, абы штыри достати назад. По другой стороні дороги были буйны зелены лозины. Но але газдови с тых лозин не мож было прут врзати. Там в тых лозах росла буйна, мягка, зелена коприва, не така, як попод нашы плоты, што ей солнце выпекло, што она нас уж здалека пекла. Тота панска коприва мала лем тельо солнца, што ей было треба, и росла собі в вогкости и холодку, то она была буйна и мягка, таку любила живина. Пану тота коприва не была потребна. Но бідной селянкі не слободно было взяти

жменю той копривы, бо она належала до панов.

Нашы селяне не могли едны у других мати великой приязни. Хоц наше село не было велике, але зато хижи были близко, една коло другой. А было и так, што были два газдове в едном дворі. Тай зайде кура в сусідову загороду, погребе грядкы, и уж ненависть, уж ніт приязни. Начинают жены білити полотно, уж ся вадят, бо тота хоче мати велику рин и тота хоче мати велику рин, а то ніт где, бо вшитко в купі пристерают полотно. На рин вийде гуска, ступит на сусідово полотно, уж звада. Идут сусіде на поле орати тоты узкы смужкы, уж ест звада. А возме им больше часу тоты смужкы розмірять, як зорати. Так само, як вийдут косити траву. Вийдут всі трое сусіде, то им тіж бере больше часу розмірять тоту свою лучку, як скосити. А як вийде косити вышний и нижний сусід, а тот середний не вийде разом з ними, то тот уж потом скоро свое скосит, бо он уж не ма што ани мірять, ани косити.

Вірили ище у нас люде и в такы байкы, што кому перший раз кукучка закукат, а мае тогды при собі грошы, то все буде мати дост грошей. А кому закукат при тяжкой роботі, то все буде тяжко робити. Так што люде брали зо собом грошы, покаль перший раз им кукучка не закукала, хоц лем пару центов носили зо собом. Но и так никто грошей не мал, а каждый робити тяжко мусіл. Правда, што были у нас и такы, котрых николи кукучка не могла закукати в тяжкой роботі, а з грошми, то она их все закукала, бо они грошей все мали дост. Та и роботы мали, но они зато не робили нич, бо роботу их бідны за них зробили. Взяти хоцбы и тых, што мали фольваркы, то они мали поля велику кригу, але мы им того поле обробили, засіяли, посадили и собрали за марну заплату. Або паны превелебны: они тоже мали роботы дост на своих полях, но они той роботы не робили, бо мы про них зробили всьо задармо. Мы робили про наших панов превелебных примусово. И то треба было робити от світу до змерку, бо пан превелебный стоял роботникови за хырбетом и подганял, як коня. Он роботника не пожаловал, што то бідный чоловік, може он голодный, може його діти голодны, а он мусит так для него тяжко працюва-

ти. Хоч они не знали, што тяжка праца. Но наш пан превелебный мушений раз был итти зо слугом по дрова до ліса, то он товды ся дознал, што то ест тяжка праца, бо коли приклякнул на землю подрізувати дерево, то сказал, што кого-си Матка боска покаре за його посвящаны коліна. А то было так:

Парафия уж не хотіла того пана превелебного, и парафияне думали собі так, што як они му дров не привезут, то може он ся забере с парафии. Але он зо слугом навозил собі дров и дале сиділ. Итак, парафияне придумали ище дашто горшого: пришли раз в ночи и повыбивали на фарі вшиткы выглядывады. А то уж товды было дост зимно. Парафияне думали собі, што як му буде дуло на фару и буде зимно, то он ся забере. А он дал выглядывады повставляти, а парафияне мушены были заплатити, и сиділ собі дальше. Бо як йому было не сидіти в такой доброті, в таком богатстві, столько найліпшого поля, котре люде мушены были обробити. А до того и грошей дост дали и дост своего зерна. Мал дві парафии. Пришла осінь, то каждый газда мусіл дати корец жита и корец овса. Приіхал в неділю службу служити, то требало дати вязан сіна и мішок овса. Приходил Великдень, то костільник зашол от хижи до хижи з великим кошом и каждый мусіл дати по 12 яец пану превелебному. А у кого не было яец, то мусіл заплатити таку ціну, по какой были товды яйца. Пришла задушна суббота, каждая газдыня мусіла дати миску пшениці. Як не было своей, треба было купити. Тота пшеница мусіла быти чиста, як злато. А до того треба было дати на тот день великий хліб, и то мусіл быти с питлюваной муки. Он потом тым хлібом коней и свиней годовал, а діти дома то бы такий хліб за паром потягли. Як пекли тот хліб, то по хижи пахнул, не так, як то, што пекли про себе з ярцу на половину з овсом, а третина омылку и куколю. Тот или діти, а пшеничный питлюваный половы коні и свині.

Коли дівка выдалася, то отец духовный о тыжден мал ей перевести през церков. Требало зато заплатити 50 центов и фалат полотна. Як жена мала дитину, то также отец духовный ей выводил в церкви, и за то также треба было дати 50ц. и фалат полотна.

Но и якже им не могло быти тяжело итти с парафии?

Там коло нас вшиткым панкам добри было, зато вшиткы здівалися над нами. Ажи словакы знущалися над нами, бо наше село было меж словаками. То словакы над нами дуже знущалися, каминьом за нами метали и прозывали нас закуренными руснаками. А найбарже знущалися над нами тогды, коли были выборы. Выборы были, як и ту, лем то инакше шло. Там лем все были два кандидаты, и лем все тоты самы. Еден был мадьяр з найвекшых богачов, а другой был бехеровский поп. А не голосовали тайно, так як ту, лем голосно на дворі. А кандидаты ся на то дивили и рахували свои вота. И котрый мал меньше вот, то зараз высылал своих слугов по селах, абы привозили тых, котрых там не было. То іхали на друге, третье и четверте село и брали хлопков и везли их и дост добри платили. А бідный не знал, што он вотеу против себе. Я памятам, як пришли раз до Стебника за старыма хлопами, што они уж не могли итти вотовати, бо были заслабы. Еден хлоп был так хворый, што лежал в постели, то го взяли с постели и повезли там, гдє им го треба было. И так люде сами себе продавали панам, котры ся потом знущали над бідным народом.

Я памятам, як запалился фольварок в нашем селі. Было то в неділю, зараз пополудни, так што люде не хотіли итти гасити оген, бо свято. А што фольварок был кус подальше от села, то не грозил оген селянским хижам. Но лем што тот оген ся начал, а ту зараз зо Зборовы насходилося панков и подпанков, жандармов полне село и сикалок полно зо собом навезли. Бо в нашем селі не было ани сикалки. Жандармы розлетілися по хижам и гнали народ гасити фольварок. Но але як горіла бідному хижам, то никто нич ся не старал зо Зборовы. Прискакал даякий панок на коню посмотрити, ци фольваркови оген не грозит. Для селян не было ни сикалки, ни жандармов помагати...

Придумали собі мадьярскы паны панске мадьярске свято — святого Штефана краля. И того свято было все в літі, як найвече работы было на полю. Но не мож было в того свято итти на поле робити, бо жандармы давали позор, и якбы нашли дагде дакого на полю робити, то мали право набити,

скільки ся им лем подабало. То люде шли дагде на такы далеке поля робити, што там жандармы не могли дойти и збыткуватися над бідным народом.

Кто шол до Америки до минувшой світової войны, то мусіл утікати зо села ночном годином. А кед хлоп ишол дньом, то брал сокиру на плечо, а жена збералася так, як по траву. Бо до первой войны народ был дуже переслідований всякими шпiонами, бо мадьяре хотіли, абы народ іхал до Америки через их руки, штобы они могли заробити, а то было дуже дорожше и дальше. Так што нашы люде шли на галицку сторону до Блiхнаркы и Высовы, а оттамаль до Грибова, а з Грибова уж брали трен. Но але часто за тыми людьми слідили мадьярскы шпiоны, котры перебералися так, як бы шли также до Америки и они наших людей лапали на галицкой стороні и арестували, а потом в аресті страшно били и мучили. А як родны хотіли тых людей с тюрмы достати, то треба было вельо платити, треба было тот бідный доробок стратити.

Коли по войні пришли чехы, то уж не треба было итти до Америки через мадьярскый край. Товды уж нас обертали в иншу сторону. То хоц нам с тым было добри, што зме не мусіли утікати зо свого родного села. Но але скоро и емиграцию ограничили, так што мало людей могло іхати до Америки.

Но и якже мы мали любити тоту панску мадьярську власть, як мы не маме мати тяжкы сердца до всіх наших мадьяронов, коли они так знущалися над нами. Школы никакой бідному народу не дали. Як была даяка церковна школа, то там нашы діти ничего не научилися, ани читати по-русску. А штобы руснак мог достатися до даякой ліпшой школы до міста, то ани бесіды. Они мали такы школы лем для мадьяронов, а не для русского народа, а наш поневоленный народ мушений был массово виходити зо свого родного краю, ище треба было перекрадатися ночном годином. В нашом селі ніт такой едной хижи, с котрой бы по двое, трое и веце людей не выемигровало в Америку.

Нашы бідны родиче мали в своих головах лем то едно, што небо высоке, а світ широкий, то их бідны діти гдеси найдут притулок. Хоц родичам было тяжко рос-

ставатися зо своими дітми, а мушены были, бо для дітей не было в краю хліба.

По войні, коли наш народ достался под чехов, то уж было ліпше о стілько, што чехы веце школы давали народу. Но што-ж, коли тот Чехословакия была заслаба, абы удержатися. Пришол Гитлер и маленька Чехословакия мушена была поддатися, и тепер так чехы, як словакы, як и наш карпаторусскый народ, попали всі в найстрашнійшу гитлеровську неволю. И як наш бідный народ не мае собі желати того, абы он был объединенный разом зо своим русским народом в великом Совітском Союзі? Я думам, што и другы малы славянскы народы не можут жити свободно поділены на маленькы державкы без союза с Совітским Союзом. Лем так нашому карпаторусскому народу може поліпшатися житя, коли он буде зо своим народом в своей державі, лем так го не будут понижати другы и знущатися над ним.

И днеска тот наш чоловік, котрый не жичит своим братьям в краю, абы им ліпше поводилося, абы они ліпше жили, то он або мало мыслящий, або зрадник свого народа. Наш край не бідный, но што ліпше в нашом краю, то всьо забрали чужы паны. У нас прекрасны лісы, мож было бы побудувати фабрики. Но чужы паны берут от нас лем земны богатства в свои краи, а наш народ они оставляют на велику біду. И наш народ спасал своє житя, як мог. Масса из нашего народа выіхала в Америку на емиграцию.

Мы ту, в Америці, не жиєме ліпше от других народов, мы може найбіднійше и ту жиєме, но зато нам здаєся, што мы ту дуже добри жиєме, бо мы барз планно жиєди в краю. Ту и бос инакше относится до нас, як пан в краю, и хліба маме дост, так што нам здаєся, што мы дуже счастливы, што мы ту досталися. Але коли мы зато забываєме за свой родный край и родный народ, то мы дуже зле, не по-людскы робіме, сами себе понижаєме. Мы ту на емиграции повинны всі ставати в народну организацию для помочы нашому народу в краю в його боротьбі с тым страшным звіром. Гитлером, мы должны помочы нашому народу освободитися от того страшного ярма и объединитися зо своим народом в Совітском Союзі.

СЕЛО ЛОСЬЕ И ЛОСЯНЕ

(Пише лосян И. П. ЄВУСЯК)

Коли я жил ище в старом краю, то я прислухувался, як стары лосяне оповідали собі коло церкви и на вечирках о нашем селі, што оно пережило. Оповідали за холеру, котра взяла много жертв. Говорили и о истории Лоси и околичных сел, но никто добри той истории не знал, бо никто николи не записал ей. Говорили, што в нашей околиці села Прислоп и Вафка — найстаршы села, но якы стары — никто не знал. Што до самой Лоси, то говорили, што и Лосье дост мусит быти старе, бо лосяне уж другу церков побудували и на другом пляцу, як была перша. И штука найти такого чоловіка, штобы он знал историю нашего села.

Была у нас една хижа, што была побудована на пнях. Говорили, што певно она была побудована ище товды, як было заложено село на вырубаниску. Тота роля звеся Куриливка.

Через наше село тече ріка Лосюнка, но не знати, ци ріка взяла назву от села, ци село от ріки.

Дальше говорили, што Лосье zaloжили и заселили спочатку розмаиты люде, як шведы, полякы и руснакы, но видно, што всім сподобалася найліпше русска бесіда, так што всі потом стали руснаками, хоц наше село сусідує и с польским селом Ропом.

Друга вода, котра выходит от Блхнаркы, Высовы, Ганчовы, Устья Русского, Климовкы и тече через Лосю, то ріка Роп. Она получила свою назву от села Ропы, а може село от ріки Ропы, я того не знам, но в нашем селі она не має ище ниякого имени, лем называют "ріка".

Зо сусідами поляками лосяне жили в згоді, полякы з Ропы приходили до нас на свята и кермешы. И их костел мал так три бані, як и наша церков. Даколи, видно, тоты костелы в сусідных польских селах были русскими церквами, бо ище в дакотрых мож найти сліды русскы, або и русску церковну книжку.

Из русских сел наши сусіде такы: Долины, Білянка, Ліщини, Кункова, Климовка и Вафка. Но всі тоты села маленькы. Една Климовка дост велика. Нияке з них не доходит до 100 нумеров. Но наша Лося, то

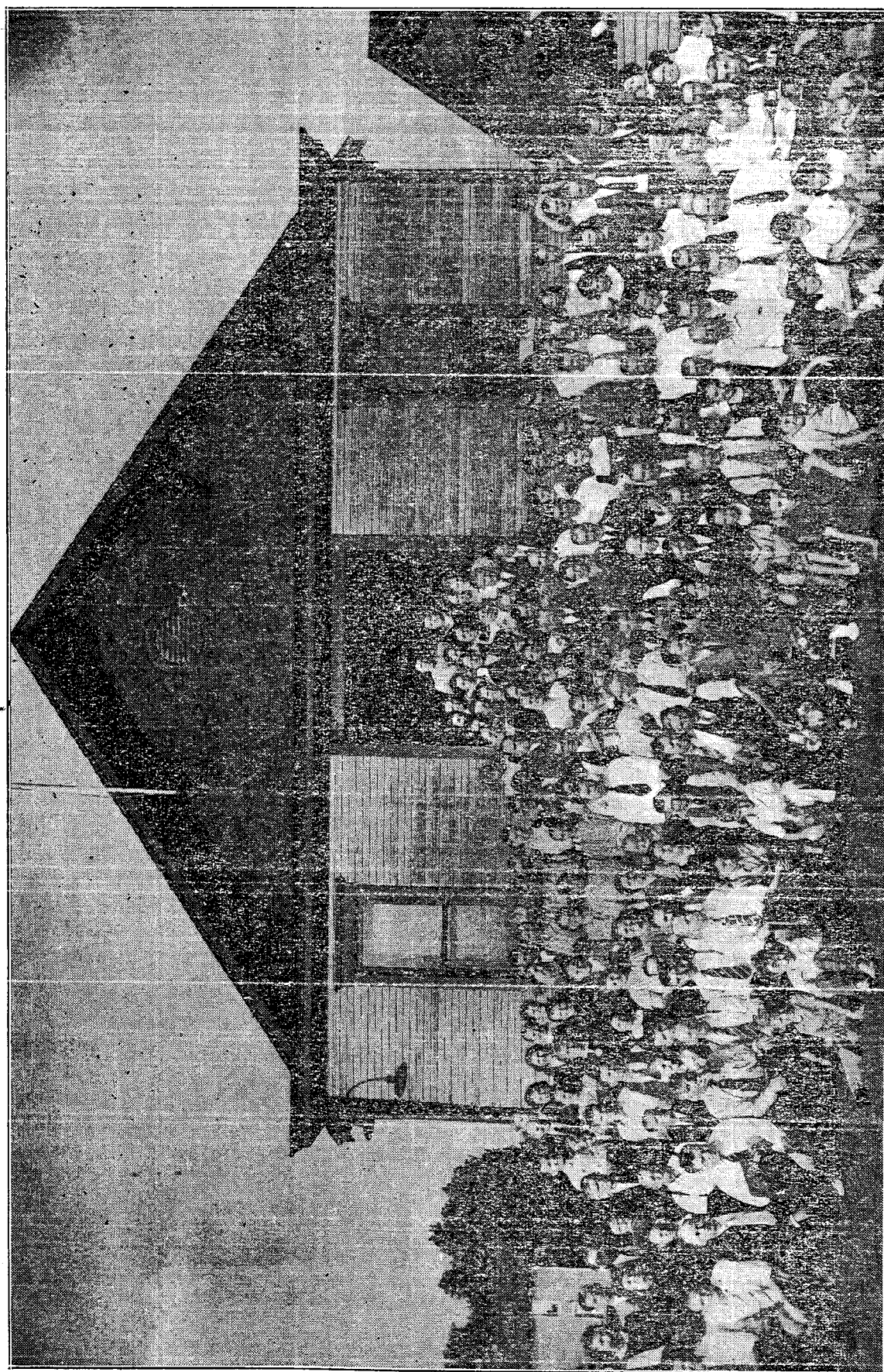
уж як маленьке місточко. За моих часов было 242 нумеров. Євреїв было 20 фамилий, были меж ними не лем торговцы, но и ремесленники — шевцы, кравцы и т. д. В Лоси мож было все купити, як и в Горлицах, то всі околичны селяне приходили купувати до Лоси, што им было треба.

У нас было 18 роль и шолтыство. Але много газдовскы фамилии на ролях вымерли, остались лем Долинскы, Фуртакы, Фекулы, Курилы, Телехы, Карлы, Хомы. Остало 7 родов, а 11 вымерло.

Нашы лосяне мало працювали на грунтах, майже всі ходили по світу гандлярами. Торговали мазью и оліями, по цілій Европі розвозили на специальных возах и робили добрый бизнес. Они знали цілу Романию, Венгрию, Чехию, Моравию, Пруссы, Польшу, европейску Россию. До Королевства Польского, што было в России, ходило з Лоси 120 возов, на Венгры 80 возов, по Галичині 10 возов, и т. д. В той торговлі лосяне зарабатывали красны грошы, но не знали им порядку, бо або тоты грошы пропадали им дагде в банках, або их пропили, коли повертали на зиму. И часто, коли треба было на яр выбратися в дорогу, до России, ци где, то треба было итти до жида позичити на дорогу и на товар. Но дакотры складали и дошли до соток тысяч корун. А то были великы грошы пред первым войном. Но як пришла война, то им тоты грошы забрало австрийске правительство на войну.

Читати знало лем штырох людей в селі, и то псалтырь. Илько Телех был дяком, то читати знал, але писати не знал. И не было кому листа написати, треба было жидови корунку заплатити, коли кто хотіл писмо своим родным написати. Тото потом так лосянов позлостило, што почали давати своих сынов до школ до міста. Первый пошол до школы в місті покойный Алексей Шлянта, потом Марко Гига, котрый был учителем в Высові, потом покойный свящ. И. Фекула, Мойсей Дутка, Григорий Шлянта.

Покойного Алексея Шлянту знає вся наша карпаторусска эмиграция, он почал закладати наши запомоговы организации в Америкі, як Русский Народный Союз (тепер У. Н. Союз зо "Свободом"), Соединение, О. Р. Б. и "Православну Любовь". Он был лидером нашей эмиграции для цілого

ПЕРВЫЙ ЛОСЯНСКИЙ КЕРМЕШ В ПРАЙСДЕЛ, ПА., АВГУСТ, 1941.

твердого угля. Отец И. Фекула тоже помер ище не в старых роках, и Мойсей Дутка помер молодым, и Григорий Шлянта. Хоц тоты нашы люде мали дакус школы, но они не могли зроби́ти дашто прогрессивного для нашего народа, бо они училися на панов и хотіли быти панами, а ту панами не были.

Нашы лосяне, разом з лемковскими патриотами духовниками, основали Русску Бурсу в Новом Санчі, и нараз из нашего села до той бурсы выслали шестох учеников до Санча до школы. До тых бурсаков належат: Андрей и Григорий Карелы, оба покончили университет и находятся тепер в Прагі. Петро Карел, священник в Сингек, Н. Дж. Теодор Гижа, свящ. в Монессен. Юрко Кондратик, был убитый во Франции в прошлу войну, Николай Галь, помер, др. А. Телех и його брат Владимир.

Так што лосяне хотіли выучити свои діти на дашто, но зашла война и розметала тых студентов по цілому світу.

Отец М. Фекула, о. В. Фекула, о. Н. Губяк, о. С. Палюх уж ту покончили школы и всі выучуют своих дітей.

Нашы сусідны крайне робят собі посмішки з лосянов, што лосяне неробы, лем быся волочили по світу. Та прошу показати таку красну громаду студентов з другого села в краю и в Америкі. А сколько лосянов добрых бизнесменов-шторников. Зайдте на плейз, где живут лосяне, то всяди найдете лосянов бизнесменов.

Перший лосян пришол до Америки, до Олифанту в 1876 року, а был ним М. Ренковский. Правда, он был лем наполовину лосян, бо он пристал до Лоси с Кунковы. Його сын ище жие в Чарлерой и мае добрый бизнес. Другым был Кароль Фекула, котрый пришол тоже на Олифант в 1877

року. За нима потом Алексей Шлянта и другы, но лосяне не так барз спішили в Америку, як другы, бо они мали торговлю в краю. Але потом пустилося все больше и больше наших лосянов в Америку и тепер нас ту уж велика громада. В самой Пенн-сильвании жие 158 лосянских фамилий, в Огайо — в Акрон и Кливланд 30 фамилий, в Детройт мало, бо лем 6 фамилий, в Виртон, В. Вирджиния 18 фамилий, в Коннектикот около 10 фамилий, в Нью Йорку 16 фамилий, Нью Дежри 12, в Канаді на фармах 8. А всіх нас, лосянских фамилий в Америкі 253 фамилии. Но найбільше лосянов жие на прайсдел, Па., бо 55 фамилий.

И зато на Прайсдел отбылся перший Лосянский Кермеш 1 августа 1941. Бо треба знати, што лосяне в Америкі не мали пред-тым ище ниякого кермешу и не зышлись разом в громаді ни раз, аж первый раз на том кермешу. Ту помещена фотография с того нашего Лосянского Кермешу, котрый стал добром памятком для лосянов. Но то лем початок, зато што тепер лосяне будут отправляти кермеш каждого року, як в старом краю.

Так што наша правдива лосянска история в Америкі зачинатся аж от того первого нашего Лосянского Кермешу на Прайсдел. А помогла нам в том наша народна организация Лемко-Союз и газета "Карпатска Русь", через котру мы могли найтисся и порозумітисся.

Из первого Лосянского Кермешу была выслана телеграмма Президенту Рузвельту и Амбасадору Советского Союза К. Уманскому.

Так лосяне, не забудьте за Лосье и за свою народну организацию, ставайте членами Л. С. и Карпаторусского Американского Центра.

Ваш Лосян
И. П. Євусяк.

НИКОЛАЙ ЖУРАВ И ЙОГО ФАМИЛИЯ

28-го сентября, 1941 року помер в Прайс-дел, Па. передовый член нашой организации, председатель містного отдѣла Л. С., Николай Журав.

Покойный Николай Журав родился января 19, 1881 р., в селѣ Біянка, Горлицкого повіта. Женатый был с Анном Митусь, из Лосья. Прожили они разом коло 35 літ. Най-старший их сын числит уж 33 роки, а най-молодше — 7 роков.

Выводили они красну фамелию: 6 сынов и 6 дочок, четверо роблят, а остальные четверо ище до школы ходят. Добра и примірна то фамелия, діти всі по-русску говорят,

як хлопці так и дівчата, и не стыдаются своей русской народности.

Покойный Николай приїхал до Америки до міста Питтсбурга в 1902 року. Робил с початку коло Питтсбурга, потом короткий час в Мейфильд, а так переїхал на Прайс-дел, где прожил 37 літ. Робил головно по майнах, а остальных 14 літ по фабриках.

В місяцу юню сего року говорил, што уж не чуєся добри, и перестал робити. Але за тоты три місяцы не поліпшалось му, лем погоршило.

Покойный Николай Журав был председателем нашего числа Л. С. от початку основания отдѣла в 1933 року, аж до своей смерти.

И. ГЛИНСКАЯ

ДЛЯ СЕБЕ

Наконец-то она получила от мужа письмо. “Сандрочка, дорога моя, — писал Костьо, — пребач, што долго не писал. 17 февраля я был раненый. Два раз был оперованый, дробны раны уж гоятся, и всі неприятности уж перешли. Діло иде на поправку. Сейчас перевели в госпиталь, где и нахожуся на ліченію. Сандрочка, таж то так недалеко. Може быти, ты отпросишся там, у себе на роботі, тай и прилетиш ку мі? Дорожне получение выгодне, и погода тепер, здаеся ничего. Хочеса вірити, што так буде. Соскучился и жду тебе нетерпеливо. Не грызся о мі, всьо иде хорошо. Цілую тебе и жду, жду. Твой Костьо.

Ище раз, о мі не беспокойся. Я совсім молодец, и руку доктор обіцуе вылічити, а вот з ногом треба было росстатися”.

Она сіла на софку и заплакала. “Што-ж то таке! Раненый, без ноги, та и рука... и дробны раны! Господи, што-ж то таке!” Слезы текли и текли по щекам. “Костю... Та штож то таке? Каліка!” Она плакала долго, години дві. Ручник намок от слез, а они все текли и текли — солены, горячы. На улиці давно запалилися світла, в комнаті было совсім темно, а она все плакала, плакала. Потом, коли слез не стало, она притулилася лицом к твердой диванной подушкі и начала думати.

Вспомнула перву встрічу. Торопливый поцілуй при плоті. Колысанку в парку... За мужество. И вот всьо... Таж она ище совсім молода, а муж инвалид!

А може быти, тогды она и зробила помылку? Кость все был неудачник. Може быти... Костьо был красивійший! Она выбрала його. И тепер вот...

Она вышла в коридор потелефонувати подругі. Геня лем жалобно ахнула.

— Сандрочка, ну не горюй, мила! Не убивайся предвчасно. Поїдеш, сама увидиш. Таж он пише — доктор обіцал вернути руку. А нога? Велика важность. Каждый може под трамвай попасти!

Но она-то знала, што Геня говорит всьо то просто так, для утішения. О, она слыша-

ла про тых раненых... Вот сусідка ходит дежурити в госпиталь и много росповідат о них. Руки перебиты, ноги перебиты, чоловік горит, як в огні, а усміхатся и говорит, што йому хорошо. Та ци они поскаржатся дакому? Зубами от болю скрежече, язык прикусит — а не стогне, и треба го просити: “Ну стогнийте кус, лекше буде.”

Он, видите, чувствуете себе молодцом. Без руки, без ноги в двадцет літ віку, та ище з даякыма дробныма ранами! За што, за што ей дано таке испытание!

О другой годині ночи она вспомнула, што треба кластися спати. Умываючись в безлюдной кухні, она подумала: як то добри, што она тогды не захотіла дитину. Што бы она робила тепер? И ище: яка она мудра, што устроилася сама на роботу.

* * * *

Поїзд уходил рано о седмой сорок, на перроні было ище совсім темно. С тым поїздом чого-си никто не іхал. Она пришла в пустый вагон и усілася коло окна. Світла в вагоні не запалили, было холодно, и у ней стыли ноги. А коли поїзд одышол от перрона, нараз стало совсім світло и понятно, што близко весна.

Она сиділа блідна, строга, штывна, невидящими очами гляділа за окно, и ей дуже подходило ей имя, долге и официальне — Александра.

За окном мелькали якы-си дома и хатины, привалены снігом.

Вот газдыня выпускает из хліва кур, сірый когут заклепал крылами — здаеся, запіл. А вот хлопчик, затуленный в теплый шаль, учится ховзатися на лыжах. Як он вывалялся в снігу! Біжит коник, запряженный в малювану брычку.

Встало солнце и світ в тот день такий был прибранный, счастливый, што ей не захотілося смотріти в окно. Она была несчастна. В самом конці вагона іхала ище одна пассажирка — хорошенька женщина в вевюрчой шубкі и пуховом беретикі. Она была нарядна, розовенька, и Сандра отразу почувствовала до ней неприязнь. “Живут же такы бесстаростливы кіскы”, — думала она.

На остановках входили и сходили люде. Розрумянившись, шумны, они стукали промерзшими ногами, сміялися и громко бесідували. Всі говорили о том самом, о недавно

заключеном мирі, о морозі, о зустрічах учасників війни.

Сандра чувствовала себе одиноко и несчастно. Иде весна, всі бодры, веселы, зустрічають кого-си, лем она иде в госпиталь до мужа-каліки.

Она вспомнула свое дитство и дядю-инвалида японской войны. У дяді тоже не было руки и ноги. Вмісто своей ноги он приладил деревяну, одіту в желізний обруч, и бодро ньюм постукувал.

Зграбно, при помочы языка, скручувал он едном руком папироскы-самокруткы. Он ничого не уміл робити и жил на ласкі брата, в великой, вічно не поспрятуваной комнаті.

Йому не все давали поісти, білизна у него была брудна, подерта, и коли он клался спати, то отстегувал свою деревяну ногу. Діти сварилися з дядьом, дразнили го, а хлопчиска часто скрыли ногу. Дядя любил выпити и, коли был пьяный, росповідал, як он бился за віру, царя и отечество, и діти весело сміялися, потому што давно уж не было ниякого царя. Всі ждали, што дядя скоро помре, потому, што кромі всього, он ище было раненый в грудь, у него там часто што-си шипіло, як цебуля на пательни. Но дядя все жил и жил. И діти уж давно подросли, и няньо постарілся, и мама часто наминала дяді, што он уж задолго жие, а он все не умерал. Наконец он несподівано помер, упавши, в гололедицу, поховзнувши на брудном леду замерзшой калужы, и лежал обдертый, сивый, никому не потребный. И всі были рады, и никто не плакал.

Она вышла из вагона и остановилася, осліплена солнцем, тишином и последним великоліпием зимы. Ту, должно быти, ночом, выпал сніг и лежал вколо такий красивый, деликатный, россыпчатый. На голузках березы позвонювали сосульки, а по бокам дороги стояли домики, маленькы, уютны, похожы на тоты, котры ставят под новороче не деревце на вату. Ледяны взоры на шибках таяли, а в маленьких оконцах было видно квіты, широколисты, долголисты, — всякы — красивы и пышны.

“Видно, хозяйкы ту дуже любят квіты,” — думала Сандра, и ей стало жаль себе.

Чого-си припомнулося, як в дитстві мати заставляла ей мыти подлогу в кухні, а коли она покончила школу, ей часто годинами треба было клянчити у отца рубль на кино

або на завивку у барбера, и она плакала злыми слезами, смотрячи в окно на гуляющих в змерку нарядных дівчат... И вот, наконец, коли всьо того прошло и можно было жити, як тобі хочеса, купити собі, што треба, и робити лем приемне, нараз всьо валится...

И ей дуже захотілося быти без старунку, веселом, счастливом, насладжати, радуватися. Одна мысль, возникша в тоту ночь, коли она плакала, получивши письмо, мелькнула и сейчас.

Ей кто-си окликнул. Она обернулася. Сусідка по вагону, в вевюрчой шубкі, догоняла ей.

— Пребачте, но мы, правдоподобно, разом іхали, — говорила она, путаючись в полах своей долгой шубы, — вы не в госпиталь?

Они пошли разом по незадоптаной білой дорожкі, и сніг скрипіл под их ногами. Попутчица оказалась бесідливом и щиром. Она росповіла, што ище в вагоні рішила, што Сандра тоже иде в госпиталь и даже загадала (вот дура!), если так, то буде удача и мужу вернут хоть дашто зріния. Она іхала к мужу, тяжко раненому, стратившому ногу и зріние, и говорила о том просто. Она говорила, што гордится своим мужем, што його товаришы мало не каждый день пишут ей, и они тоже любят го и гордятся його подвигом. Она росповіла и про сынка, котрому уж 11 місяцев и он починает ходити и уж говорит “папа”, про то, што муж виділ го лем трьох-місячным, и она дуже хотіла взяти сына зо собом. Най бы послушал муж, як лепече його сынок. Но побоялася, што треба буде далеко итти, и оставила в яслях, а тепер дуже рада, потому што хлопец дуже тяжкий, руки болят.

Она говорила о своей жизни, и Сандра всьо слухала, слухала и молчала, и якеси непонятне роздражение накоплювалося у ней против той розовенькой, хорошо одітой маленькой женщины.

— Бідны мы, — перебила ей Сандра, — як дальше жити будеме с такими инвалидами?

— А я уж думала о том, — сказала маленька женщина. — Буду працювати. Витька в яслях, а муж дома. О материальном йому старатися не буде треба. Обеспечат, тепер,

як знате, не стары часы! О раненых в бою командирах у нас не забывают.

Лем бы зріние. Таж он такий. Он найде собі нужне діло. Разом найдеме!

Ох, она такий молодец, як бы знала — поступила на курсы стенографии и машинописи и скоро кончит, и тогда уж буде совсім хорошо. Попросят маму с провинции, будут жити цілом фамилиом! И взагалі, яке то счастье, што Серьожа живый, а ту ище доктор написал, — и она выняла из муфточки закапане слезами помяте письмо и прочитала тото місце, где незнакомый доктор писал ей о здоровью капитана Кручина и о том, што надіеся послі операции хотя бы частично вернути му зріние.

— Докторы, — восторженно, через слезы, говорила маленька женщина, — надармо николи не скажут. Ци не правда?

Сандра хотіла сказати, што докторы все надармо говорят, но промолчала.

Тепер она уже совсім перестала звертати увагу на тоту бесідливу, то заскокуючу вперед, то отстающую женщину, и лем обрывки отдільных фраз долітали до ней.

Тота, маленька, говорила што-си о подмосковной дачі, где они стиснули едно другому руку и дали слово прожити жизнь плечом к плечу... И як в кабину машины забрался шмель... И она боялася стати женом такого серьезного, умного чоловіка, потому што была страшно отстала, а женщина тепер должна быти самостоятельном и специалистском. И як она кончила школу взрослых, потому што в дитстві не удалося доучитися: отец умер, мама пошла на роботу, а она вела всьо господарство и штопала цілы горы дітских поньох и штанишок... И як муж объяснял ей математику — дуже трудно поняти. И она тихо вставала по ночам и розвязувала задачи...

Чувствовалось, што она жде вопросов и охотно росповіст всьо о собі. Но Сандра молчала и лем знов подумала, як добри, што не захотіла тогда дитины, и тота сама мысль, котру она так гнала от себе спочатку, уже не выходила у ней з головы...

Госпиталь стоял в саду на горкі, и сад был зимный, отуленный, якбы білым коужом, снігом и инейом, а ку головному входу вела аллея з яличок, посыпана пісочком.

У входа стояли машины, было безлюдно, и обі они — и Сандра, и ей попутчица —

нараз ростерялися, почали говорити полголосно и долго возились коло тяжких дверей, толкаячи и дергаючи их то ку собі, то от себе.

Она дораз, ище в коридорі, через шклянны двери, замітила Костя. Он лежал на лужку при окні, волосы были коротко острижены, на іжа, а на лиці розовіл-який-си шрам. Коли она вошла, Костьо весь встрепенулся, но подвестися не мог, и лице у него стало молодым, молодым, совсім як у мальчика, и немож было поняти — ци он сміеся, ци плаче. Она присіла на білу табуретку, и в палаті (галі) — она лем тепер замітила, што то была велика палата — стало тихо. Умолкло монотонне жужжанье розговоров, а с сусідного лужка встал ктоси з забинтованом головом и шийом, поклонился ей и одошол. Костьо очами просил о поцілуй, и она, хотя то и не совсім входило в ей планы, нагнулася и поцілувала го в жестку світлу щетину волос. От мужа пахло ксероформом. Одна рука у него была подвязана, а друга просто забинтована. Он губами поймал ей руку, а она украдкой хотіла угадати, яку ногу му отняли, и ци цілу.

— Вот я який молодец! — бодро сказал муж и усміхнулся. Сандра лем тепер замітила, што он слабый, дуже слабый, и, може быти, он має горячку.

На столичку при лужку стоял чайник. "Поилка" (напоити хворого) — подумала она, а Костьо як бы угадал ей мысли и встряхнул забинтованом руком.

— Скоро час выйде, — усміхнулся он, — и запряжу ей (руку) в роботу. Поболіла и баста!

— Сандра незграбно молчала, не знаючи, о чом говорити. Она чувствовала себе, як на сцені, ей здавалося, што ранены слідят за даждым ей словом, за каждым рухом.

— Ну вот и увиділися, — усміхнулся Костьо. — Дочекалися. Приіхала.

Розговор не клеился. В палаті возник шум, кто-си в углу сміялся, а Сандра ненужным чужым голосом млямляла што-си про свое житя.

— Што-ж тепер дальше буде? — як бы нехотячи звідала она.

— Подлічат ту, а потом, доктор говорил, пошлют на курорт, — усміхнулся Костьо.

— Носятся з нами, пестят, знаш, што аж прикро...

Час шол помалу, страшно помалу. Вот в палату заглянуло солнце, и уже откосы окон зазолотились, и ледяны взоры начали сползати зо шкла.

Муж лежал на плечах и смотріл на ню. В очах жены он читал ростерянность, испуг и вопрос, як дальше? Лице його зарумянилось. Ну, розумієся, она думат, што он буде ей тягаром! Таж она все так любила жити, веселитися, танцювати, бігати в кино або просто слонятися по магазинам. Тепер он ей не пара! Ясно... Она любила його здорового, красивого, сильного. На што ей муж-калік, муж-инвалид? Непотребный тягар. Сандра подошла ку окну. День уходил, посылаючи через двойны рамы послідны лучы солнца раненым. Ище еден день перевязок, кварцовых ванн, кислородных подушек, операций, день борьбы за здоровье, за жита. По палатам розносили іду: молоко и булочки. Сандра чувствовала, што треба уходити и немож уйти, не сказавши найголовнійшого, и не могла почати...

— Тепло у вас ту, — проговорила она, ростегуючи волняну жакеточку, и Костю замітил, што блюзка у ней нова, йому незнакома.

Через окно Сандрі был видный сад, дорога и яки-си люде, идушы по дорогі, — кусочок звычайной трезвой діловой жизни. Она подумала, што не може жертвовати, не рождена для жертв, што жие чоловік еден раз, и она ище зможе быти счастливым.

— Костю, — рекла она нараз, — я хочу сказати тобі... Таж ты сам розумієш! А, Костю? Як же дальше? Таж ты сам розумієш, як же я-можу...

Он лежал горізнач, не рухаючись. Обок на столикі остывало молоко в поилкі, колдра звисала з лужка на подлогу. Она встала с табурета, всього того было уж задолго и затыжко. Треба мати отвагу. Лем спочатку так страшно. Он же сам повинен розуміти...

— Я, розумієся, буду помагати тобі, — сказала она, — и взагалі, може быти, отдам тобі комнату... Устроюся сама даяк. Но мы... ты же розумієш, што мы... Ну, не будеме, не можеме... ну вот так... разом...

“Вот и сказала, вот и сказала. Слава Богу. Як она вспотіла. Фу, як бьєся сердце! И никто на них не смотрит, никто за ними не слідит, всі заняты своими ділами. А он все молчит и не рухатся. Може быти, он умер?

Вот уже разносят по палаті термометры. Треба итти, треба росстатися друзьями. Ну же... Чом он молчит?”

— Я приїду ище, через неділку, — говорила она, — мене отпустят, я отпрошуся. Ты ту не смутся. Будь молодцом, мы с твоим сестром приїдеме. Она же ище нич не зна. Добри? Ну, треба итти. Ну, буд здоров.

Она нахилилася над ним. Он лежал все так нерухомо. Мысли його были трезвы и спокойны: розумієся, они тепер не пара. Он не хоче перешкаджати ей жита. Так, так, она молода, здорова. Ей треба поняти. Так, так.

Йому вспомнулися лісы Финляндии, погибшы друзья, дівчина с красным крестом, под кулями ділавша му перевязку, забыта фляга на снігу, пылающее огнем небо... и вся його истота не могла согласиться с том мыслом. — Ніт! ніт! Неправда! Не так! Ничым немож усправедливити тоту самолюбну жажду выгодного жита! То удар в спину! То гнусность! И то його жена!! — Он вспомнул всьо то, чому його учили, во што он вірил, чым жил, и почувствовал себе справедливым, могучым, рішительным... И не было, и не нашлося в його сердці ни оправдания ей, ни пощади.

— Дрянь! — сказал он громко и четко на всю палату, и очы його, такы знакомы, ласкавы, стали холодными, провидными, и, здавалося, не слезы застыли в них, а льдинки.

* * * *

Она влеклася из палаты якбы наомацкы, спотыкаяючись о лужка, и всі, кромі него, смотріли ей вслід. А на вішалкі ей никто не подал пальто, и она долго возилася, застегуючись, и наконец-то выбралася на улицу.

Она шла, стараючись ни о чом не думати, занимаючи себе дробными встрічными впечатліннями. Вот проїхала машина. Кого-си повезли. Який хороший захід солнца! Ночом буде мороз. Смішна чорна собачка...

Рука намацала в муфті плитку шоколада, котру она так и забыла дати хворому. “Дрянь, дрянь. Може быти, розумієся, и дрянь.”

Позади кто-си доганял ей.

— Послушайте! Почкайте!

Так, розумієся, то тота сама маленька женщина в вевюрчой шубкі.

— Як вы задумалися, я уж кричу, кричу,

— сміялася она, крачаючи обок. — Ну, як у вас? Господи, яке я мам счастье! Предвчером оперували, и доктор обіцає, што праве око в найгоршом случаю сохранит зрініє на 30 процентов, а може и на всі пятдесят! Як, га? Я от рана чувствую, што должна быти яка-си радость. Он и Витьку тепер увидит, розумієте, сам увидит! А то я всьо йому описую, якы у него очка, нос, личка... Он же здоровым чоловіком тепер буде... Ой, хорошо як... То всьо вы, вы принесли ми счастье, — горячо говорила она, — я ище в вагоні на вас загадала. Ой, яка я дура!! Ну и деньок сегодня... А погода, погода! Весна! Не правда, што хорошо?

И лем тогды, коли она выговорилася, замітила, што с Сандром недобри.

— Што з вами? Пребачте, мила, — пере-страшилася она, — яка-ж я егоистка (самолюб), даже не звідала, як у вас? Почкайте немного. Ну, не грызтєся, не грызтєся! Поправитєся и ваш, поправитєся. Ми доктор говорил, што дуже тяжких случаев у них тепер

ніт, и всі пошли на поправку. А Серьожа росповідає, што послі госпиталє на курорты посылають. Всьо сдіають, штобы вылічити. Вы же знаєтє, як тепер лічат — за каждую жилочку борются! Ну, не смуттєся, не треба... На вас лица ніт... Може быти, снігу...

Но Сандра одопхнула ей и молчки пошла вперед. Одиноко крачала она по стежкє, не оглядаючи — скрип, скрип — и почувствовала, што тота, маленька, як собачка, сіменит за нѐм позади...

Обратный поїзд совсім пустый. Ни на розїздах, ни на станциях никто не садился. За окном в зимных змерках проплывала земля. Поднялся вітер и нюс сніг по полю. Мірно стукали колеса вагона, вколо была пустота и безлюдье. Она забралася в самый кут и сиділа, зїжившись, ни о чом не думаючи, но всьом своим истотом отчуваючи што ту обок, може в сусідном вагоні, іде тота маленька счастлива женщина, іде от любящего мужа к любимому сыну.

(“ЗНАМЯ”).

Розговор с плінными німцями

— Вам, должно быти, хочєся знати правду о том, што за послідный час сталося на фронті и дальше — в Европє, в цілом світї?

Вопрос звернений к плінным німецьким солдатам. В том лагері они находятся уж пару дней. Они сидят на траві, росстегнувши сукняны, мышиной барвы куртки, скинувши тяжкы, подбиты желізом чоботы. Война для них кончилася.

Они мало походят на вояков. У одного пилотка (шапка) надіта задом наперед, значок торчит на затылку. Услышавши гул самолета, вся группа беспокоійно позерат на небо, покаль не переконаєся, што самолеты совітскы. Солдаты облегченно вздыхают...

— Попробуйме выяснити, кто брєше, а кто говорит правду. Ваши офицеры говорили вам, што в Красной Армии росстрілюють плінных. Вот вы попали в плін, вы живы, никто не збератєся вас убивати. То правда?

Теодор Циммерман, електрозварщик из Гамбурга, киват головою.

— Кто-ж в таком случаю брєхал?

Солдаты хмурно позерают едны по другых. Никто не отважєся отповісти на вопрос; што ту говорити, справа и так ясна.

— Дальше. Попадаєла вам газета, котра издаєся нами на німецьком языкї? В той газеті вы читали писма других німецьких солдат, писма из пліна. Офицеры переконували вас в том, што то писма вымышлены. Правда? В одном из послідных номеров газеты вы прочитали писмо плінного солдата Альфреда Карваутса з Відня. Вам говорили, што такой чоловік не истнує. Сталося так, што вы попали в тот сам лагер, где находится Альфред Карваутс. Вот он сидит обок вас, можете доткнути го руками. Спростєся у него, ци он писал того писмо и по власному желанию?

Всі смотрят на Альфреда Карваутса. Он встає и говорит быстро, майже вызывающе:

— Так, я написал писмо, если треба, я напишу ище десят писем, лем бы покончилася тота проклята война!

Товаришы клебут го по плечу; “Сідай, ста-

рый, што ты так розгорячился?" Єден лем Леопольд Дуфнер, унтер-офицер из осмой батареи 5-го полка німецкой піхотной дивизии, з нескриваном злбом позерат на короткозрячого віденця. Замітивши, што на него звернули увагу, Дуфнер штучно усміхатся: боже — га, он и на мысли не мал брати за зле Карваутсу.

— Отже и ту вы можете судити, кто бреше, а кто говорит правду. Идме ище дальше. Ваши офицеры и тоты, кто ними командуе, запевняли вас, што война буде коротка и закончится в юлю парадом в Москві. Тепер друга половина августа. Сколько дней назад вас взяли в плін?

Солдаты начинают рахувати на пальцах: пят, шист! Ну, так, шесть дней назад их взяли в плін.

— Правильно. Потом вас привезли ту, в город В. Сколько, меньше больше километров от того місца, где вас взяли в плін?

Солдаты вспоминают, як их везли, рахуют штоси в голові и отповідают:

— Напевно, километров 100—150!

— Вы слышите отгаль артиллерийску канонаду, хоцбы отдалену?

— Ніт.

— Ци можливо, абы дагде по близости шол бой? Што, ваши за тых шесть дней приблизилися к тому лагерю?

Вопрос был несподіваний. Они як бы прислухувалися. Потом маленький чорноволожий Альберт Куцман, декоратор из Гамбурга, безнадійно махат руком: ніт, ничего такого не чути. Який-же ту бой? Кажде рано по сусідной дорогі тянутся на рынок подводы з ярином и мясом. Вечером чути, як на улицах грае музыка — московске радио.

— Так, ци правду вам говорили офицеры о короткой войні, або ніт?

Вот ту плінных солдат бере за живе. До сего часу они отповідали здержанно. Но ту их розобрало. Они перестрашено позерали по собі. Чорт бы то взял, им задали три вопросы, и на каждый треба было признати, што гитлеровскы офицеры брехали, а ту говорят правду. Який-ж смысл отператися, замолчувати? Ци коротком, ци долгом буде война, — то вопрос, дотыкающий каждого німецкого солдата. Им обіцали войну коротку, побідоносну, с парадом в поневоленных совітских городах, а они шли по выпаленой

землі, до них стріляли с каждого дому, ище и в тылу смерть подстерегала на каждом кроку. А на фронті их отразу взяли в плін. И война осталася для них где-си там, позаду, и конца ей не видно. Не слышны ту німецкы каноны, а до Москвы все так далеко, чортovsky далеко.

— Ну, правду говорили вам офицеры о короткой войні?

Уныле молчание. Потом Теодор Циммерман говорит:

— Скоро начнется зима...

И не докончуе. Йому не хочеса думати о зимі. Потом всі присажуются ище ближе и начинают жадно респрошувати: коли их могут пустити дому? Больше их нич не интересуе. Дому, лем дому! До чорта з войном!

— О том треба было думати перше, коли Гитлер готовил напад на Совітский Союз. Вот вас ту зобралося много плінных німецкых солдат. Ци дакому з вас, особисто, потребна совітска земля?

— Нам?

Солдаты усміхаются, раскладывают руками.

— Ніт, нам ту ничего не треба.

— Значит, комуси другому треба было, штобы офицеры погна́ли вас ту, штобы вы убивали и вас убивали.

— Так, кому-си другому. На всякий случай не нам.

— Кто-ж тот другой?

Пауза. Никому не хочеса назвати первым тото имя. Потом кто-си зо заду помаленькы выгварят:

— Гитлер!

При том он позерат на унтерофицера Дуфнера. Дуфнер напряжено усміхатся. Один из солдат, борячись с сомнінями, говорит:

— Гитлер обіцал ликвидувати безработя.

— Вірно. Он выполнил свою обіцанку. Безработны стали вояками. А вояков убивают на фронті. Таким способом, число безработных направду уменьшатся.

Солдаты сміются, но им совсім не весело.

Ніт, то не солдаты, котрых мы виділи в первые дни войны, — солдаты блицкрига, выдресованы для блискавичных маршов и легких побід. Коли плінных в конце бесіды позвали вечеряти, они настрашилися:

— Ніт, ище вчасно, мы не кончили бесідувати.

Они стосковалися по людской бесіді, они учатся думати. Им трудно, от фашистской муштры головы онімели, всьо живе погасло в сознании. Помалу, дуже помалу проникает в умы тонкий луч світла, они начинают розпознавати, где правда, где лож.

В одной группі плінных от німецких солдат дораз отлучилися полякы, австриякы,

шлезакы. Они говорили: “Тоты зволочы давали нам саму брудну роботу, а в огонь гнали первыми.”

Их ище мало — німецких вояков, котры починают думати. Но они сут, и німецке командование о том знае. Найбыстрійше німецкий вояк учится думати в пліну. Може быти, тым объяснятся то, што німецка авиация недавно бомбувала лагерь німецких плінных близко города В.?

Е. Кригер.

Сміх Довбуша

Высоки Карпатскы горы, але найвысшы в Карпатах Чорны горы. Як царственны бра-та высятсья они, одіты в чорну мантию смероковых лісов. У их ног мчит свои быстры воды зеленый Черемош.

Одиноки, неудобтаны стежки. Сентябрь кинул сухы голузкы под копыта коней. Ескадрон шол вперед. Трудно сказати, што примусило замолчати співаков. Ци смуток чорных лісов, жалобный, непрерыванный шум горских потоков, ци дорога, по-осеннему слизка. Но пісни затихли, а Иван Бунин — ескадронный запівала, даже огрызнувся, коли кто-си из товаришов попросил го заспівати.

Так в молчанію шол ескадрон, и лем червеный штандарт полыхал на вітру. Слизгалися коні, поглядували молчкы люде на вершины гор, окутаны шальом мглы. Но вот показалося село. Оно лежало сіре, маленьке, якбы привалене тоннами каминя.

— Космач, — рюк лейтенант Леня Волков, розглядаючи в вечерном змерку мапу. Люде оживилися. В Космачу ескадрон должен был заночувати.

Красноармеец Иван Бунин попал в маленьку одиноку хижку, што одорвалася от села и висіла над берегом. Сивый дідо крутился коло ней. Он был в сердачку, в крисані, (в капелюху с широкими крисами), в червеных святочных штанах. Зо зграбностью, котрой трудно было сподіватися у старого, газда взял Иванова коня и отпровадил до стодолы. Скоро вернулся и попросил Ивана в хату.

— Што-ж діду, не ждали гостей? — усміхнувся красноармеец, откусуючи кусок хліба.

— Ждали, — спокойно отповіл старик, спокойно смотрівший на гостя.

— Красную Армию ждали? — зачудувався Иван, — откаль же вы могли знати?

— Знак был, — все тым самым спокойным голосом отповіл старик.

Старик осторожно доторкнулся сухим, заскорузлым пальцем до червеной звiзды на фуражкi красноармейца.

— На Поповой горі было много такого квітя. Довбуш знак дал.

Он встал и вышел на двор. Вышел и Иван. В ясном світлі місячка, горы здавалися большы, они насунулися на само село. Глухий гул нюсся зо стороны гор, вітер шелестил их косматом лісном шкурот, плакали стремительны потоки. Село не спало. Дідо усілся на пняку, почал повольно повідати:

... Коли в нашем Космачу убили Довбуша, взяли його товаришы, положили на топоры и понесли в горы. Його льос был такий.

Несут го други лісами чорными, переносят через потоки, где стручат ариндик (злый дух) подорожных в пропасть, несут все выше в горы, и слезы друзей сплывают ярками. На Поп-Ивані (так гора называтся—пояснил дідо, и показал сухом руком в темну даль), — открылася у богатыря рана и почала капати кров на землю. Где упала капля крови, вырастал багряный квіток... От того часу каждый рок квітнут чорны горы червенным квіттьом. Но такого квітя, як сего літа, ни-коли не выділи люде на горі.

Старик замолк. Бунин, заинтересованный до крайности, звiдал:

— А убил його кто?

— Паны убили, паны, сынку.

— Значит знак подавал Довбуш, ждий-же, кров недармо проляли.

Знова наступила тишина.

— А повіч, діду, кто такий тот Довбуш?

— Кто, Олекса? — озвался старик. — Бесіда то долга, сынку, цілу ноч бесідуй, не переговориш.

... Двіста літ тому назад в селі Марківці, коло Печенижина, родился Олекса у Василя Довбуша. У того Василя нічого не було — пару овец и всьо. А ту другий сын родился. Та ище, ци з очей ся стало, ци што, — не ходит, не говорит, ползе, як медведятко по хаті, а істи хоче. Василиха-мати всяко з него хвороту выганяла: брала глину з девяти меж, из-под девяти каменей, выносила хлопця в ночи на межу, клала му тоту глину на плечы, била помалу лозинком, штобы пропало поробениско. Всьо дармо — молчал Олекса.

Тяжко захворіл батько Олексы. Приходить в хату атаман, выганят на панщину. “Побойся бога, — говорит Василиха, — таж он хворый.” Заклял атаман, выгнался палицом на Василя. Заслонил Олекса отца, говорит: “Я пойду за батька.” Зачудувалися всі: проговорил Олекса!...

В селі учился Олекса на коваля, оружие робил. Зробил стрільбу — такой у нікого не было.

Силу он взял от ангела, — так стары люде говорят. Яко-бы была раз страшной силы буря, дерева рвала с коріньом, горы здвигала, скалами метала, як діти каменчиками. Ариндик зо всіми чортами и чортятами утік с пекла. А еден чорт от стаи отбился, вколо Довбуша носится, насміхатся. Хватил Довбуш свою стрільбу и выстрілил в чорта.

Перешла буря, вышел и Олекса с пещеры, где от дощу крылся, глядат стежку. Та ци стежку найдеш? — всьо перевернула буря. Аж ту дідо иде старый, с липком в зубах, лицом веселый. Ну, поздоровкали собі, аж нараз дідо звідует Довбуша, што бы он в житю хотіл мати.

— Силу, — отповідат Довбуш, — силу, штобы нікто мене побороти не мог.

— Добре, — рюк дідо и быстро, быстро пошол собі стежком. С того часу стал Олекса силачом незвычайным. Ту, як шол дому,

встрітил он синооку Параску. Погубила його тота любов потом...

... Не видали люде такой любви, як любов Олексы и Параскы. Было свято, неділя. Село Космач належало в тоты далекие часы пану Яблоновскому. Собрался народ при церкви и видят: иде на коню панич, брат Яблоновского, а за ним слугы. Приглянулася паничу Параска, а раз пан хоче — все йому отдай. Такий закон был. Но Олекса не захотіл тому закону подчинитися. Коло Параскиной хаты зарубал он панича и утік зо своим возлюбленом в ліс. Жили в дремучом лісу, покаль не пришла зима. Треба было Олексі проводить Параску в Космач, а сам он остался в горах...

Тече рассказ. Вот уже гулят Довбуш з ватагом смілых опришков по карпатским горам. Гордый мститель за страшну долю поневоленных панами гуцульских сел. Мстит он за брата Ивана, котрого по приказу пана Яблоновского убили на ярмаку в Косові, мстит за тяжке батрацке житя у панов, за их издівательство над народом. Приходят ку Довбушу посланцы зо сел — просят помочи. Як вихр налітат на панскы замкы Довбуш, творит праведный суд. Біжат паны з гор в Тарнополь ку воеводі.

Собрали паны велике войско против Довбуша и його товаришов. Але высокы Чорны горы, темны карпатскы лісы. Не нашли Довбуша, а в селах лем столько бесіды, што о Довбуші.

Шла лісом яворовска селянка из Косова, з ярмаку. Бідна женщина думала купити телятко на ярмаку, лем грошей не стало, тай вертала без нічого. В Соколовском лісу попадатся ей навстрічу чоловік, звідует — чом плачете, мамо? Росповіла она о своей біді, дітям нічого не купила, сама цілый день не іла.

— Ид до Косова, — рюк чоловік, даючи ей грошы, — куп корову и запамятай, што грошы дал тобі Довбуш.

Жена вернулася до міста, купила корову и росповіла купцу о том, як она достала грошы. Тот купец, не долго думаячи, сховал грошы за пазуху и пошол в ліс. Вышол Довбуш и звідует го, — чом он такий смутный. Почал кланятися купец, выдумал цілу историю. Дал и йому Довбуш грошей. Побіг купец в корчму, пье и гулят, хвалится, як обманул Довбуша. Аж ту нараз отвера-

ються двері в корчмму, входить Довбуш. Отобрав он у купця свої, и заедно и його грошы, и ушол. Правильный был чоловік Олекса, за бідних стоял, бідным помагал.

— Ну, а конец ты знаш? — звернувся дід до к красноармейцу.

— Параска-то його замуж вышла за богача, за Стефана Дзвинку. Лем же Довбуш так як и предтым ку ней ходил в наш Космач. Раз ночовал он у своей любимой и во сні росповів тайну свого життя и смерти. Лем вырвавши три серебряны волосы из головы богатыря, лем кульом из 12 зерен яровой пшеницы, над котром поп отправит 12 служб, можно убити Довбуша. Всьо то дозналася Параска и коли спал Олекса, вырвала три волосы.

Стефан Дзвинка жил богато, Параска тоже стала газдыньом, паньом стала, хоц и танцували на ей весілю чорны хлопцы, хоц присягала она любов Олексі. Всьо открыла Стефану, и убил Стефан Дзвинка нашего Довбуша...

Дід знов прислухался. Білым холодным поломенем сияли вершины гор, як змії блискали серебряном чешуьом быстры поточки.

— Обрадувалися паны Олексовой смерти, досыта насміялися над ним, — рюк старик и порывисто встал. Вся його фигура выражала напружену увагу.

— Слухай, — рюк он тихо.

Иван Бунин прислухался. Тяжкий гул, подхваченный ехом, доносился из гор.

— Довбуш смієся, — рюк старик, знімаючи крисаню, и лице його приняло торжественное выражение. — Уж другу ночь он смієся над панами.

— Чортовщина яка-си, — подумал красноармеец Бунин, но и йому почудился сміх.

— Ха-ха-ха! — гремело в горах и эхо на тысячи ладов повторяло сміх Довбуша.

(Ал. Радин, "Советская Украина")

СМЕРТЬ ОЛЕКСИ ДОВБУША

Олекса мав в Космачі коханку Олену Дзвинчук. Оден раз він ся зібрав та й хоче кудись іти. А його товариш питає:

— Ти куди йдеш, Олексо?

— То йду до коханки, — каже Олекса.

— Є, то пуста.

Але Олекса таки пішов. Приходить до коханки та й пукає в двері.

— Відчини, Олено.

Вона його пустила і тогди вони ся забавляли. А вона його і питає:

— Кажі мені, чому це тебе куля не бере?

— Аби я маю волоси срібних, — відказує Олекса. А вона його тогди брала та й обискала. А коли він заснув, то вона ті волоси вирвала так, що він не чув.

На другий день, як він прийшов до неї, то вона ся порадила з своїм чоловіком, щоб застрілити Олексу. Тогди чоловік узяв стрільбу, пішов на стрег, та й там чекав на Олексу.

Прийшов вечером Олекса та й знов пукає в двері:

— Пусти, Олено.

Вона йому тогди сказала:

— Я нікого не пускаю.

— Ти, Олено, не жартуй, бери та й пусти, бо іслі ти не пустиш, то я підложу свої плечі та й двері отвору, — каже Олекса.

— У мене двері тесові, а замки сталеві, — відказує Олена.

— Ти, Олено, не жартуй, бо я підложу свої плечі, то не допоможуть твої тесові двері і сталеві замкі.

І як підложив він свої плечі — поломилися тесові двері і замки сталеві. Уступив до сіней, а чоловік з страху вистрелив у него. І трапив кулю, зранив його дуже. Але Олекса ще не впав, а обернувся і пішов до своїх товаришів. І відповів до них:

— Товариші мої, дуже мені зле повадило.

Товариші його обступили кругом, і він їм відповідав, що буде вмирати. Вони його ся питали.

А що ми будемо робити? — І він їм сказав:

— Оберніться від мене — і хто куди бачив, то най туди йде собі. Але перед цим беріть мене, товариші, на топірці, несіть мене, товариші, в Чорногорці і там мене поховайте, най ся поляки над моїм тілом не збиткують.

Товариші його так і поховали. Обсадили квітами. То ті квіти і тепер там ростуть. І як прийде хто на ту могилу, то пахнуть ті квіти дуже файно. На весь світ не знайдете таких квітів.

Записано 19/VII 1940 р. від Михайла Годованця, 66 р., в с. Яремче.

Записав М. Слободянюк.

ІЗ ЛЕМКОВСКИХ НАРОДНИХ СПІВАНОК

(Записал Н. А. ЦИСЛЯК)

Кед собі заспівам трома голосами,
Єден піде верхом, а два долинами...

Кед собі заспівам красні премилені,
Аж ся мі розвинує под бучком корені.

Як я си заспівам по-под яворики,
Почує мя милый аж до Америки.

Як он мя почує, то он си так рече:
Чие-ж то дівчатко по горах щебече?

Щебече, щебече по-под яворики:
Вернийся мой милый, верний з Америки.

Дівка я сой дівка, дівка я сой праві,
Як тота росичка на зеленой траві.

Бо тота росичка, ніж сонечко зійде,
А я собі дівка, ніж миленький прийде.

Не мам я голосу, не мам я ладного,
Бо-м ся не навчила, немала-м от кого.

Бо моя мамуся нигда не співали,
Лем все ся сварили, же нас дуже мали.

Мамусь наша любя, не старайте вы ся,
Як мы звырастає, звыдаєме мы ся.

Идут мі співанки, як з якого писма,
Кобы я так была до роботы фрышна.

Як ты будеш добрый, то я буду ліпша,
А як ты будеш злый, то я буду-гирша.

Кобы-с ты был добрый, я бы ліпша была,
Кобы-с ты розмавлял, я бы зготовила.

Любує мя любуй, лем мя не выдавай,
Як приду на танец, близко мя не ставай.

Пива мі не купуй пити го не буду,
До танцу мя не бер, бо с тобом не пиду.

Возми ты сой иншу, а я сой посиджу,
Я тебе Яничку и так рада виджу.

Буде война буде, зо світа зогнана,
Не пушу милого, пиду на ню сама.

Ты такой мой милый, як трава зелена,
Лем тя приздобила китайка червена.

Повідаш миленький, же я не червена,
Росне в лісі травка, не каждая зелена.

Ты такой паробок, а я така дівка,
Ты не маш перечка, а я не мам вінка.

Ты не маш перечка, бо-м ти не купила,
Я не мам віночка, бо-м сой не увила.

Зато не огваряй мя, парадный сыну,
Хоц ты мя не возмеш, я зато не згину.

Калина малина над водом ся хвіє,
Все богатска дівка с худобной ся сміє.

Где-ж то гудит, где-ж то гудит?
Где-ж то скрипка грає,
Тат то вдова свою дівку
За мужа выдає.

Бідны дівки ся выдають
З голыма руками,
А богатскы дівки сидят
С волами, с конями...

Беру лен, беру лен,
Загонец през тыждень,
Выбрала-м до краю,
Возми мя шугаю.

Конопка конопка, зелена конопка,
Нема в нашом селі ладного паробка.
Лем тот еден Ваньо,
И то лем в неділю —
Вшыє му Ганичка
Леняну кошелю.

Чом-же ты, дівчатко, таке невеселе?
Бо и млин на муку без воды не меле.

Дармо, дівко, дармо, запрягло-с ся в ярмо,
Уж го не выпряжеш, аж до гробу ляжеш.

Дунаю, Дунаю, тиха в тобі вода,
Не повіч дівчатко, же я был при тобі,

Лем ты так повідай, же я лучку косил,
Дам я ти перечко, што я го рад носил.

Коничку сивавый, вынес мя с Моравы,
Як мя не вынесеш, стрілю ти до главы.

Стрілю ти до главы, стрілю ти до бочка,
Як мя не понесеш там, где родиночка.

Возми мя на танец, мой милый Яничку,
Так ся ти оберну, як на тареличку.

Не выбирай, Яничк, в неділю на танці,
Але сой выбирай в роботі на сонці.
В неділю на танці — кулява подскочит,
В роботі на сонці лем ноги волочит.

СКАЗКИ СТАРОГО ЛЕМКА

(Подал Старый Лемко из Коннектикут).

ЯК СТАРЫЙ ХОДИЛ ДО ШКОЛЫ

Жили в єдном селі двое стары люде, дідо и бабка. Якоси раз бабка каже:

— Та другы люде якоси ліпше от нас жиют, бо ходили до школы, научилися читати и писати, та и газдувати ліпше газдуют.

Старый подумал и гварит:

— Правду гвариш, стара. Та знаш ты, што? И я пиду до школы.

Як задумал, так и зробил: купил табличку и рисік, стара вшила торбу, втал рано и выбрался до школы. Пришел до школы, учитель ся го звідует:

— Чого ты, старый, пришел тепер до школы?

— Я пришел до школы учиться — гварит дідо.

— О, та тобі треба было вчастнійше придти до школы. Тепер уж запоздно.

Вернул старый дому и гварит бабкі, што учитель казал, што днеска запоздно до школы пришел, што завтра треба буде вчастнійше стати.

На другой день дідо пришел так рано, што ище никого в школі не было. Учитель му каже, што он поздно до школы пришел. Та на третий день дідо встал предодньом, и ище цілком темно было, коли пришел пред школу. Двери были ище замкнены. Задуркал. Вышел учитель и звідуется, чого пришел. А он гварит, што му вчера казал вчастнійше придти. Аж тепер му учитель выяснил, што он уж до школы застарый, най собі остане дома.

Вертат дідо до дому, подорогі стрітил почту. Смотрит, а з воза упал мішок. Дідо поднял мішок, смотрит, а в мішку золоты грошы. Взял мішок под паху и пришел дому. Дома мішок шмарил под припечок, не гварит старой нич.

Коли поставали в друге рано, дідо не збератся уж до школы. Бабка гварит:

— Та чом ты, старый, не зберашся до школы?

— Та бо учитель мі казал, што мі уж поздно до школы ходити и звідувал, чом я

не ходил до школы, як ем был малый, — справятся дідо.

— Но та як мы будеме жити, — почала боженкати бабка. Но дідо ей потішат:

— Не грызся нич, стара, бо я як шол зо школы, то ем нашол мішок з грошми, то лем даяк тепер уж будеме жити...

— Та где тоты грошы?

— Та там под припечком. Ноле подай тот мішок.

Стара подала старому мішок, он розв'язал, преберат тоты золоты грошы, але ни он, ни она не зна вартости тых грошей.

— Но та што будеме робити, як не знаме, за який грош што мож купити. А як нас ошукают? — боженкат стара.

— Цыт, лем буд тихо, — гварит старый.

Взял еден золотый дукат и выбрался до міста на купно. Вошел до skleпу, показал на едно, на друге, жебы му дали, а потом дал им тот золотый піняз. Купец взял, порухувал належитость за товар и выдал решту. Тепер старый уж знал вартость такого золотого пінязя. На другой раз взял векший золотый піняз, и знов так выпрактикувал, и так выпрактикувал всі золоты пінязі в мішку, меньшы и векшы.

Мали стару хату, дали поправити. Мали еден морг землі, купили другой. Мали одну корову, купили другу, и жиют собі, як у Пана Бога за дверми.

Но приходит раз в село жандарм и звідуется вийта, што в селі чувати. Вийт гварит, што нич такого нового. Но жандарм звідует дальше, ци дакто в селі не богатится. Вийт перешол в мысли ціле село, и гварит, што ест двое старых людей, што мали дюраву хату, а поправили ей, мали еден морг землі, докупили другой, мали одну корову, купили другу.

Жандарм дораз зашел до старых и взял старого до арешту, а на другой день до суду. Просится судья:

— Ци ты, чоловіче старый, не нашол даякы грошы?

— Грошы? -- звідует дідо, бо добри не

дочул. — Так, гварит, я нашол грошы, як ем ходил до школы.

— Я тя не звідую, як ты до школы ходил, лем ци ес тепер грошы не нашол?

— Та я гварю, пане судьо, што-м нашол грошы, як ем до школы ходил.

— Но и нашто ты го ту припровадил, — звернулся судья до жандарма. — Иди, діду, до дому...

ЯК МАЛЯР ЗМАЛЮВАЛ С ТОГО САМОГО ЧОЛОВІКА — АНГЕЛА И ЧОРТА

Жил-был славный маляр во Франции и задумал ангела змалювати. Ходит по Парижу и долго не може найти подобного до ангела хлопца. Але раз проходит улицом, смотрит, иде хлопец подобный до ангела. Маляр озвался до хлопца, просит почекати, што он хоче штоси поговорити з ним. Но хлопец ани смотріти на него не хотіл, каже, што он нема часу, мама выслала го купити штоси и он спішит. Маляр пошел вслід за хлопцом и дошел до бідного дому, где они жили. Просится жёны, ци то ей хлопец. Жёна каже, што ей хлопец, и дуже добрый, послухнячий хлопец.

— Я маляр, и я бы хотіл змалювати з него ангела.

Мати радо пристала. Маляр змалювал с хлопца прекрасного, доброго ангела. Всі, котры виділи тот образ, говорили, што такий мае быти ангел.

Ангела маляр уж мал и славу за него получил, и тепер хотіл змалювати чорта. Але ходил и ходил за чоловіком, с котрого бы мог змалювати страшного чорта, а не мог такого найти. Глядал за таким чоловіком уж двадцет літ. Аж раз му гварят, што найліпше глядати такого чоловіка меж криминальниками, в криминалах.

И зашел маляр до едного криминалу и просится, ци ту не мают такого страшного чоловіка, котрый бы был подобный до чорта. Ключник гварит, што мают ту едного бандита, што засудженный на доживотя за рабунок и убийство, и подобный до чорта.

Впустили маляра в камеру, где тот чоловік сиділ. “Якраз такого мі треба, абы змалювати чорта” — подумал маляр. И змалювал з него чорта. А потом просится дверника, як тот чоловік называтся. Дверник му оповіл його историю, имя и назвиско. Те-

пер аж маляр довідался, што с того хлопца, с котрого он змалювал ангела, вырос чорт. Бо в таке зле товариство попал по смерти своей матери бідный хлопец.

Наука с того, што як чоловіка выховуют, таким он стае в житю.

СМЕРТЬ, А НЕ ГРОШЫ

Ишол мужик дорогом и увиділ на дороге мішок з грошми. Оглянеся, а за ним шли два молоды паробкы. Мужик копнул до мішка и гварит:

— То смерть, не грошы!

Два молоды паробкы чули, што старый рюк, подняли мішок, оглянули, а то грошы!

— Але то дурный старый, — сказали, — нашол грошы, а не взял.

И взяли грошы и идут до міста. Коли подошли ближе міста, скрутили в лозины, сіли, тай почали рахувати грошы, штобы знали, як поділитися. Але каждому в голове, як бы то не ділитися з другим, а забрати всьо собі. И каже еден:

— Знаш ты што, я полечу и принесу горілки, то выпьем с той радости, што зме грошы наши.

И побіг за горілком. Купил горілки и купил отровы, абы подсыпати своему товаришу и згладити го зо світа, абы всі грошы взяти самому.

Но тот, што остал при грошах, так само думал, и он приготовил собі тымчасом грубого сукатого бука, штобы убити своего товарища и грошы взяти сам.

Вернул тот с палюнком, налял своему товаришу до подсыпаной отровы и дал выпити. Тот выпил, тай хватил бука и по голове так ударил пару раз своего товарища, што го убил. Но скоро и сам вывернулся от отровы, и грошы остали лежати меж двома трупами.

А старый слідил за нима обома, тай нашол их там мертвых и грошы коло них. Взял грошы и шол дому.

НЕ ХОТИЛИ БЫТИ КОВОРАМИ

Посварилися два сусіде на меджах и до суда. Еден нашол адвоката и оповіл му, як то было. Адвокат каже:

— Твоя справа ясна, як на долони и ты выиграш напевно.

Дал газда адвокатови задаток и вышол. А тым часом пришол и другий сусід до міста, бо чул, што тамтот отдає справу адвокату, то и он мусит. И трафил до того самого адвоката. Оповідат му, як было діло. Адвокат гварит:

— Твоя справа ясна, як на долони, и ты напевно wygrаш. Но, видиш, я уж взял справу твоего сусіда, то твою не можу брати. Але зато нич, я знам доброго адвоката, котрый возьме твою справу и ей выграт. Я ти напишу до него письмо.

Написал он му письмо, на верху написал адрес. Но газда хотіл конче знати, што адвокат адвокату пише о той сусідской справі. Тай он отворил то то письмо и читат, што адвокат пише. А писал он так:

“Колего, трафилися мі дві дойны коровы, але я не можу обі дойти, то я тобі одну даю дойти, а другу я буду дойти. Памятай, што-

бы мы так доили, штобы зме всьо выдоили. . .”

Як сусід то то письмо прочитал, то му волосы дубом на голові стали. Перекрестился и вертат до дому. Але подорогі вступил до корчмы. Смотрит, а там його сусід при столі сидит, отпочиват, видно. Тот подходит подоброму ку нему и гварит:

— Як ся маш, сусіде. Видиш, я ся на тебе не гнівам, и хочу згоды.

Тамтот посмотріл на него зло. Але тот вынимат письмо адвоката адвокату и дає читати. Тот прочитал, и гварит:

— Та и я ся уж не гнівам. Уж най буде згода меж нами.

Подали собі руки сусіде, выпили и закусили, як люде, вернули до дому, як сусіде, и жили, як сусіде, а не як дойны коровы.

Старый Лемко.

ХРАБРЫЙ КУХАР

Было то в Финляндии, в часі совітско-финляндской войны. По дремучым лісам, по глубоком снігам, по болотам преслідували красноармейцы білофиннов. Наконец, финны отошли ку великому озеру, на берегу котрого они побудували желізобетонны подземны кріпости. Забралися они в тоты кріпости и там засіли.

Погода была холодна. Морозы доходили до 40 градусов. Выкопали мы землянки, поставили в них печкы. Даже купальню под земльом устроили. А на самом берегу озера вырыли окопы, прорыли ходы, ростянули колючы дроты. Меж нашими и финскими позициями лежало озеро. Оно тянулось сім километров, но дуже было узке.

Едного разу лежат наши стрілки в окопах и видят: по самой середині озера біжит великий лось (род оленя). Бойцы залюбовалися красивым животным. В наших лісах рідко встрічаються лоси, и у нас их дуже ошаджают. А финны, замітивши лося, почали стріляти с кулемета. Пристрілили го и поползли по озеру, штобы забрати для себе мясо.

— Не быти по-вашому! — крикнул кулеметчик Костя и начал стріляти по бандитам. С тамтого берега затрещали автоматы. Услы-

шавши перестрілку, из землянок выскочили красноармейцы и заняли свои міста. Завязался бой. В тот час наш кухар Кошкин готовил обід. Мимо него пробігали бойцы. Они подносили патроны кулеметчикам. Кошкин спросил у них, в чом діло.

Через пять минут он был уже в окопах. В руках у него был долгий шнур, а на реміню штыри ручных гранаты.

— Ты куды? — звідуют го.

— Як куды? — отповіл он. — За лосем. То моя кухарска справа.

Кошкин наділ стальну каску, білый маскуючий плащ и пополз по глубоком снігу. Финны скоро замітили смільчака и открыли огонь из автоматов. Но Кошкин глубже зарылся в сніг и посувался вперед. За ним розмотувался и тягнулся шнур.

Кухар добрался до цілі. Он кріпко привязал шнур к задным ногам лося и махнул руком: можете тягнути. Шнур натягнулся. Бойцы влекли лося по снігу в окоп. Кошкин полз впереди, прикрываючись от куль тушом лося. Увиділи финны, што добыча уходит им из-под носа, и поползли по леду, штобы перехватити лося. Но кулеметчики наши змусили их повернути назад. Лем самы завзяты добрался ку лосю. Стрільба стихла. Финны перестали стріляти, штобы не подстрілити своих, а наши кулеметчики

боялися подстрілити кухаря. Ту Кошкин вняв гранаты и почал угощати білофиннов. Мало кто остал живой з них. Лось достался нам.

А наш кухар вернувся в окопы и — дораз ку польовой кухні розділювати лося. На вечерю у нас была така смачна печеня, што всі їли и хвалили.

Вот який у нас был кухар!

Борис Калугин.

ВОЛЧИХА

(Рассказ охотника)

В глухом лісу, заваленом колодами и сучом, где птицы не вьют гнізда и рідко бьвають люде, Акым нашол волчу нору. Вколо валялися птичы пера, огрызены кости. В норі, видно, звіры. Ку обом выходам норы Акым, практичний звіролов, поставил пасти. На другий день он запряг коня и поїхал ку норі за добычом. Не помылился Акым в своих рахунках. Волчиха была поймана. Акым сунул ей в рот березову палку; коли она, зарывавши от болю и злобы, стисла ей зубами, он быстро обмотал морду звіря шнурком, звязал ноги.

— Сострунена, голубушка, — рюк он, усміхаючись. — Кончилося твоє вольне життя.

Он положил волчиху на телігу. Взял желізну лопату и почал откопувати нору. Мягка земля легко поддавалася лопаті. Акым працювал горячо и весело. В норі оказались штыри волчата. Они были уж зрячы, но ище слабенькы и беспомочны. Он кинул их в телігу и поїхал дому.

“Отвезу в звіринец, — думал он, погоняючи коня. — Рублей двіста дадут, и то хліб.”

Волчиха мотала головою и рвалася, стараючись розорвати шнуры. В очах ей застыл страх. А волчата ничего не понимали. Припавши к брюху матери, они забавно цмокали и теребили сосцы.

Акым дві години кружил по лісу, обьїзжаючи буреломины и гущи.

На скруті несподівано выскочил зо-за корча старый волк, остановился перед конем. Конь встал на дыбы, сіпнул в сторону, перевернул телігу. И ту сталося таке, чого долго не мог поняти звіролов Акым. Волчи-

ха розорвала пута на задных ногах и, захолзнана, высоко поднявши звязаны передны ноги, огромными скоками понеслася в ліс. Волк убїжал за ньом. Престрашены и столчены волчата сковулили под телігом. Акым успокоил коня, поставил телігу на колеса, положил на телігу волчат.

— Вот оказия, — рюк он сердито. — Ну и оказия! Сто рублей в руках были — пропали!

Он нарікал на себе за то, што мало взял мотузков, планно звязал ноги волчихы и не привязал ей мотузами до телігы.

— Яка мудра, чортовка, — сплювувал он, потягуючи пипку. — С путами и с палком в морді ускакала! И куды поскаче: ни пити, ни жерти немож! Всьо едно здохне.

Волчата попискували и выползали на край телігы. Акым шлепал их долоньом.

— Сидте спокойно, паршивцы.

В селі Акым долго росповідал всім о своей неудачі и проклинал волчиху.

— Не захотіла з ліса в звіринец переселитися, — говорил он. — А в звіринці им добри: поят, кормят досыта и ниякого старунку. И повічте, яка мама, от дітей утекла, стерва!

— Што ей діти? — посміювалися мужики. — Та ци звір понимає? Люде, и тоты, трафляться, кидают дітей, а для волка щенята — пусте діло.

Волчата помістили в купальні. Жена Акыма кормила их молоком з рожка. Акым настрілял птахов, порубал на дробны кусочки, положил в корыто.

— Ічте, паршивцы, на другий тыждень в город повезу!

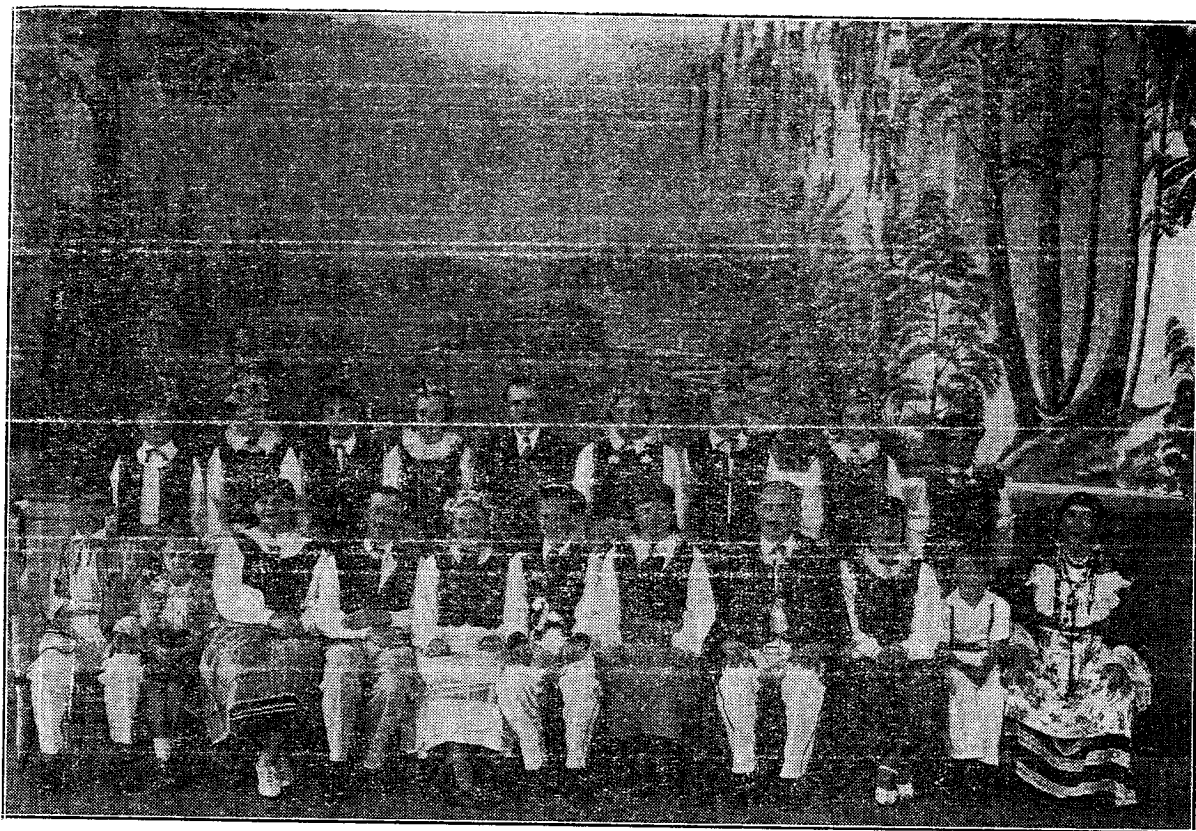
Ку лазні с цілого села зышлися діти. Дівчатка боязливо поглядували в окно, а хлопці приоткрывали двери, тыкали прутами и дразнили звірков. Но жолто-сіры волчата ховалися под лавку, не кидалися на прут, не рычали, и діти, розочарованы, оставили их в покою.

Ночом собака беспокоійно брехала на дворі, брєнчала ретязьом. Акым выходил на двор и кричал:

— Будеш тихо, Шарик, спати не даеш! Як хочеш, то я тобі дам!

Рано сусідка прибіжала к Акыму.

Коло вашей лазні цілу ноч огромный

“НА ЧУЖОМ ВЕСІЛЮ”

Аматорський Клуб при відділах Л. С. в Юнкерс, Н. Й. Снімка при сцені К. Р. А. Центра.

Аматорський Клуб товариства “Лемко” в Монтевідео, Уругвай, Ю. А.
Учасники з представленням “Мачоха”.

звір терся. Місячок світил. Я гляну в окно — ходит и ходит.”

— “Чи направила она?” — подумал Акым. Но то здавалося невірним.

— Почудилося тобі, тето Дарко, — рюк он, — не може того бути.

На другу ноч Акым все-таки набил стрільбу и засів в лазні постеречи. Ждати не треба было долго. Через оkenко он увиділ, як шла полем захознана волчиха. Тяжко ковыляючи, с палком в зубах, она подскакала ку лазні, и застонала тихо и жалобно. Діти отозвалися дружным ворчаньом и писком.

Волчиха почала подривати стіну.

Акым отворил двери, выставляючи вперед стрільбу. Волчиха метнулася в поле. Выстріл перервал ей незграбный галоп. Она ткнулася мордом в землю и упала на бок.

В отворены двери из лазні выбіжали волчата. Они дораз нашли маму и припали ку ей соскам.

Акым стоял над ними з дымячомся стрільбом.

— Ну и звіры, — бормотал он. — Ну и звіры, штобы вы пропали!

Иван Арамилев.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

TEL. WAverly 3—9537

HILLSIDE DRUG CO.

JOSEPH M. KULAKOWSKI

REGISTERED PHARMACIST
PERScriptions OUR SPECIALTY

Медицины рецепты выполняме первокласно.

1279 LIBERTY AVE., HILLSIDE, N. J.

SHOP AT

BLAKESBERG'S

DRY GOODS — SHOES
and
HOUSE FURNISHINGS

Купуйте у нас, што вам потреба!

1321 LIBERTY AVE.

Near Long Ave.,

HILLSIDE, N. J.

TEL. PAssaic 2—6336

Wholesale Meat Market

MEATS, BEEF, VEAL, LAMB
and POULTRY

У нас достанете завсе свіжы мяса.

GEORGE WAGDA, Prop.

204 LUDDINGTON, AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. RIDgewood 6—4836

WHEN YOU NEED A
CARPENTER - BUILDER

All Kinds of Alterations
Old and New Work

Storm Sash, Screens, Recreation Rooms,
Cabinets, Roofing.

Коли мате будовляны або иншы столярскы
роботы, то закличте нас, а мы Вам
даме умірковану ціну.

Пиште або телефонуйте:

Jakob Blokker, Jr.

369 GOFFLE ROAD, RIDGEWOOD, N. J.

TEL. PAssaic 2—10048

2—10049

BAKER MILK CO., Inc.

MILK and MILK PRODUCTS

Молоко и свіжы-здоровы
молочны выробы.

H. BAKER MILK Co.

2 E. MONROE ST., PASSAIC, N. J.

Шукайте Обеспечения в Вашей Карпаторусской Организации

Коли хочете забезпечити себе і цілу фамелію в такій організації, котру можете назвати своєю;

Коли хочете допомогти своєму народу вирватися із-під дикого фашистського гнета;

Коли хочете допомогти американському народу побороти п'яту колонну агентів Гітлера і фашизму;

Коли хочете до своєї юнійної забезпеченості додати аскураційне забезпечення;

Коли хочете обороняти Америку перед п'ятою колонною Гітлера — ТОДІ ВАША ФАМІЛІЯ — ОТ НАЙМЕНЬШОЇ ДИТИНИ ДО НАЙСТАРШОГО ЧЛЕНА ФАМІЛІЇ — МАЄ СТАТИСЯ ЧЛЕНОМ

Карпаторусско-Американської Секції Міжнародного Робочого Ордену

Днес поспіх на роботі підточує ваші сили, коли в наслідок довгих робочих годин ви вимучуєтеся, що убільшує нещасливі випадки і зростає всяких хворот.

ВІ ТОЛЬКО В КАРПАТОРУССКО-АМЕРИКАНСЬКІЙ СЕКЦІЇ ОРДЕНА НАЙДЕТЕ ПОТРЕБНУ ДЛЯ ВАС ОПІКУ, В ОРГАНІЗАЦІЇ, КОТРА СКЛАДАЄТЬСЯ ТОЛЬКО З РОБОТНИКІВ, ПО ЯКОЇ ПРИЧИНИ ОНА СЛУЖИТЬ ТОЛЬКО РОБОТНИКАМ І ЇХ СЕМЕЙСТВАМ!

За що ми стоїме?

Наша Карпаторусська Секція Ордену є братсько-запомоговою організацією, котра має в своїй програмі трудитися для добра робітників і демократії проти фашизму і нацизму, дати робітникам доступне аскураційне забезпечення. Двері Карпаторусско-Американської Секції Ордену відкриті для кожного сина і доньки нашого народу не дивлячись на те, хто до якої церкви ходить, або хто до якої політичної партії належить, бо боротьба проти фашизму потребує від нас єдності, як ніколи перше.

Тому, що Орден все велику увагу звертає на проблеми робітників, Орден зростає швидше від інших організацій. Тому, що Орден боровся проти фашизму і нацизму, більше членів ставалося членами Ордену, як інших запомогових організацій. Днес в Ордені нараховується вище 150,000 членів. Орден безпечною організацією, бо Орден знаходиться під прямим доглядом Нью Йорк Стейт Іншуренс Департамента і має вище 2,000,000 доларів резерви.

НАШЫ ПОДПОРЫ

Ваша найголовнійша проблема — ассекурация на випадок “ЯК БЫ ДАШТО СТАЛОСЯ”. Вы не хочете лишити ваше семейство “БЕЗ НИЧОГО”.

Членом Карпаторусско-Американской Секции Ордена може статися всяка особа от 16-го до 60-го року жия. Діти до 15 року жия могут статися членами Дитячої Секции. Грошевыи маєток Ордена до 1-го сентября 1941 р. выносил \$2,034,542.07. Он находится под доглядом Стейт Иишуренс Депармент штата Нью Йорк. Орден выплатил в формі хворых и смертных подпор за послідных 10 роков своим членам \$4,763,916.28.

Членом Ордена може статися каждый работник не дивлячися, якои он религии, яких политичных переконаний або цвѣта кожи. Вступающий в члены Ордена должен платити вступне в такой величині:

Діти до 15-го року жия	.. 25 центов.
От 16 до 25 року жия	.. 50 центов.
От 26 до 45 року жия	\$1.00
От 46 до 60 року жия	\$2.00

Член от 16 до 45 року жия может получить от \$100 до \$3,00 смертной подпоры и от \$4 до \$10 хворой подпоры. Член мающий хвору подпору мае право на подпору под час сухот по \$20 за 30 тыждней, и от \$50 до \$400 в случаю покалічения. Жены членов Ордена мают право на сухотну подпору и от покалічения також. Они платят 14 центов меньше, як их мужы.

Член от 46 до 50 может получить от \$100 до \$1000 смертной подпоры. Хвору подпору член старший от 45 року жия не может получить.

Член от 50 до 60 року жия может получить от \$100 до \$500 смертной подпоры. В Карпаторусско-Американской Секции Ордена член может оплачовати свою подпору по ступневой, ровной и выплаченной к 65 року жия таблицях. Каждый приступающий должен пройти доктора на свой кошт у лікаря регистрованного Орденом.

За дальней информацией пиште по своему на низшу адресу:

International Workers Order, Inc.
Carpathorussian-American Section
80 Fifth Avenue, New York, N. Y.

TEL. PAssaic 2—0733

РУССКА НАРОДНА ОРГАНІЗА- ЦІЯ В ПАССАЙК, Н. ДЖ.

*

ВЕЛИКА ГАЛЯ
на

Представлення-Бали

Вынанимаме также на Весіля — Банкеты
и всякы други забавы.
ЦІНА ПРИСТУПНА.

СВОИ ДО СВОГО!

RUSSIAN NATIONAL HOME

A. BISCHAK, Manager.

159 FOURTH ST., PASSAIC, N. J.

TEL. PAssaic 2—2677

ПЕРВОРЯДНА ГРОСЕРНЯ И БУЧЕРНЯ

ОСИФА МОНЧАКА

До Осифа, до Мончака
Идут люде из далека,
Не лем русскы, а и чужы,
Бо всі знают, же обслужит,
Ци малого, великого
Однаково справедливо,
Честно, скоро, што аж мило...
Єст у него свіже мясо.
И то все, не лем так "часом",
Ци Вам треба из "бучерні",
Ци зас дашто из "Гросерні",
Вшиткого там достанете
И так, што не пожалуете!

* *

JOSEPH MONCHAK GROCERY & MEAT MARKET

112 VAN RIPER AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. 2—8728

ПЕРВОРЯДНА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба, знате, Вам повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат Вам отріже.
Яйка, сыр, масло колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всего широко Вам наважит,
А и честно Вас обслужит.

* *

MICHAEL MASLEY GROCERY & MEAT MARKET

322 HOPE AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. PAssaic 2—8782

ПЕРВОРЯДНА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

ЗАХАРИЯ МЕРЕНЫ

В шторі Мерены, крайна,
Як в полудне, в вечер, рано,
Товар мате першу кляссу,
Гросерию и колбасы.
Свіжы мяса и ярины
Привозят там каждой днины,
Бо Мерена бизнес знає,
И старого не продає.

* *

ZACHARY MERENA GROCERY & BUTCHER STORE

127 ACKERMAN AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. Passaic 2—5521

QUALITY!**SERVICE!****SATISFACTION!**

Найліпшы мебели, рефрижерейторы, машины до прання и шитя, комбинаційны печкы на уголь гез, — олейовы печкы до паленя и огріваня, карпеты, линолеум и всьо потребне для выгоды в домі. Продається у нас дешево и на легкы сплаты.

PULASKI FURNITURE CO.**STEPHEN MYSLINSKY, Prop.**

* *

108 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

TEL. Passaic 3—2048

NATIONAL WINES & LIQUORS, Inc.
WHOLESALE DISTRIBUTORS

СКЛАД ВИН и ЛИКЕРОВ
найліпшых сортів.

585 MAIN AVENUE, PASSAIC, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦЯ
BEER GARDEN

Галя до вынайму на весіля и забавы.
 У нас достанете завсе честну услугу, свіжы и
 напитки и закускы.

МИХАИЛ КУШВАРА

199 CAMBRIDGE AVE., GARFIELD, N. J.

TEL. Passaic 2—2584

BAUM'S
FURNITURE

У нас достанете найліпшы мебели до мешканя,
 а заплатите не дорого.

172 MARKET STREET, PASSAIC, N. J.

Compliments

from

HENRY SAMEK**TAILOR**

326 HOPE AVENUE, CLIFTON, N. J.

TEL. Armory 4—3737
4—3738**SONOMA VINEYARDS WINERY**

Bottlers of the Famous **EL TORO WINES**
СКЛАД НАЙЛУЧШЫХ ВИН

ALBERT VISCHIA 188-194—21st Ave.
 General Manager **PATTERSON, N. J.**

TEL. Passaic 2—9419

РУССКА ГОСТИНИЦЯ
СТЕФАНА ВОЛЧКО

Где Русскы люде ся сходят,
 Часом чужих тыж приводят.
 В приятельстві попивают,
 И по русскы сой співають.

STEPHEN E. WOLCHKO, Prop.

159 THIRD ST., PASSAIC, N. J.

TEL. WAverly 3—0659

ДВА РУССКЫ ЛИКЕР ШТОРЫ

SHARKO'S LIQUOR STORE

BEER-WINE-LIQUORS

*

1317 LIBERTY AVE.
Below Long & Liberty Aves.

HILLSIDE, N. J.

ALSO

TEL. Market 2—9693

FERRY WINE & LIQUOR STORE

MIKE SHARKO and EMIL SAWCHUK, Prop.

Выполняем ордера на веселя, забавы и проч.
Довеземе Вам бесплатно.

* *

158 FERRY ST. NEWARK, N. J.

TEL. UN. 2—3047

Cash Meat Market

CHOICE MEATS, GROCERIES and PROVISIONS

Гросерия и Бучерия, где достанете завсе свіжы
мяса и гросерию, а заплатите недорого.**STEVE ZATKO, Prop.**

312 HILLSIDE AVE., HILLSIDE, N. J.

TEL. WA. 3—9846

Compliments of

LIBERTY TAVERN

BOWLING ALLEYS

J. F. CONNELLY, Prop.

48 Public Service Bus Stopt at the Door.

1390 LIBERTY AVENUE
HILLSIDE, N. J.

COMPLIMENTS

from

Dr. SAMUEL SAMET**DENTAL SURGEON**

ПРИВІТ ВСІМ

Костумерам и Приятелям.

*

* *

1200 SALEM AVE.

Cor. Coe Avenue, HILLSIDE, N. J.

TEL. BI. 3—0258

FRED H. ROEVER

OPTOMETRIST

OPTICIAN

Reasonable priced glasses made to your
satisfaction.

Our Motto:

"Every Costumer a Satisfied Patient".

OPEN: TUESDAY, THURSDAY and SATURDAY
EVENINGS TILL 8 P. M.

У нас достанете добру и честну услугу.

* *

237 CLINTON AVENUE, NEWARK, N. J.

РУССКА
МОЛОЧАРНЯ

У АЛЕКСАНДРА КРАЧУН свои коровы
и молоко чисте, свіже и здорове.
Купуйте молоко от свого человека,
а будете здоровы и довольны.

*
* *

Alex Korachun Dairy

236 BANTA AVENUE, GARFIELD, N. J.

ЕДИНСТВЕННА РУССКА
ФАБРИКА СОДОВЫХ ВОДОВ
МАКСИМА МОРОЗА

На весіля — забавы — пикники, довезиме соду
безплатно.

Организации и свои люди, поддержите
свого человека!

151 SEMEL AVE., GARFIELD, N. J.

TEL. Passaic 2—3942-R.

NICK SMALL and his Orchestra

N. КОРЕС

MANAGER

Коли хотите музыку на балъ, пикник або иншы
забавы, то звертайтеся по тел. фону або на адрес до:

НИКОЛАЯ КАПЕЦ

158 SHERMAN ST., PASSAIC, N. J.

TEL. Passaic 3—2046

RUDY'S BAKERY

*

ПЕРВОКЛАССНА ПЕКАРНЯ

Завсе достанете свіжы печива: житный хліб,
ролсы, кейкы и проч. — Доставлят ордера
на организационны забавы.
Заходте до пекарни, а сами переконатесь.

Услуга первоклассна.

Наш крайн и член Лемко-Союза.

RUDY'S BAKERY

389 LEXINGTON AVE., CLIFTON, N. J.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Всім Крайнам и Приятелям от членов
Карпаторусской Народной Культурно-
Просвѣтительной Организации
Лемко-Союза ч. 14

и

Карпаторусско-Американской Секции —
запомоговой организации М. Р. Ордена
ч. 3295.

В tych наших народных Карпаторусских Организа-
циях провадится прогрессивна культурно-просвѣти-
тельна и братска запомогова работа.

КРАЙНЕ! ЧИТАЙТЕ свою народну рабочу
газету "КАРПАТСКА РУСЬ"!

КРИПТЕ свой Карпаторусский Народный Фронт
против фашизма.

ДАЙТЕ помещ в борьбѣ за свою Карпаторусску
свободу и свободу всіх славянских народов!

ВСТУПАЙТЕ членами своих народных орга-
низаций!

За Правление Л. С. и К. Р. А. С.

М. РОМАНОВ,

М. КЛИМ.

MARKET RESTAURANT

Домашня кухня, где можете смачно поісти.
Добра и честна услуга.

*

163 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

TEL. Little Falls 4—0626

PANCO DAIRY CO., Inc.

DEALERS IN

GRADE "A" MILK and CREAM
FROM TUBERCULIN TESTED HERD

Русский фермер доставлят молоко, як до штору,
так и до приватных домов.

*

JACSON LANE, W. PATTERSON, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦА

АНДРЕЯ КОЗАЯ

Где сходятся русскы люде, крайне и приятели
штобы приятно провести час.

**ANDREW KOZAY
BEER GARDEN**

62 FIRST STREET, PASSAIC, N. J.

TEL. PAssaic 2—10249

MICHAEL GORTYCH

CASH MEAT MARKET

FINE SELECTED GROCERIES
Vegetables in Season—Fine Fruits, Etc

Гей, крайне не забывайте
Свой до свого!

400 RIVER ROAD, GARFIELD, N. J.

Rutherford 2—2718-J.

ПРИВІТ

крайнам и приятелям

ОТ

ИВАНА МОХНАЦКОГО

EMBROIDERY — LACES — NOVELTIES

195 HACKENSACK ST.,
E. RUTHERFORD, N. J.

ПЕРВОРЯДНА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

ПЕТРА ТЕРЕКА

Завсе свіже мясо и grosерия
Кенды, айс-крим и сигареты.
Свой до свого!

PETER TEREK

GROCERY & MEET MARKET

160 LAWRENCE AVE., PATERSON, N. J.

GASOLINE STATION

"ESSO"—DEALER

Найліпшы продукты якы вырабляе
"Стандарт Ойл Компания"
ГЕСОЛИНА — ГРИС — ОЛЕИ
Купуйте на станции у свого крайна.

*

JOSEPH TELISCHAK

233 RANDOLH AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. PAssaic 2—4990

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ
СИМЕОНА БАСАЛЫГЫ

На корнері Центер стриты,
Красный штор, ест што видіти!
Свіжий товар першой кляссы
Гросерия и колбасы.

GROCERY & MEAT MARKET

400 RIVER ROAD, GARFIELD, N. J. 74 CENTER ST., CLIFTON, N. J.

TEL. ELizabeth 2—6753

Гей, краине, свой до своего!

ДО
БИЛИЦЫ И ГРУБОГО!

Там Вам дадут свіжы мяса,
Гросерию и колбасы.

Добру раду и услугу —
Не достанете у других.

Костюмеры о том знают,
Зато радо в нас витают.

Заходите и Вы до краинов:

NICK BROTHERS
GROCERY & BUTCHER STORE

* *

156 FIRST STREET, ELIZABETH, N. J.

Compliments

of

G. J. SAFIRSTEIN, D. D. S.

TO ALL FRIENDS

155 FIRST STREET, ELIZABETH, N. J.

MEN'S and BOY'S CLOTHING

WE OFFER EXCEPTIONAL QUALITY
IN SUITS and COATS

Найліпший штор до выбору убранны.

N. SAUER

655 ELIZABETH AVE.

Near 7th Street, ELIZABETH, N. J.

TEL. UN. 2—3026

JOHN'S TAVERN**РУССКАЯ ГОСТИНИЦА**

Кто Мазуркевича не знает,
Тот его готель минает.
Коли Вам треба дашто знати,
Зайдте его ся звідати.
Он сам радо Вас привитат
Раду добру Вам выложыт
И по русскы—приятельскы,
Угостит и услужит.

JOHN MAZURKEWICH

* *

330 LONG AVENUE, HILLSIDE, N. J.

COMPLIMENTS

of

CORRECT HOME LAUNDRY**ЄДИНСТВЕННА****КАРПАТОРУССКА ПРАЛЬНЯ**

Где Вам выперут чисто, а не дорого.

Телефонуйте:

TEL. HUmboldt 2—5546

або

BErgen 4—3889

* *

NEWARK, NEW JERSEY

Ambridge Phone: 1100

Aliquippa Phone: 1200

Pittsburgh Phone: GRant 5744

Поздравления с Новым Годом!

GREETINGS and BEST WISHES for 1942

FROM

OHIO RIVER MOTOR COACH CO.

operating from

ALQUIPPA, PA. TO PITTSBURGH, PA.

via

AMBRIDGE — SEWICKLEY

AND COMMUNITIES IN BETWEEN

ENJOY YOUR RIDE

*

* *

TEL. H. E. 3076

PURITY RESTAURANT

GOOD BEER, WINES and LIQUORS

Коли хочете смачно поїсти, а притом випити,
то заходте до нас.

*

*

*

FRANK ZUKOWSKI

2506 CARSON ST., S. S. PITTSBURGH, PA.

Phone: 404

LEHIGH VALLEY BAKING CO.

ABRAHAM BLAZEWICH, Prop.

Найліпшы Печива:

Хліб, Булки, Кейки.

* *

128 So. SECOND ST., LEHIGHTON, PA.

TEL. ALiquippa 740

JOE HORCHAR

BEER DISTRIBUTOR

Гей, краєне, памятайте,
Свого лемка не минайте,
Хочетеса подкріпити,
Он ма пиво с Айрон Сити!
Его пиво и напиток
Все Вам вийде на ужиток.
На пикники ци на балі,
Ордеруйте все в Горчаря.
Он Вам всім радо услужит,
А и з Вами ся забавит.
Довезе Вам в день, ци в ночи,
Бо он хоче всім помочи.
Угля такоже добре мае,
Не мате кеш, на трост дає!

Ордеруйте завсе у:

ИОСИФА ГОРЧАРА

224 THIRD ST.,

ALQUIPPA, PA.

TEL. PAssaic 2—7462

GROCERY & MEAT MARKET**J. KOVALCIK, Prop.**

COFFEE, TEA, BUTTER, EGGS, Etc.

Найліпша Бучерня на той околиці.

Всьо свіже, смачне и добре на хосен.

139 RAY STREET,

GARFIELD, N. J.

TEL. ELizabeth 3—2494

R. L. BRUCE

DEALER IN

MILK — CREAM — BUTTER — EGGS

HERDS TUBERCULAR TESTED

Завсе свіжы и здоровы продукты.

*

448 So. BROAD ST., ELIZABETH, N. J.

Phone: LAfayette 9706.

NICK'S BAR

BEER GARDEN

BEER - WINES - LIQUORS

РУССКА ГОСТИНИЦА

Где заходят всі русины
Подкріпляти свои силы,
У своего товарища
Николая Муляревича.

Завсе приятна и честна услуга!

НИКОЛАЙ МУЛЯРЕВИЧ

NICK'S BAR

NICKOLAI MULAREVICH, Prop.

6665 MICHIGAN AVENUE,

DETROIT, MICH.

TEL. LA. 9619

COMPLIMENTS OF

CHRIS' BAR

BEER GARDEN

BEER - WINES - LIQUORS

SPECIALIZE IN ROAST BEEF SANDWICHES

КРАЯНЕ! Коли мате спрагу, и хочете
выпити або смачно перекусити, то заходте
до своего краяна, где достанете добру
и честну обслугу.

* *

6439 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.

2 blocks West of Livernois

TEL. LAfayette 9688

POLAR BEAR BAR

BEER - WINES - LIQUORS

Regular Meals at All Hours

Завсе приятна и честна услуга.

I. T. PONEDELNIK, Prop.

5850 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.
(Near Webson)

TEL. CADillac 2950

JOHN J. MUCHLEGEI

SHEET METAL WORKS AIR CONDITIONING

Furnace Repairs and Instalation
Eavestroughs and Gutters

Коли мате дяку роботу, кличте нас.
Як не мате грошей — береме на выплату.

1561 BAGLEY AVE., DETROIT, MICH.

TEL. MAin 0885

РУССКИЙ
ПОГРЕБНИК
И
БАЛЬЗАМАТОР
Вынанимат
Автомобилы
на
Крестины
Весіля
и
всякы
Оказии

PAUL HOLOWCHAK

FUNERAL DIRECTOR

Краяне лемкы-карпаторосы в потреби
удавайтесь до своего!

2387 PROFESSOR ST., CLEVELAND, O.

TEL. MICHigan 2116

ANDREW MICHAK

SURETY BONDS & INSURANCE
REAL ESTATE BROKER

То наш краян из Пряшевской Руси.
Краяне, в потреби удавайтесь до своего краяна.

10011 RENO AVENUE, CLEVELAND, O.

TEL. SHAdyside 0161

ПЕРВОКЛАСНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ
И. ВЛАДЬКА

Краяне — Свой до Своего!
Радю Вам Довеземе.

PARMA GROCERY & MEAT MARKET

5297 STATE ROAD, PARMA, O.

ПРИВІТ ВСІМ КРАЯНАМ

Карпаторосам в Кливланд, Огайо

—ОТ—

Карпаторусского Народного
ЛЕМКО-КЛУБА

КРАЯНЕ КАРПАТОРОССЫ!

КРАЯНЕ! Заходте до свого Карпаторусского
Народного Клуба, где можете почитати собі што-
тенны газеты и други книжки.

Часом при охоті можете весело забавитися и
приятно провести вечер.

Коли хочете предплатити собі газету "КАР-
ПАТСКУ РУСЬ", або стати членом К. Р. Ам. Секции
Межд. Робочого Ордена, то звертайтесь за инфор-
мациями до стейтового Секретаря К.Р.А. Секции
Андрея Лабик, 2491 Thurman St.

LEMKO CLUB

1205 STARKWEATHER AVE.,
CLEVELAND, O.

*

CONRA'S CAFE

BEER GARDEN

BEER - WINES - LIQUORS**КАРПАТОРУССКА ГОСТИНИЦА**

Краяне Карпатороссы!

Коли хочете добре подкріпитися, то за-
ходте до гостиницы краянкы!

*

* *

1108 BRANCH AVE., CLEVELAND, O.

LENOX CAFE and RESTAURANT

РУССКА ГОСТИНИЦА И РЕСТАВРАНТ

Где сходятся краине и приятели, штобы покріпитися и приятно про-
вести свой час. Домашна кухня и честна приятельска услуга.

Заходите до нас!

МИХАИЛ СОФОЛТ

1087 EAST MARKET STREET

AKRON, O.

Lowe Supply Co.

Akron's Largest Direct To You
PLUMBING & HEATING SUPPLIES

Ордеруйте у нас што Вам потреба.
Добра и честна услуга.

415 So. MAIN ST.,

AKRON, O.

FUNERAL HOME

Мы даеме добру и честну услугу, а не дорого.

Удавайтесь до нас.

A. J. KUCKO

FUNERAL DIRECTORS

355 GRANT ST.,

AKRON, O.

COMPLIMENTS
from

THE GEORGE Y. RENNER

BREWING CO.

GROSSWATER BEER
to

All Customers and Friends

IN AKRON, O.

TEL. MAin 5749

Scranton Beverage Co.

DE LUXE BEVERAGES
J. CHAJKOWSKY, Prop.

Достарчиме Вам соды на забавы и пикники.
Услуга бесплатно.

2487 WEST 25th ST., CLEVELAND, O.

ФЕДЕРАЛЬНА КАСА ОЩАДНОСТИ

ГДЕ

ВАШЫ ГРОШЫ могут быть наилучше обеспечены, потому что там грошы гарантированы Державным Ассекурацийным Обществом в Вашингтоне.

ДЕРЖАВНЫ КАССЫ ОЩАДНОСТИ основаны и контролируются правительством Соединенных Штатов.

ДЕРЖАВНЫ КАССЫ ОЩАДНОСТИ, то Кооперативны Институтции и платят больше процентов.

2½% за год.

Отдайте Ваши ошадности до:

FOURTH FEDERAL SAVINGS and LOAN ASSOCIATION

Chartered and supervised by United States Government.

1355 FIRST AVENUE & 72nd STREET,

NEW YORK CITY.

TEL. REgent 4—9518

ONUFRY YONAK

POULTRY, PROVISIONS & RESTAURANT
SUPPLIES—SPECIAL KOLBASY

КРАЯНЕ! Ордеруйте у нас на Хрестины, Весіля, Свята и предприятия. Завсе свіжы мяса. Чужы люде задоволены, а и Вы будете як у своего спробуете. Ордеруйте сами, телефонуйте, або пиште, а радо Вам услужиме.

O. YONAK

312 E. 71st ST.

Bet. First & Second Aves., NEW YORK, N.Y.

EVergreen 4—8783, 8867

DRIGGS DRUG CO., INC.

PERSCRIPTION SPECIALISTS

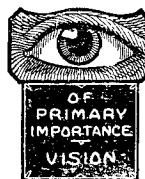
Рецепты выполняме старанно.

A. DOUZA, Mgr.

575 DRIGGS AVE.

Cor. North 6th St.,

BROOKLYN, N. Y.

ESTABLISHED 1893

EYE GLASSES

MADE WHILE YOU WAIT
IN OUR OWN FACTORY

DIAMONDS—WATCHES—JEWELRY

Выробляме окуляри на очи.
Продаеме Дияментовы перстени, годинкы и т. п. річы.

F. H. SMEJKAL

1349 FIRST AVE., NEW YORK, N. Y.

Compliments
from

Italian American Groceries

TO ALL OUR
COSTUMERS and FRIENDS!

552 DRIGGS AVE., BROOKLYN, N. Y.

TEL. YOnkers 5—0544

ИВАН МАЛЮТИЧ

В штері Малютіча Івана,
В полудне, в вечер и зрана
Свіжий товар достанете,
Николи не пожалуете!
Он наш краян з села Ріпок,
Всьо продає на ужиток!

*

JOHN MALUTICH**GROCERIES & DELICATESSEN**

ALSO

ICE CREAM, SODA, CIGARS and CIGARETTES

131 YONKERS AVE, YONKERS, N. Y.

TEL. YOnkers 5—7134

COMPLIMENTS OF

**WOODSWORTH
RESTAURANT**

Where Good Fellows Get Together

FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

* *

КРАЯНЕ! Коли хочете смачно поісти, а при том
и выпити, то заходте до гостиницы свого краяна
Лемка - Карпаторосса.

Он Вас добре погостит и честно обслужит.

ANTHONY DURKOT, Prop.

66 WOODSWORTH AVE. YONKERS, N. Y.

TEL. YOnkers 3—5703 J.

ПРИВІТ ОТ

краяна

ВЛАДИМИРА ГОНЧАРИН

КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!

СВОИ ДО СВОГО!

*

**WL. HONCHARYK
GROCERY & MEAT MARKET**

ALSO

BOTTLED BEER, SODA & CIGARETTES

46 BENNETT AVE., YONKERS, N. Y.

TEL. STuyevesant 9—0580

IRVING PLAZA HALLS

AUDITORIUM—BANQUET ROOMS—

RECEPTION HALLS

for

WEDDINGS, CLUBS and LODGES

Галя до вынайму на всякы оказии.

ЦІНЫ ПРИСТУПНЫ.

* *

17 IRVING PLACE

Cor. 15th STREET,

NEW YORK, N.Y.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

ТИПОГРАФИЯ

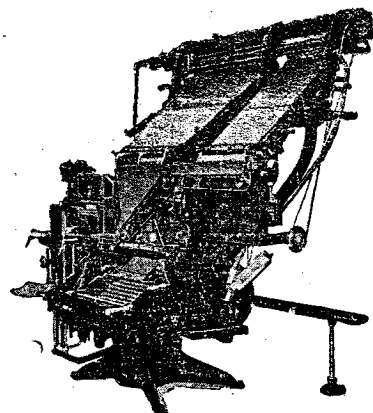
“КАРПАТСКОЙ РУСИ”

ПРИНИМАТ ВСЯКИ ТИПОГРАФИЧНЫ

РОБОТЫ НА ВСІХ ЯЗЫКАХ

РОБОТЫ ВЫКОНУЄ ТОЧНО, ДЕШЕВО

И ХУДОЖЕСТВЕННО!

Коли Вам потребны летучки, билеты, письма с Вашим именем, присылайте в нашу Типографию, мы Вам напечатаем.

Напечатаем Вам статуты для братств, так на литературном русском языке, як по-карпаторусски або по-украински, а также по-английски — точно и поправно!

ПИШТЕ В РЕДАКЦИЮ:

“КАРПАТСКА РУСЬ”

556 YONKERS AVENUE, YONKERS, N. Y.

КАРПАТОРОССЫ, ЧИТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ ГАЗЕТУ

“КАРПАТСКА РУСЬ”

ТО ВАША

КАРПАТОРУССКА РОБОЧА ГАЗЕТА!

“КАРПАТСКА РУСЬ”

ОРГАН

ЛЕМКО-СОЮЗА И КАРПАТОРУССКОГО

НАРОДНОГО КОМИТЕТА

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАНАДИ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗЫ В НЕДІЛЮ

Предплата на рок \$3.00

“KARPATSKA RUS”

556 YONKERS AVENUE, YONKERS, N. Y.

PHONE: YONKERS 5—5234

НАРОДНА БУДОВА

Карпаторусский Американский Центр в Юнкерс, Н. Й.

ОТКРЫТА ВСЕГДА ДЛЯ КАРПАТОРУССКИХ ЛЮДЕЙ

В Народной Будові К. А. Центра ест велика, модерно устроена гала на концерты, представления и други предприятия. В ней може поміститися 1,200 особ.

В Народной Будові К. А. Центра ест ресторан, открытый всегда для публики.

В Народной Будові К. А. Центра ест удобне поміщение на братскы и клубовы митингы.

В Народной Будові К. А. Центра поміщаеся типография и редакция нашей народной газеты "Карпатска Русь", а также головна канцелярия Лемко-Союза.

На землі К. А. Центра ест прекрасне місце на пикники. Літом отбываються пикники каждую неділю.

Каждый карпаторосс може и должен быти членом Карпаторусского Американского Центра.

Полный пожизненный членский взнос: \$25.00. Кто внесе 5.00, буде числитися членом на один рок, а по 5 роках рочного членства, як сумма рочных членских взносов дойде до 25 дол., он стаеся полным пожизненным членом.

RESTAURANT & BAR DINING and DANCING

FOOD PREPARED IN TEMPTING RUSSIAN STYLE
Beer served ————— direct from the wood

NEWEST ATTRACTION:

Our lovely upstairs hall. — Serviceable for all occasions!

КАРПАТОРУССКИЙ РЕСТОРАН

В КАРПАТОРУССКОМ АМЕРИКАНСКОМ ЦЕНТРЕ ОТКРЫТЫЙ
ВСЕГДА ДЛЯ ГОСТЕЙ.

В РЕСТОРАНИ К. А. Центра встрітите всегда своих крайнов и знакомых, и приятно проведете свободный час.

Удобный доїзд со всіх сторон, бо НАРОДНА БУДОВА Карпаторусского Американского Центра положена при Юнкерс евню коло самой Кросс-Кавнти Ровт, по котрой иде головный трафик из Пенн-сильвании и Нью Джерзи в Коннектикут.

CARPATHO RUSSIAN AMERICAN CENTER
556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.